

Василий Орехов Сергей Осипов

Клеймо зоны

Аннотация

Ксанта Леженда и ее друг, бывший морпех Денис Кузнец, прибыли в Чернобыльскую Зону отчуждения, чтобы разыскать брата Ксанты, сталкера Мута, бесследно исчезнувшего в районе Четвертого энергоблока атомной электростанции. Опытные проводники Москит и Пифа берутся сопровождать их за Периметр. Однако долго держать в тайне секретную спасательную операцию не удается: Мут — чрезвычайно важная фигура в сложной игре, начавшейся на территории Зоны между самыми могущественными местными кланами, за его голову назначена огромная награда, его ищут и друзья, и смертельные враги. Судя по всему, незадолго до исчезновения он стал обладателем какой-то невероятно важной информации, за которую крупные игроки готовы платить любые деньги. Поэтому за спасательной экспедицией начинается настоящая охота: кланы уверены, что Ксанта знает точное местонахождение брата...

**Василий Орехов
Сергей Осипов
КЛЕЙМО ЗОНЫ**

Глава 1

— Медленнее! Двигайся медленно и трагично, салага. Представь, что ты с глубокого похмелья.

Молодой сталкер в потертом защитном комбинезоне обреченно оглянулся через плечо, зыркнул угрюмо и осторожно ступил вперед.

— Еще шаг — и стоп! Не рыпайся пока. Отдохни.

Парня звали Рентген. Хвастался, что любого человека насквозь видит, страшно любил толкнуть под стакан прозрачного умную речь, что-нибудь про социальную структуру, общественный договор, пирамиду Маслоу и так далее. С образованием, в общем, салажонок попался — а может, просто тупо выпендривался. Начинал обычно так: «Ну, людей-то я хорошо знаю, успел изучить...»

Так и стал Рентгеном. Вроде даже фамилия у него оказалась подходящая: то ли Лучевой, то ли Просветов.

Сталкер замер в неустойчивой позе у старой железнодорожной насыпи. Тяжелый армейский ботинок вдавил в грязь несколько кусков щебенки — стоять на наклонной поверхности было неудобно, ребристая подошва понемногу сползала, но Рентген благоразумно не шевелился, ожидая следующей команды от ведущего.

Рельсовая ветка тянулась через всю Свалку, Дикие земли и край Милитари к небольшому депо возле атомной станции. Узкоколейку построили перед закладкой ЧАЭС — возить стройматериалы. После первой аварии заброшенный путь отремонтировали, и списанный тепловоз, экранированный свинцовыми плитами, таскал к растущей громаде Саркофага цемент и песок.

Ведущему группы эта железка никогда не нравилась. Ближе к городу она становилась смертельно опасной: вокруг нее скапливалась бесцветная кислотная мерзость, которую научники считали дальней родственницей студню. Но здесь, у южного края Янтарного озера, дорога не первый месяц считалась безопасной — относительно, конечно. Ребята из клана не

побрезговали даже сделать схрон в ржавой коробке вспомогательной подстанции. Совсем недалеко, километрах в двух отсюда.

Рельсы, абсолютно не тронутые временем, чистые и сверкающие, словно их уложили только вчера, лежали на трухлявых, насквозь прогнивших шпалах. Деревянные давно раскололись на узкие и длинные щепки, а уложенные редкими участками бетонные — потрескались, вывернув наружу ржавые головки соединительных болтов. Словно патологоанатом брезгливо вынул пальцы из гниющих ран трупа...

Тыфу, пакость! Ведущий сплюнул. Что за хрен лезет в голову! В Зоне о мертвичине думать нельзя, как раз накличешь.

— Хемуль! — вполголоса позвал Рентген, когда пауза до неприличия затянулась. — Дальше-то что делать?

Салага сбил старшего с мысли, и тотрыкнул:

— Во-первых, не трепыхайся! Во-вторых, не рыпайся. В-третьих, опять не трепыхайся. Статую Давида видел когда-нибудь? Изображай.

Когда-то Хемуль участвовал в военных действиях в Южной Европе и навидался такого, чего иной раз и в Зоне не встретишь, хотя казалось бы... Ушел он за Периметр не от хорошей жизни — не сумел приспособиться к мирному быту, вскакивал по ночам с воплями, спасаясь от несуществующих бомбардировщиков. Только здесь, где смерть на каждом шагу, и смог успокоиться, попав в привычную среду. Пришел на один сезон денег по-легкому срубить — и остался на годы...

Детектор аномалий не показывал ничего. Чисто справа, чисто слева, то же самое — прямо по курсу, стерильно, как в хирургическом отделении. И никаких зрывых проявлений: не дрожит воздух над птичьей каруселью, не искрит контактная пара, не плющит траву гравитационная плешь. Но все равно что-то не так. Шестым, двенадцатым, хрен знает каким еще по счету чувством Хемуль ощущал неясную угрозу — словно откуда-то издалека теплый ветер вдруг принес едва различимый гнилостный запашок.

Ладно. Попробуем.

— Влево два, — нехотя скомандовал он. — И замри опять.

Отмычка качнулся в сторону.

— Нет! Стой! — тут же переиграл Хемуль. Прислушался к своим ощущениям. Вонь как будто усилилась. Или нет? — Вперед иди. Перешагни рельс, встань на шпалу и жди. И без самодеятельности мне!

Рентген шевельнулся. За спиной ведущего разом выдохнули другие желторотики. В отличие от коллеги они уже пару раз ходили с Хемулем на маршрут и знали, что на пустом месте тот особо напрягаться не будет. Конечно, Рентген и сам не такой уж новобранец, хаживал ведомым и на Свалку, и в Темную Долину. Повезло дураку вернуться живым — опыт ведущих уберег его от большинства неприятностей, а что довелось пострелять, так это мелочь. Наоборот, только самомнение выросло: как же, самостоятельно двух кабанов завалил. Или трех. Или четырех. С во-от такенными клыками. Нет, с во-о-о-от такенными!..

Через секунду Рентген уже стоял на шпалах и озирался по сторонам. Никакой опасности он не чувствовал. Вот разве что...

— Гудит, старшой!

Только сейчас Хемуль понял, что совсем не запах заставил его насторожиться, а глухой, едва различимый в мертвой тишине гул, доносящийся со стороны железнодорожной насыпи. Ровный, монотонный, но будто живой. Словно проснулась где-то в подсознании память детства — так жужжит запертый в банке из-под варенья здоровенный шершень.

— Ждем, — сосредоточенно распорядился ведущий. — Следим за гайкой.

Словцо для маркеров сохранилось с незапамятных времен. Теперь вместо гаек бродяги Зоны что только не использовали — подшипники, болты, гвозди. Чему сталкер больше доверял, то и таскал с собой. А с недавних пор и вовсе мода пошла самостоятельно маркеры отливать. Крестики стали делать, могендовиды, звездочки всякие... Вроде амулетов. Некоторые альтернативно одаренные, говорят, даже царапают на них что-нибудь

душеспасительное. «Господи помилуй», например. Или «Пропусти, кормилица!» Детский сад, одно слово.

Хемуль больше доверял старым проверенным болтам. Очень уж у них форма подходящая, несимметричная, отчего сразу заметно, когда маркер идет неправильно. Поэтому именно болт он и кинул — красиво, с подкрутойкой. Маркер перелетел через железнодорожное полотно, упал с противоположной стороны насыпи, глухо звякнул и запрыгал по щебенке. Четыре пары глаз неотрывно следили за ним.

Опять пусто. Ложная, стало быть, тревога. Ну и ладушки. Обычно-то я недолюблюю эти нервные приключения, как говорит в таких случаях один мультишный страус.

— Мне идти? — подал голос молодой.

— Не шевелись, Рентген. Прямо вот не моргай даже. Отдохни пока, подумай о духовном.

Хемуль придирично изучал рельсовое полотно, покусывая нижнюю губу. Все было в порядке, но что-то ему определенно не нравилось. Рассказывают, что у сталкеров-ветеранов развивается подсознательное чутье в форме дурного предчувствия на те ловушки, которые никак себя не проявляют. Сами ветераны и рассказывают, конечно, за стаканом прозрачного, чтобы выглядеть большими и страшными в глазах молодняка...

Нет, но дурное-то предчувствие — вот оно. Никуда не делось.

— Дышать можно? — осведомился Рентген.

Хемуль с интересом уставился на него, словно впервые увидел. А мы шутник, оказывается. Дышать ему, клоуну. Видали? В Зоне вообще лучше дышать через раз, и всякой сопле это стоит запомнить с самого начала. А то вот так вдохнешь разок-другой без команды, а на третий, глядишь, уже арфа в руках, кругом облака клубятся и авиалайнеры так и шмыгают. Такие вот клоуны, любители искрометно пощутить, Зону долго не топчут. Они все ставят под сомнение, иронизируют над ведущим, лично хотят все проверить, пощупать, потрогать. Без спросу суют руки туда, куда слепая собака хрен не сунет. Лежит потом такой оптимист возле какой-нибудь сработавшей ловушки, укороченный на голову, и недоумевает, за что ему такое невезение — видать, проводник плохой попался...

— Нет! — отрезал Хемуль. — Нельзя. — Хотел закрепить команду парой трехэтажных матерных загибов, но не стал, опасаясь увлечься и пропустить какие-нибудь важные изменения в окружающем пространстве. Лишь добавил коротко: «Замри, сволочь» — и продолжил тщательно прислушиваться к дурному предчувствию.

— Да ладно, старшой! — покровительственно хмыкнул Рентген, знающий о людях буквально все. — Нет же тут ничего!

Он резво присел, сгреб пригоршню гравия из засыпки полотна — так быстро, что ведущий не успел даже рта раскрыть — и метнул вперед, прямо перед собой, словно горсть маркеров.

— Ложись! — заорал Хемуль и сам рухнул где стоял, вжался в землю, проклиная про себя тупого салагу. Если там контактная пара затаилась или, не приведи господи, жарка спит... Запечется Рентген, что твоя курица-гриль, до хрустящей корочки. Но это еще полбеды, за собственную глупость каждый отвечает сам. Идиотов не жалко. Плохо, что до остальных тоже достать может запросто...

— Вставайте. Чисто тут, хватит дрожать уже. — В голосе Рентгена явственно звучала насмешка. — Штаны-то сухие?

Хемуль медленно, с перекошенным от ярости лицом поднимался с земли. Обернувшись, парень смотрел на него от железнодорожной насыпи с едва заметной ухмылкой. Что, мол, старшой, рискнешь подойти ко мне, чтобы немедленно двинуть в морду? Думаешь, я не понимаю, для чего ты меня вперед выслал? Да потому что сам идти ссышь, места тут опасные. Разумеется, Рентген отчетливо понимал, что за такую борзоту все равно схлопочет — не сейчас, так потом, как только они выберутся на участок, достаточно безопасный для того, чтобы ведущий осмелился приблизиться к молодому на расстояние вытянутой руки. Однако именно так, насколько подсказывал его дворовый опыт, в

криминальных мужских коллективах и зарабатывается необходимый авторитет, если не хватает физической моци и бойцовской подготовки — силой духа. Не верь, не бойся, не проси! Эти вон гаврики за спиной ведущего и так, безо всякой борзоты, то и дело получают по мордасам, потому что регулярно делают что-нибудь неправильно. А теперь они разнесут по всему Чернобылю-4, что Рентген на маршруте технично поставил на место самого Хемуля, и будут Рентгену дополнительные почет и уважуха, в результате чего он выйдет на более крутые заказы и сам потом станет формировать собственную команду молодняка. Что касается морды, которая пострадает на ближайшем привале, то и ничего страшного. Заживет как-нибудь. Он в свое время, помнится, еще и не таких люлей отхватывал. Один раз его вообще били без всяких ограничений, реально замочить хотели, втоптать в асфальт. Это, правда, давно было, еще до Зоны...

Ведущий тем временем привстал на одно колено, да так и остался почему-то. Ненависть медленно сползала с его физиономии, уступая место суровой сосредоточенности. Рентген успел даже возликовать на долю секунды — кажется, старый волк покорно стерпел пощечину и пытается сделать вид, что ничегошеньки не произошло, чтобы не потерять лица! Однако еще через мгновение он понял, что Хемуль не отрываясь смотрит мимо него — на железнодорожную насыпь, и ощутил, как от хребта к затылку начинают стремительно карабкаться полчища ледяных мурашек.

— Медленно, — тихо и отчетливо проговорил ветеран. — Очень медленно повернись и замри. И смотри туда во все глаза. Секи, чтобы по сторонам ничего не зашевелилось. Защевелится — сразу кричи.

Обернувшись — очень, очень медленно, как и было предписано, — парень дрогнул. Физиономия его от ужаса побледнела столь стремительно, словно температура вокруг разом упала на несколько десятков градусов.

Неподалеку от Рентгена в воздухе висел кусок гравия. Один из тех камешков, что бросил глупый молокосос, замер в полутора метрах над землей. Остальные уже давно раскатились по траве, а этот вот чего-то замешкался.

— Ч-чего... это? — только и сумел выдавить молодой.

— Засохни, плесень!..

Камешек как будто только и ждал, чтобы все обратили на него внимание. Он тут же начал падать — неторопливо, словно капля густого меда, тянувшаяся с ложки. Ему потребовалось не меньше полуминуты, чтобы коснуться земли, и все это время группа сталкеров зачарованно наблюдала за ним. Наконец камень упал и лениво покатился по рыхлой траве — совершенно беззвучно и уже с нормальной скоростью. За спиной глухо щелкнуло — возникло такое ощущение, будто где-то совсем рядом невидимка неумело передернула автоматный затвор. Ведомые нервно дернулись на звук, Хемуль быстро оглянулся и снова уставился на камень, беззвучно шевеля губами, словно решая в уме сложную головоломку. С такой штукой он столкнулся впервые.

— Почувствуешь боль или жар — падай на спину, — отрывисто скомандовал ведущий. — Сразу. Не вздумай шевелить мозгами, понял? У тебя их все равно нет. Про рельс — забудь, нет его.

Рентген с трудом кивнул. Прошептал:

— Не чувствую. Все... все нормально...

Нет, все-таки не зря Хемуль не доверял железной дороге. Неспроста она тут лежит столько лет, а рельсы даже не потемнели. Опять Зона пошутила, а чувство юмора у нее весьма своеобразное.

Лучше было бы обойти подозрительную железнодорожную ветку. Да вот только выбора особого нет. Ломиться через Агропром категорически стрёмно, туда в последнее время опасно часто захаживают химеры, а на маршруте — прорва ловушек после недавнего выброса. И через Свалку огибать мало удовольствия: утром какие-то отморозки устроили на Периметре настоящую войну, и теперь голубые каски стоят на ушах, усилив патрулирование до предела. Нагнали бронетехники, вертолеты носятся, как пчелы над клевером. Говорят,

кто-то из солидных засранцев — то ли «Долг», то ли «Свобода» — устроил очередной масштабный прорыв Периметра с боем курантов и фейерверками: перебрасывали за первую линию обороны оружие, бойцов и припасы. Давно уже такого шума не было.

А группа дяденьки Хемуля возвращается с неплохим хабаром, собственностью клана, между прочим, давно проплаченной заказчиками. И деньги уже давно пропиты. В такой ситуации в лапы к натовцам полезет только окончательный идиот.

Ветеран вытащил из кармана еще один болт, машинально покрутил в руке, ощупывая пальцами ребристые грани, и движением кисти запустил его туда, где совсем недавно камешек Рентгена демонстрировал свой сольный номер. Маркер пролетел несколько метров и воткнулся в глинистую насыпь на полногтя. Не рухнул отвесно, как это бывает под действием гравиконцентрата, не вошел с усилием в грунт, вмятый многократно усилившейся тяжестью. Просто воткнулся. Подозрительно, конечно, но так тоже бывает.

Хемуль сдаваться не собирался. Подобрав несколько камней, он разбросал их веером. В полном соответствии с законами физики камешки, описав плавную дугу, падали вниз.

Важное правило Зоны: не понимаешь, что происходит — отступи, пережди, обойди. Предоставь какому-нибудь дураку честь ценой собственной головы первым исследовать новый феномен.

— Все еще гудит? — негромко поинтересовался ведущий.

— Что? — Рентген, засмотревшись на раскатившиеся камни, не сразу понял, что обращаются к нему. — Есть немного. Как трансформатор. — Он прислушался. — Да все нормально, старшой. Чисто тут, ничего нет. — Парень быстро приходил в себя, и к нему возвращалась привычная самоуверенность. — Безобидный феномен. Просто аномальное поле играет...

Хемуль покачал головой. Зря он взял с собой этого малахольного. Отмычка должен безропотно идти, куда скажут, и молчать, как Збручский идол, пусть его хоть кровососы заживо жрут. А этот спорит, требует объяснений, свое мнение демонстрирует, дурилка картонная. Драгоценный авторитет подрывает, крутить твою гайку. Два раза в Зону сходил, живым вернулся по недосмотру Черного Сталкера и думает, будто все ему теперь понятно, эксперту недорезанному. В общем-то Хемуль сам так борзо начинал, поэтому вполне понимал молодого высокочку. Вот только еще парочка таких выходок, и остальные тоже бухтеть начнут. Почему ему можно, а им нельзя? А любая демократия на маршруте — скорый конец группе. Команда должна действовать как единый кулак, направляемый умелым бойцом, иначе всем хана.

— Быстрее пройдем, быстрее выберемся на чистое. Давайте напрямик, а? — азартно предложил Рентген.

— Да мать же твою! Тебе что, дурень, на этом свете ботинки жмут?! — возмутился Хемуль. — Тихо и спокойно возьми влево три! И слушай в оба уха, падла. Усиится гул — снова замри, как монумент Независимости на Майдане, и молись тихонечко кому умеешь.

Нет, зря, трижды зря взял он в команду этого быка-рогомета. Но видит Черный Сталкер, выбора все равно не было. Лучшую молодежь разобрали — слишком многие в последнее время, основательно поиздергавшись, ломанулись в Зону за хабаром. Муха с Енотом вообще из-за Периметра не вылезают, Патогеныча в баре уже неделю не видно, Борода со своим молодняком на Милитари застрял...

Времена дикого сталкерства, когда через колючку лезли все кому не лень, давно и бесправно прошли. Теперь если новичок собирается обжиться при Зоне, а не прорваться за Периметр в одиночку и сгинуть в первом же попавшемся горячем пятне, у него было только два пути: либо в клан, сдавая четверть прибыли в общак и участвуя во всех клановых войнах, либо на поклон к тертому сталкеру-одиночке, работать на подхвате. На клановых бродяг пахать не так опасно, те совсем глубоко в Зону обычно не суются и к Четвертому энергоблоку не лазают, а в случае крупного хабара кончать спутников им устав не позволяет, свои же потом могут предъяву выкатить за беспредел. Честный имидж клана портит, понимаешь. Да только где он, тот крупный хабар? Чтобы очень серьезную добычу поднять,

надо по самым гибким местам шариться, а на столе самоубийственные подвиги способны только полные безумцы. Одиночные волки. Идти за Периметр в связке с волком — для новичка риск запредельный. Если не угрохит на маршруте, использовав как отмычку для какой-нибудь сложной аномалии, так на обратном пути на Свалке под кустом прикопает, чтоб не делиться. Зато если не прикопает, то и прибыль знатная, а кроме того — массовое уважение. Можно ходить гоголем и девчонок, что в натовских барах официантками и стриптизершами работают, снимать одну за другой, а то и по две на ночь.

Сейчас, когда крупные кланы устроили свои дерзкие разборки и им не хватает пушечного мяса, а ветераны безвылазно топчут Зону неделями, молодняк малость подвыгребли. «Долг» и «Чистое небо», говорят, прямо в Чернобыле-4 завели настоящие вербовочные конторы. Дядя Сэм хочет тебя, все дела.

Осточертела мне эта эпоха, как говорит в таких случаях один страус.

— Да какого!.. Чисто же! Время только теряем!..

Неугомонный Рентген все-таки шагнул вперед без приказа. Подвела терпелка — не захотел ждать, пока ведущий разберется со своими страусиными предчувствиями. Парень повел плечами, будто проверяя, на месте ли заброшенный за спину «Калашников», и внезапно, набравшись смелости, переступил через второй рельс. И остановился, снова полуобернувшись с дурацкой ухмылкой: типа ну вот и всех делов, а вы-то боялись, сосунки!

Хемуль выждал несколько секунд — не разорвет ли пространство смертельный разряд, не завопит ли неожиданно Рентген от боли, когда новая неизвестная ловушка начнет выжимать из него жизнь, — а потом метнулся следом за ним, ухватил за шиворот, рванул назад и изо всех сил отоварил по зубам. Тяжелый кулак ведущего сбил парня с ног и швырнулся на насыпь. Борзый пацан резво вскочил, утирая рукавом кровь из разбитой губы, принял боевую полустойку — вроде еще и не прямая угроза, но уже вполне наглядно: только попробуй еще раз сунуть руки, старшой, огребешь по полной программе!

— Хватит? — мрачно спросил Хемуль, никак не прокомментировав дерзкую стойку молодого. — Или еще добавить?

— За что, старшой?! — возмутился отмычка, дико вращая глазами. — Пусто же! Сам ведь видел: не было там ничего!..

— Да ты, ублюдок, не понял ни черта, — совсем расстроился проводник.

Рентген даже не успел заметить мелькнувшего перед глазами кулака ведущего — еще один мощный и молниеносный удар опрокинул его на спину. Не спасла и бойцовская полустойка. Он пытался подняться, ворочался, нелепо взмахивая руками, но получил в качестве аперитива жестокий пинок в печень. Парня скрутило от неимоверной боли, он ошеломленно ткнулся щекой в пожухлую траву. Еще через мгновение его стошило желчью. Он хотел что-то сказать трясущимися губами, но так и не смог. Молчали и другие салаги, потрясенные скоростью и жестокостью расправы.

— Дерьмо из головы слей! — Хемуль рывком вздернул на ноги перехающего и кривящегося от боли Рентгена, пинком придал ему вектор ускорения вдоль насыпи. — Иди вперед, каракатица! Шевели ластами. Больше учить не буду — в следующий раз пристрелю, как поганую псевдоплоть! Лучше уж грех на душу возьму, чем какая-нибудь брехливая сволочь скажет, будто Хемуль нюх потерял. Ну, пшел! А вы двое — за ним, дистанция три шага. Не отставать, кабаний корм!

Когда отмычки гуськом прошли мимо, трепетно выдерживая указанную дистанцию, ведущий украдкой запустил из-под локтя через насыпь еще один болт. Проследил за траекторией полета и выругался. Все спокойно, опасности ноль — пересекай железнодорожное полотно и иди куда тебе надо. Для чего за семь верст искать обходной путь?..

Вот только тихий гул, монотонный и сверлящий — исчез. Затих в банке шершень, обесточили невидимый трансформатор. Как раз в тот момент, когда беспокойный Рентген перепрыгнул второй рельс.

И значит, обходной путь — самый верный. Ну их к монахам, эти ненаучные чудеса.

Когда группа, пройдя несколько километров вдоль полотна, все-таки пересекла железную дорогу по бетонному желобу дождевого коллектора, Хемуль объявил привал:

— Отдыхаем полчаса. Можно покурить и оправиться, кому надо. Ближе к Периметру смолить не разрешу, засекут.

Отмычки бросили на землю рюкзаки, скинули с плеч автоматы, но ни один не отложил оружие в сторону — кто прислонил к колену, кто упер прикладом в землю, обхватив за цевье. Хемуль хмыкнул: ну, хоть чему-то он смог их научить.

Побитый Рентген сел чуть в стороне, с вызовом положил АКМК на колени — дульным срезом не к ведущему, но приблизительно в его направлении. Невзначай, так сказать.

Хемуль хмуро двинулся к нему, заставив салагу испуганно дернуться и устремить ствол автомата в зенит. Однако на сей раз показательной экзекуции не последовало.

— Как себя чувствуешь, радиоактивное мясо? — поинтересовался ведущий.

Рентген неопределенно дернул головой, настороженно глядя исподлобья, показал большой палец: нормально, мол. Вопрос Хемуля ему совсем не понравился: с чего бы это свирепому ветерану проявлять ненужную заботу о борзееющей отмычке? Хочет извиниться за грубое обращение? Дождешься от этого...

— Смотри, если что не так, голова кругом пойдет, затошнит или еще чего — сразу дай знать. — Хемуль помолчал, потом сплюнул и добавил в никуда, ни к кому конкретно не обращаясь: — Всех касается.

Да уж, не хватало еще перетащить через Периметр какую-нибудь заразу. Конечно, непосредственного контакта с новым феноменом Зоны у Рентгена не было, но кто его знает, насколько опасно излучение неизвестной природы. Береженого Черный Сталкер бережет.

Негромко пискнул ПДА у кого-то из салаг, тут же откликнулось мобильное принимающее устройство у Хемуля. Тренькули наручные коммуникаторы у остальных. Общая рассылка.

— Опять Семецкий копыта откинул? — поинтересовался один из отмычек, наблюдая, как ведущий сумрачно изучает пришедшее сообщение.

— Типун тебе на язык, чучело, — проворчал Хемуль. — Вот только Семецкого нам сейчас перед Периметром и не хватало...

— Ты же утром сам говорил, что это хорошее предзнаменование. Ну, если сообщение приходит... что он умер.

— Когда как. Один раз призрак Семецкого и правда хорошо: хабара поднимешь нехило или на чужой склон наткнешься. Или просто из-за Периметра живым выйдешь, что уже немало. Вот одного утреннего сообщения нам на сегодня вполне хватило бы. А три или четыре смерти Семецкого подряд могут и боком выйти.

— Почему это?

— Знаешь, когда много хабара бывает? Сразу после выброса. Так что на третьем погибшем Семецком самое время не губу раскатывать, а подвал искать поглубже. На всякий случай. — Хемуль натянул обшлаг рукава на наручный ПДА. — Ладно, убили треп. Скоро выходим.

Младшие отмычки послушно замолчали. Но Рентген, разумеется, не удержался. Обида и злоба на ведущего у него еще не прошли, но любопытство оказалось сильнее.

— Что это за парень — Мьют? Обычный бродяга — пропал и пропал, мало ли за Периметром народу пропадает. А тут всеобщая рассылка и два клана награду объявляют за информацию. Чем это он так популярен?

Хемуль покосился на него. Не любил он пустопорожней болтовни. Чем языком чесать, лучше бы этот сверчок отдохнул, успокоился чуток да о поведении своем прискорбном подумал. Поймет, что огreb за дело, глядишь, и до Периметра живым доберется...

Однако все-таки ответил — остальных наверняка тоже заинтересовало, особенно когда они прочитали цифру вознаграждения. Цифра была солидная, основательная такая. Увесистая цифра, как кулак старика Патогеныча.

— Язык не ломай, все равно английское произношение у тебя как у того страуса. Мут он, не Мют никакой, ясно? От слова «мутный», я так понимаю. Хоть он и одинокий волк, ни к какому клану так и не прибрался, но многим уже успел либо удруить, либо дорогу перебежать. Бродяги со стажем про Мута наслышаны, и вот вам добрый совет, салаги: не стоит с ним ссориться. Пес его знает, кто за него в следующий раз впряженется — сегодня «Долг», а завтра и вовсе «Последний рубеж». Видите вон, какие кланы его ищут.

Рентген понимающее кивнуло.

— Во-о-от. Контактами оброс, что твой торговец с черного рынка. С научниками якшается, даже военные вроде ему чем-то обязаны. Нет уж, ну его к монахам, с таким склизким угрем связываться. Нормальные бродяги в эти разборки не лезут, а младенцам вроде вас лучше и вовсе такому на глаза не попадаться. Пристрелит и фамилии не спросит. А тем более серьезным людям, которые скоро отправятся на его розыски. Это к вопросу о том, о чём вы все сейчас думаете, но пока еще не озвучили — что неплохо бы нам пойти пошукать этого самого Мута, пока не стемнело. Ясно? Тогда двинули. Рентген первый, остальные — за ним, дистанция три шага.

Первую линию Периметра Хемуль надеялся пройти засветло. Против инфракрасной оптики темнота — слабая защита, тут вся надежда только на хорошую маскировку и знание человеческой психологии. Солдат-контрактник в ДЗОТе — тоже индивидуум, ему и покурить надо, и перекусить, и отлить, а под конец дежурства он вообще имеет полное моральное право устать как собака. В семь вечера как раз смена, а за полчаса до нее глаз у наблюдателя замылен по максимуму: надоел ему унылый однообразный пейзаж хуже горькой редьки, мается служивый от безделья, предвкушает горячий душ и ужин. Боевые надбавки у контрактников в первой линии и так сказочные — что им лишняя премия за какого-то бродягу, если они раз в месяц лупят на расплыв ствола, когда мутанты прут волнами после выбросов? Нет, эти, даже заметив шевеление, едва ли станут особо остро реагировать.

Вот на второй линии — да, голубые каски до шальных денег жадны. Командование серьезно напряглось после многочисленных прорывов последнего времени, когда крупные кланы ходили через Периметр, как через дорогу по пешеходной зебре, и солдатам принялись накручивать премиальные. В погоне за длинным евро патрули так активно палили без разбору во все, что движется, что на информационном щите перед комендатурой не успевали снимки для опознания вывешивать. Потом, правда, когда выяснилось, что били в основном любопытных журналистов-стрингеров да полуумных экстремалов, охотников за сувенирами, выплаты премиальных поставили под строгий контроль. Кое-кто лишился погон, а пару чересчур ретивых стрелков даже отдали под суд. В общем, желающих зарабатывать беспорядочной стрельбой по выходящим из-за Периметра лохам малость поприжали, но если уж накроют тебя с поличным во время патрулирования — завалят не раздумывая, строго согласно Устава и мандата миротворческих сил.

Так что первую линию лучше миновать до заката, потом отлежаться пару часов на полосе отчуждения и уже ночью — благо ни мутантов, ни аномалий там уже нет — одним броском преодолеть вторую линию Периметра и патрульную зону.

Хемуль помнил окрестности как свои пять пальцев, но на всякий случай прикинул дальнейший маршрут по сталкерской электронной карте, записанной в памяти ПДА: мало ли какая дрянь появилась тут за последние сутки. Понятно, что Че тоже не волшебник, но всю стекающуюся к нему информацию о новых ловушках оперативно вносит в карту и общую рассылку.

Желоб коллектора упирается в желтый квадрат бывшего отстойника, поросшего такой мерзостью, что в его сторону даже смотреть опасно. А вот чуть дальше мимо вздыбленного давними сейсмоударами проселка тянется к Периметру неглубокий овраг — пересохшее русло маленькой речушки. Воды на дне практически нет, так что контактного разряда, ядовитой ряски или студней можно не опасаться. И живность там не водится, военные времена от времени выжигают овражек напалмом, чтобы кислотная ржавь не подобралась к линии

ДЗОТов.

Трасса не слишком опасная. Прямо скажем, по сравнению с тем путем, что они сегодня преодолели, плонуть и растереть, а не трасса. Впрочем, тот, кто успокаивается на такой мысли, обычно долго не живет: в Зоне легких путей не бывает в принципе. Бывают только более сложные и менее сложные. И совсем сложные.

То и дело оскальзываясь, отмычки один за другим двигались по склону оврага. Рентген свое отработал и теперь тащился в хвосте, изредка оглядываясь на ведущего. Что-то у него было на уме, какая-то очередная глупость. Хемуль делал вид, что поглощен отслеживанием детектора аномальной активности на ПДА, но краем глаза зорко поглядывал за обиженным. С этого отморозка станется выкинуть какой-нибудь фортель у самой охранной линии, где не то что стрелять — зевать громко не стоит. Полоснут натовцы на звук крупнокалиберной очередью, всех разом и положат, сэкономив на боеприпасах.

Плохо объяснили громадянину в баре «Шти», что на обиженных обычно воду возят. И рельсу кладут.

— Не оборачивайся! — не выдержал наконец ведущий. — Вперед смотри! И вы оба тоже — глаза разуйте пошире. Как бы в паутину не вляпаться...

Серебристые нити, прозванные вольными бродягами крабьей паутиной, последнее время попадались здесь все чаще. Разрезать человека пополам, даже если он влетит в нее на полной скорости, крабьей паутине, конечно, не под силу — это все кабацкие байки для непуганых новичков. Но исполосовать комбезы и кожу тонкие и прочные, бритвенно-острые нити вполне способны. А открытая рана в Зоне не подарок. Тем более рана сеченая, с оттяжечкой.

Детектор движения обозначил крупную цель к юго-востоку, как раз там, где овражек немного изгибался. Отличное место для подляны — сверху пересохшее русло простреливается сразу с трех сторон. Если бы Хемулю довелось устраивать на тропе засаду, именно здесь он бы ее и оборудовал. По всем канонам специальной военной науки стратегии. Именно поэтому Хемуль туда идти не собирался. Но теперь все равно придется проверить, что за перс там окопался. На всякий противопожарный случай, чтобы не оставлять за спиной неопознанного комбатанта.

Хотя, если верить ПДА, человек был один. И он совсем не скрывался. Человек, определенно: слишком крупная засечка для слепой собаки или припять-кабана, а псевдогиганты, кровососы и контролеры почти никогда не подходят так близко к Периметру. Если, конечно, их не гонят прямо на пулеметы недавний выброс.

Ладно, потолкуем, раз по-хорошему, чего ж.

— Эй, бродяги! — В тихом голосе, донесшемся из-за поворота, не было угрозы. — С миром идете или воевать станем?

— Обзовись сначала, — рассудительно ответил Хемуль. — А там и решим коллегиально.

Отмычки напряженно присели на полусогнутых, «Калашниковых» подрагивали у них в руках. Ведущий свирепо мотнул головой: отставить! Воевать в двух шагах от Периметра ни к чему. Да еще с полными контейнерами хабара. Раз неизвестный сталкер сам подал голос — значит, честный бродяга, одиночка или разведчик большой группы. Мародеры так себя не ведут, эти шакалы напали бы сразу, безо всяких переговоров.

Но и совсем расслабляться ни к чему, конечно. Пес его знает, что у него на уме, у этого разведчика. Может, просто время тянет, радиоактивное мясо, ждет подмоги. А пара ублюдков с калашами как раз в этот момент подбираются со спины...

— Я Скай, — представился бродяга. — А вы кто такие?

Хемуль неторопливо забросил ствол за спину. Сразу ведь показалось, что голос знакомый.

Слухи про вольного бродягу Скай ходили самые противоречивые. Поговаривали, что он здорово себе на уме, купит тебя с потрохами и сразу же, у тебя на глазах, продаст тому,

кто дороже заплатит. Скользкая и продажная тварь. О своих делах обычно молчит, контактов ни с кем не поддерживает, хотя во всех клановых барах свой человек, никто не знает, куда он ходит, что и для кого носит из Зоны. В драку с ним лучше не лезть, серьезный боец. Большая часть тех, кто пытался, из-за Периметра так и не вышла. По слухам, однажды этот проходимец положил банду мародеров, которые попытались принять его в полдесятка стволов, а в другой раз выселил и убил опасного охотника за головами, наемника по кличке Стамеска, который причинил много ненужного беспокойства «Чистому небу». Интересно тогда получилось со Стамеской, вся Зона следила за их поединком через ПДА, как за хоккейным матчем. Тем не менее откровенных нарушений неписаного сталкерского кодекса у него за плечами не висело, за это многие ручались. В любом случае глупо бодаться со Скаем, гораздо лучше разойтись миром. Стало быть, на сегодняшний день Скай — просто недружелюбный нейтрал, нигде не перебежавший дорогу Хемулю, и стало быть, с ним в принципе можно иметь дело. Записали.

— Хемуль я, — проговорил ведущий. — Со мной салаги, трое. Слезай, бродяга, языками почешем, если охота.

Крепко сбитый сталкер в недешевом защитном костюме научников ссыпался с края обрыва более чем аккуратно. Хемуль профессионально подметил и чистое приземление на толчковую ногу, с которого так удобно сразу уйти в перекат, если встретят неласково, и якобы невзначай качнувшийся под правую руку АКМК, и болтающуюся на поясе осколочную гранату — в узкой горловине пересохшего русла неминуемо посечет всех четверых противников, если что. Опасная бестия, тренированная. Контейнер для хабара солидно оттягивает лямку рюкзака — значит, тоже возвращается домой, и тоже с гостинцами.

— Нормально подняли, бродяги? — негромко поинтересовался Скай — конечно, и он первым делом приметил груз на пояссе у ведущего группы.

— Бывало и лучше, — сдержанно ответил Хемуль, жестом приказав своим: привал. Хабар они несли более чем неплохой, но хвалить добычу в Зоне не принято, еще, чего доброго, Хозяева Зоны услышат и позавидуют чужому счастью. Да и ни к чему Скаю знать про их знатный хабар, еще брякнет где-нибудь, к удовольствию мародеров.

Скай опустился на корточки, не снимая автомат с плеча. С одной стороны, вроде как знак доверия встреченным вольным бродягам, но человеку понимающему отчетливо видно: сбросить оружие на правую руку из такой позиции — секундное дело. У него было вытянутое породистое лицо, бесцветные равнодушные глаза, как у снулой рыбы, и неаккуратный ежик пепельных волос на голове.

— Прямо через Периметр не ходите, — флегматично посоветовал он, закуривая. — Архангелы перекрыли наглухо.

Хемуль досадливо выругался. Если натовцы усилили патрули и здесь, до ближайшей точки выхода брести еще часа три, уже в сумерках и по темноте. Невезуха, одно слово!

— С чего вдруг? — проговорил он.

— Крупный прорыв утром был, слышал? — Скай махнул рукой с зажатой в ней сигаретой в направлении первой полосы обороны. — Все военное начальство на уши встало, нагнали пацанов из казарм, даже учебный полк под ружье поставили. Че сообщил, какая-то крутая инспекция собирается нагрянуть, то ли из Киева, то ли из самого Брюсселя. Тишина должна быть, спокойствие, все ходят на цыпочках, а тут такой подарочек...

— Совсем не пройти? — огорченно спросил Хемуль.

Скай ткнул сигаретой в его отмычек:

— Вчетвером точно. Да я и в одиночку соваться передумал. Дополнительные датчики установили, сатрапы. Засекут в три секунды...

— Ясно. Спасибо за информацию, брат, отплачу хабаром. — Хемуль вздохнул. — Хотя какой теперь, к дьяволу, хабар — с такими новостями, что недавно пришли, в Зону еще недели две можно не ходить, все равно толку не будет...

Рентген встрепенулся, но промолчал. Младшим отмычкам тоже было страшно интересно, что такого разглядел в сегодняшних новостях опытный сталкер, однако влезать в разговор двух ветеранов, понятное дело, никто не осмелился.

— Ты про Мута? — спросил за них Скай.

— Про кого же еще? Видал, какие кланы на него подписались? «Монолит» и «Последний рубеж». Даже награду за информацию назначили. Сейчас через Периметр всякая шваль полезет, а потом серьезные ребята на поиски пойдут. И все, покой нам только снился. Натовцы, естественно, будут резко против, встанут на дыбы, тогда уже вообще атак начнется. Чем он насолил серьезным дядям, что они за его голову такую сумму назначили?

— Про голову в сообщении ничего не было, — рассудительно заметил Скай. — Только про информацию о местонахождении. Так что смотри не опереди события, а то брякнешь голову парня на стол Сидоровичу, а Сидор всего-то навсего перетереть с ним по душам хотел. А что касается того, чем насолил… Разное рассказывают про его деятельность. Говорят, сначала-то у него совсем другое погонялово было. А потом голубые каски его в своем радиообмене пару раз мъютиниром назвали, мятежником по-нашему. Поэтому его Мъютом и кличут некоторые. Человеку с такой кличкой сам бог велел поперек течения идти. А когда все время идешь поперек течения, то рано или поздно непременно переходишь дорогу какому-нибудь клану…

— Парень непростой, все болото перебаламутил, — сдержанно согласился Хемуль. — Я, правда, слышал, что у него кличка от слова «мутант». Фантастики в детстве слишком много читал, вот и выбрал себе погонялово из книжки одного американца. Ха… Халайн, что ли. А еще есть такие сведения, что Мут пару раз добирался до самого Четвертого энергоблока, только внутрь так и не попал, ребята из «Монолита» его каждый раз заворачивали перед воротами с большим шумом. Если это правда, то он наверняка давно уже стал настоящим мутантом, как темные. Мутом по-нашему…

— А и запросто. Думаешь, опять убрел на станцию, как Меченый? — Скай покрутил головой. — Ну, туда ему и дорога. Беспокойный кадр, однако, вольным бродягам один геморрой от него. Даже пропасть умудрился в самое неподходящее время…

Глава 2

Да уж, прав Хемуль на все сто. Реши этот балбес Мут специально исчезнуть в самое беспокойное время — и то лучшего момента не нашел бы. Впрочем, не исключено, что выбирать ему особо не пришлось. Когда разгуливаешь по лезвию ножа, будь готов к любым неприятностям.

Скай сплюнул розовым. Утром он долго копался в Рыжем лесу среди горячих пятен: разовая доза там, конечно, невелика, но за несколько часов он изрядно нахватал бэров, пришлось принимать срочные меры. И теперь от двойной порции радиофага ломило в пояснице да немного кровоточили десны.

Хорошо, что удалось отвадить Хемуля с его салажатами от безопасной точки выхода, подготовленной еще вчера. Зачем за свои деньги облегчать кому-то жизнь? «Отплачу хабаром», конечно, красивый оборот речи, но отплатит ли действительно и когда это будет — вот вопрос. Пусть лучше шумят подальше отсюда, глядишь, отвлекут внимание патрулей. Впрочем, на самом деле наплевать на них: через Периметр-то ему надо идти прямо сейчас. Ни к чему ждать здесь, с такими-то новостями.

«Хемуль — пьянь и деревенщина, конечно, но в аналитических способностях ему не откажешь, — подумал Скай. — Мута оценили высоко, за такую награду любой рванет в Зону. Уголовная шваль уже небось мечется по городу, потрошит склады и сметает у натовских интендантов списанное снаряжение. Однако все, у кого есть голова на плечах, понимают, что на данном этапе лучше вернуться в Чернобыль-4 и изобразить саму невинность — вынужденного переселенца. На пару-тройку дней, пока весть об исчезновении Мута дойдет до кого надо. Кому она действительно предназначена. А потом можно будет и о

деле подумать. При личной встрече нам, кстати, найдется, о чем потолковать, немалый уже дожок накопился».

ПДА пискнул сигналом очередной общей рассылки. «Внимание! Усиление патрулей в первом, третьем и четвертом охранных секторах. Во втором секторе, у места утреннего прорыва, объявлен полный карантин. Расчеты огневых точек заменены приказом коменданта особой охранной зоны Чернобыль-4».

Порадовал Че, ничего не скажешь. Скай переменил лежку, поудобнее перехватил бинокль и снова впился взглядом в молчаливые доты первой линии Периметра.

«Полный карантин» на языке военных — уничтожение всего, что движется из Зоны. Терминология Большого Прорыва, когда живая масса мутагенеза прет волнами и пулеметов уже не хватает, в дело идут минометные батареи и реактивные огнеметы, а вертушки с бреющего полета жарят НУРСами и ГВБ все, что еще способно шевелиться. Похоже, натовское командование затяло большую чистку: хочет показать высокой комиссии, а заодно и наглым бродягам-сталкерам, кто в Зоне хозяин. Потому и расчеты сменили — на случай, если выходящие из-за Периметра клановые несуны заранее прикупили себе безопасный проход в цепочке дотов.

Далеко на западе простучал пулемет. Длинной очередью, но не взахлеб, без истерики. Наверное, натовцы расстреливали какую-то особо ретивую тварь. Скай на звук не отвлекся и поэтому успел приметить смазанное движение в левом от себя, резервном доте.

Хитро. Бетонная коробка долгое время стояла законсервированной, в этом секторе голубые каски больше полагались на датчики движения и патрули: открытая всем ветрам, ровная как стол проплешина в унылом пейзаже считалась не слишком удобным местом для выхода сталкеров за колючку. А на крайний случай есть засечные позиции минометчиков, которые в случае необходимости притормозят прорвавшихся мутантов на полчаса, пока поднимутся в воздух вертолетные звенья.

И вот такой сюрприз. Да, большие нашивки с лампасами и в самом деле проснулись. Ох, и весело тут будет к вечеру, когда на выход попрется молодежь и прочие самоделкины, щиплющие Зону по самому краю. ПДА-то не у всех есть, ну и Че тоже не Красный Крест — абы кого на общий сталкерский канал не сажает.

Вроде бы только внутри Зоны все поутихло, как теперь уже комендатура взялась закручивать гайки. Старые кланы в последние месяцы почти не воюют: беспредельщиков темных раскатали минометным огнем военные, когда чистили Мертвый город, и теперь те ведут себя скромно и пугливо, как монашки в стриптиз-баре, а остальные, устав от кровавой резни во время Большого Прорыва, свято блудят шаткий нейтралитет.

Правда, у развалин ЧАЭС по-прежнему держит круговую оборону «Монолит»: эти зубры, по слухам, непосредственно связанные с полумифическими Хозяевами Зоны, никогда не упустят случая устроить небольшую заварушку. Ходят упорные слухи, что и их отряды понемногу редеют, дорогу им перешел новый клан — «Последний рубеж», который состоит в основном из военных сталкеров, оставшихся не у дел. Парни из «Рубежа», похоронив в свое время немало товарищей на подступах к Саркофагу, имеют на монолитовцев очень серьезный зуб. И как будто даже поклялись извести фанатиков всех до единого.

Но это все в глубине Зоны, в таких гибких местах, что не всякий опытный бродяга рискнет сунуться. Разве что совершенно больные на голову, вроде того же Мута, не к ночи будет помянут. А ближе к Периметру, на Свалке, у Агропрома, в Мертвом городе и на Диких землях царит негласное перемирие. Потому и Хемуль, мужик свирепый, решил предварительно поговорить, а не принял случайного бродягу в четыре ствола, что вышло бы безопаснее. Нет, теперь если кого и захотят прищучить по старой памяти, то скорее обратятся к наемникам. Эта братия последнее время расплодилась до невозможности. Сталкеры из развалившихся или уничтоженных кланов, выжившие темные, военные, оказавшиеся вне закона, да и настоящие профи, подавшиеся на заработки...

На ПДА пришел личный вызов. Краткое сообщение, без пароля и подписи: «Жди».

Вовремя. Значит, проход через внешнюю линию обороны откроют, как обещали, —

деньги дошли по назначению. Ну а с дотами придется разбираться самому. По-хорошему не договориться, если военные и правда подняли в ружье всех, кого только можно. Молодых контрактников в засаду не поставят, скорее всего, там, за амбразурой, опытные сержанты, которым до выписки осталась пара недель. Эти дел со сталкерами иметь не будут, опасаясь подставы. Они уже одной ногой дома, зачем им себе премиальный лист портить? Военная пенсия с неба не падает, ее кровью и потом зарабатывают.

Скай не отрываясь следил за дотом и наконец снова заметил движение. Чуть слышно скрипнула станок, и в амбразуре блеснул ствол «Браунинга М2». Списали небось в свое время с очередного влетевшего в гравиконцентрат «Брэдли», а сейчас, по объявлении карантина, выграбили со складов всю рухлядь, что еще не успели распродать тыловики.

Это еще полк крылатой кавалерии пока стоит на приколе, экономит казенную горючку. А гости заявятся, так над Периметром будет не протолкнуться, как в час пик на Крещатике.

Нет, конечно, комендатура вполне неплохо кормится с кланов и вряд ли станет просто так портить себе бизнес. Но если при больших звездах из Брюсселя случится шухер вроде утреннего, командование миротворческих сил ограбят хорошую плюху. Не дай бог еще комиссии придет в голову проинспектировать какой-нибудь объект внутри Периметра — настанет полный карачун. Вертолет с высокими персонами непременно грохнется в самом гиблом месте, как уже бывало не раз, и все, кто в Зоне еще не стоял на ушах, немедленно на них встанут. Начнется такая охота, подставы и выяснение отношений под шумок, что Большой Прорыв покажется новогодней сказкой. В итоге все закончится очередной спецоперацией, и в глубине Зоны опять поляжет до черта военных сталкеров, а их и так немного осталось.

Так что комендант Мортенсен из кожи вон выпрыгнет, чтобы все прошло в штатном режиме. Чтобы хотя бы в ближайшую неделю в Зоне было скучно и тихо, как в морге маленького альпийского городка, где вот уже триста лет самый громкий инцидент — это драка в единственном местном кафе двух пьяных русских туристов в одна тысяча восемьсот девяносто седьмом году.

И вот при таких стремных раскладах пропадает Мут, а солидные кланы предлагают за него полгода небедной жизни на Канарах. В основном за живого, конечно, но кое-кто и за мертвого.

Скай поморщился. Нет ничего хуже, чем забивать голову проблемами до того, как они случились. Но что поделаешь, если непрошеные мысли так и лезут наперегонки: смотри, какая я плохая! А я еще хуже! Главное, что навести соответствующие справки он сумеет, только добравшись до Чернобыля-4. Есть такие вопросы, которые не задают по ПДА.

Рваные облака, седые от влаги, мокрые и грязные на вид, как старые половыне тряпки, лениво ползли над головой. Где-то за ними невидимое солнце плавно скатывалось к западу. Легкий ветерок, днем приносивший прохладу и чужие запахи, сейчас задувал за ворот комбеза промозглую сырость.

Желто-коричневый пучок жгучего пуха медленно волочился по земле. Привычная ко всему бурая и жесткая трава чернела и скучоживалась от соприкосновения с ним, листья подорожника вспухали белыми пятнами пораженной ткани, похожими на волдыри. Только разбросанным там и сям кускам местного бросового артефакта под кодовым названием «стекловата» пух был ни почем — коричневые искрящиеся волокна, похожие на затвердевшие клочья человеческих волос, прекрасно защищены от любого агрессивного воздействия. Их не берет ни огонь, ни кислота. То есть это научники долгое время так считали, что чернобыльская стекловата — идеальный огнеупорный материал: обернутый ею железный прут можно спокойно держать в руке, даже если другой его конец раскален добела. Ровно до того момента считали, как отряд норвежских пожарных в экспериментальных скафандрах с прокладкой из этой дряни сгорел заживо при тушении пожара на нефтяной платформе. Люди вспыхивали, как спички, едва успев высадиться на верхнюю палубу, где температура была еще вполне приемлемой. Скафандры потом долго еще чадили и плавились, хотя, казалось бы, гореть там уже было нечему. С Зоной всегда так:

ничего в ней нет постоянного, с раз и навсегда заданными параметрами. Раньше стекловату вдоль Периметра собирали новички и сталкеры-калеки, ибо платили за нее мало, но после того случая на буровой бродяги вообще зареклись с ней связываться.

Датчик движения неуверенно моргнул. Через мгновение радар высыпал несколько отметок в восточном секторе и, словно засомневавшись, сразу же убрал их. Спустя еще минуту световые маркеры появились снова, чтобы больше уже не исчезать. Однинадцать впереди россыпью, один чуть поодаль: контролер со своими прислужниками или чернобыльская тварь с выводком. Второе куда вероятнее — трусливые мозгокруты так близко к Периметру не подходят, слишком умные. Понимают, что здесь отхватить пулю как нечего делать.

Во рту опять накопилась солоноватая горечь. Скай сплюнул кровь, утер губы и чуть заметно усмехнулся. Да уж, опытный ветеран, ничего не скажешь... Новички узнают — засмеют, пальцем будут показывать, олухи. Идти через пол-Зоны, оставляя за собой цепочку кровавых следов, по которым тебя рано или поздно выследят голодные мутанты, может только полный придурок. И при этом стопроцентный счастливчик, потому что с такими привычками ни один придурок дольше первой ходки не проживет.

Слепые псы уверенно двигались широкой цепью с подветренной стороны, чтобы не выдать себя гнилостной вонью. Хотя они давно уже не полагались на нюх или зрение, древние инстинкты, нажитые тысячами поколений предков, продолжали действовать. Хлесткие, словно невидимые удары плетью, ментальные приказы чернобыльца-вожака гнали зверей вперед — сам же хозяин стаи пока оставался в стороне. Поведение человека заставляло его осторожничать: в сознании потенциальной жертвы не было ни страха, ни ярости, ни агрессии, лишь холодная сосредоточенность. Странная жертва. И не охотник, тоже очевидно. Тогда как? Тогда почему?..

Без особой спешки Скай проверил ПДА — сигнала не было, — снял с плеча автомат, положил рядом с собой. Аккуратно соорудил миниатюрный бруствер из комьев земли и камней — фронтом к доту, словно не замечая приближения мутантов. Слепцы заходили чуть сбоку, с востока, там, где шелестело на ветру неистребимое травяное море. Как обычно, поначалу они осторожничали, но все же неумолимо сокращали расстояние.

«Хорошо, что я и в этот раз пошел без отмычек, — мельком подумал Скай. — Некому орать: „Нас окружают! Мы все умрем! Старшой, мотаем отсюда к дьяволу! Кто как хочет, а я делаю ноги!..“».

Истинная правда, что одиночки в Зоне долго не живут. Но и целыми группами сталкеры навсегда остаются здесь не так уж редко.

Первая собака показалась из зарослей лишь на мгновенье. Выскочила, подгоняемая командами пси-контроля, и снова скрылась. Несмотря на язвы и струпья, покрывающие безволосое тело с редкими клоками сальной шерсти, на распухшие суставы и гниющие заживо мышцы, слепая тварь двигалась весьма проворно. Скай успел заметить ее только потому, что внимательно следил за радаром. Датчик движения показывал передовую разведчицу стаи уже менее чем в сотне метров. Бурое луговое разнотравье сомкнулось за собакой, отметка на экране застыла неподвижно.

Боится сама. Поджидает своих.

Стая подтянулась быстро: напрягая слух, уже можно было услышать нетерпеливое визгливое потякивание — мутанты почуяли невдалеке свежее мясо и приободрились. В одиночку они редко нападают даже на безоружного человека, разве что он ранен, ослаблен или беспомощен; опытный ветеран с хорошим стволов не по зубам и десятку тварей. Слепую собаку пистолетным выстрелом уложить можно. Но под чутким руководством чернобыльского пса все страхи и инстинкт самосохранения у этих тварей разом улетучиваются, остаются только голод и тупая звериная злоба.

До последнего момента Скай не отрывался от бинокля, лишь краем глаза поглядывая на крохотный экранчик ПДА, где метки датчика движения плясали в безумном хороводе. Никакой агрессии в мыслях, все внимание — на амбразуру резервного дота.

Ему таки удалось обмануть вожака. Не только туповатые слепцы, но и коварный дирижер этого жуткого муттировавшего стада поверил, что жертва не чувствует опасности и не ждет нападения с тыла. Однако в тот момент, когда слепые собаки рванули через заросли прямо на него, Скай сгреб с импровизированного бруствера горсть гравия и швырнул его навстречу атакующим — совсем как Рентген не так давно.

Сразу несколько собак взвыли, захлебываясь слюной, скорее от неожиданности, чем от боли. Одна даже отступилась, поскользнувшись на кривых коротких лапах, вильнула всем телом и чуть не упала. Мясистые нарости по бокам и на холке мутанта колыхнулись, слепая тварь будто перетекла из одной стойки в другую — словно не было в ней живой плоти, лишь податливый под умелыми пальцами скульптора теплый воск или пластилин.

Следующий камень, побольше и пущенный уже прицельно, угодил остановившейся собаке точно в покатый лоб. Она осела на задние лапы, тряхнула головой и, коротко взыв, обиженно умолкла.

Гарнизон дота сработал четко, как на учениях. Перекрывая азартное повизгивание собак, отчетливо скрипнул станок браунинга. Долю секунды пулеметчик брал прицел, потом из амбразуры плеснуло огнем. Оглушительный грохот пристрелочной очереди смял все остальные звуки, словно сигарету под каблуком.

Тяжелые двенадцатимиллиметровые пули вывернули переднего слепца чуть ли не наизнанку. В мгновение ока уродливая плоть пса превратилась в окровавленный безжизненный обрубок, брезвально повисший в кустах. Второй собаке оторвало переднюю ногу, и она, скуля и калякая кровью, попыталась отползти в спасительные заросли. Не вышло. С неприятным звонким хлопком голова раненой твари разлетелась мелкими брызгами. Скай слегка поморщился, похвалив себя за терпение: хорошо, что не решил прорываться самостоятельно, пулеметчика при должной сноровке еще можно перехитрить, а вот снайперская винтовка «Хеклер ПСГ» — аргумент посеребренее. С гарантней расплескает мозги по траве и на километровой дистанции. Дорогая и качественная игрушка, простому солдату такое оружие не выдадут. Кто-то из сержантов-дембелей решил поиграться напоследок. Видать, в казарме адреналина не хватает.

Пулемет загрохотал снова. В ровную очередь снова вмешалась ПСГ — будто кто-то старательно бил в маленький злобный бубен, то и дело не попадая в основной ритм барабанной дроби. Еще одна собака покатилась со склона в зловонную жижу подсыхающей промоины.

Скай в который уже раз проверил ПДА — ничего. Сигнал на старт запаздывал, хотя вокруг становилось все жарче. Пулеметчик приоровился выцеливать собак в движении и достал уже пятую. Хорошо бы успеть раньше, чем гарнизон дота перебьет всю слепую стаю.

Вдруг темп стрельбы изменился. Снайпер начал бить чаще, да и браунинг стал захлебываться очередями. При такой пальбе ствол перегреется минут за десять, но, видимо, очень уж хотелось сержанту достать цель. Взыграл охотничий инстинкт. Судя по всему, солдаты заметили чернобыльского пса, а этот издалека сбьет прицел любому, стоит ему уловить своим искалеченным мозгом враждебные, агрессивные мысли. Но двоих, да еще с тяжелым автоматическим оружием, вожаку долго водить за нос не удастся. Едва ослаб контроль грозного хозяина, жалкие остатки стаи в панике разбежались, и теперь охота велась за последним бойцом.

Комп наконец-то принял долгожданный вызов: «2-2-12. Пора».

Где-то в военном городке на станции контроля оператор переключил датчики движения на тестовый режим и пошел пить кофе. Медленно, раздумчиво пить кофе, смакуя каждую чашечку — а будет их, согласно договоренности, не менее двух. Теперь хоть стадо слонов перегоняй через Периметр — никто не заметит.

Кроме, конечно, азартных парней из дота. Впрочем, им сейчас и без того есть чем развлечься.

Скай оглянулся — чернобылец медленно отступал, продолжая удерживать зыбкий контроль над меткостью двуногих охотников. Земля вокруг него взрывалась цепочками

пылевых фонтанчиков: пулеметчик лупил практически наугад, зная, что тварь все равно собьет верный прицел. Сейчас ему было важно не столько попасть, сколько не дать твари беспрепятственно уйти.

Бот и хорошо. Все заняты своими проблемами, никому нет до него дела. Скай набросил на локоть ремень автомата, скинул с плеч рюкзак. И пополз вперед.

Когда он находился шагах в двадцати от дота, пулемет умолк. Солдат материли заевшую ленту, снайпер лишь посмеивался. ПСГ хлопнула дважды, пока пулеметчик возился с цинком и звенел новой лентой, заряжая смертоносную игрушку. Вряд ли снайпер надеялся попасть, скорее просто держал мутанта в напряжении, чтобы не сбежал.

— Ну, готов?

— Сейчас, сейчас...

— Верткая, мразь! Бей ее!

Солдат завернул сложное испанское ругательство, ствол браунинга хищно шевельнулся как раз в тот момент, когда Скай благополучно миновал бетонный водосток перед дотом. Штыри для крепления маскировки мешали ползти ровно, но сейчас мимо грозных стражей можно было запросто провести неспешным шагом колонну любопытных японских туристов. Вояк обуял азарт, все их внимание было приковано к единственному объекту.

Пулемет ударили снова, от жуткого грохота Скай едва не оглох. А каково там внутри!

Чернобылец доживал последние секунды — его мозг смертельно устал наносить ментальные удары. Мутант осознал, что вот-вот умрет, и, подняв морду к серому небу, попытался завыть.

В этот момент его и настигла очередь. Скай понял это по одновременному восторженному воплю солдат, глянул через плечо и успел увидеть, как пес катается в сухой траве и пытается грызть собственные неподвижные задние ноги, страшно выворачивая голову. Пуля перебила ему позвоночник.

А потом могучий удар утяжеленного ртутию снайперского боеприпаса расплескал тварь, будто ее с неимоверной силой шваркнули о стену. Снайпер попал чернобыльцу в грудь, и пуля, прежде чем выйти наружу в районе хвоста, за долю секунды успела вдоволь накрутить мяса, словно кухонный комбайн у хорошей домохозяйки.

— Проиграл, а, Хайме? Моя тварь!

— А вот хрен! Я первым попал, а ты только добил! Твоя сегодня простава!

Солдаты заспорили, чередуя в качестве аргументов крепкую брань и апелляцию к Деве Марии. Вероятно, уши у нее на небесах завяли уже через несколько секунд.

Скай миновал расчищенный пятак и вторую линию датчиков, когда в испанское сквернословие вмешался третий голос. Зашипела рация — командир укрепрайона хотел знать, какого дьявола, во имя Хесуса сладчайшего, расчет дота номер семнадцать устроил Третью мировую. А главное, удалось ли кого подстрелить? Хайме, как старший, взялся что-то докладывать, но не перестроился на ходу, и в лаконичной военной скороговорке то и дело упорно проскачивали матерные слова. Судя по донесшемуся из радио возгласу «Оле, омбрэ!», командир поведение расчета решительно одобрил.

Линия датчиков осталась позади. Скай тихо сполз в поросшую осокой дренажную канаву, провонявшую застарелым махорочным дымом. На дне валялись бесчисленные окурки, обертки от сигарет и пищевых концентратов. Сталкер отвернул рукав комбеза и отстучал сообщение на ПДА, стараясь не слишком задумываться над тем, как еще могли использовать канаву солдаты во время долгого дежурства. Брезгливость в Зоне — это что-то вроде хороших манер на тусовке байкеров: смешно, глупо и совершенно неуместно.

«Сектор прошел. Тут громко, но не из-за меня. Скоро могут проверить».

Ответ не заставил себя ждать: «Спасибо. Удачи».

Солоноватый вкус на языке пропал. Скай улыбнулся краешком губ — полезно иногда таскать за собой целый выводок мутантов. Получилось не хуже, чем у контролера, хотя и без какого-либо ментального воздействия. Всего-то и надо было для концерта — немного крови из ослабших десен, которую падальщики не могли не учゅять. Сегодня почетный эскорт

сослужил ему неплохую службу, в любом другом случае дот мог стать серьезной проблемой.

Никогда, салаги, никогда не считайте себя умнее ветерана. Даже если он делает глупость, скорее всего, он делает ее намеренно.

Скай выбрался из канавы, ползком миновал кустистый перелесок и, почти уже не скрываясь, чуть ли не насвистывая, пошел в сторону контрольно-следовой полосы у границ Чернобыля-4.

А Мута ему обязательно надо найти, и желательно первым. Прежде, чем клановая братия начнет настоящую охоту. Ведь не зря же все так озабочились поисками. Что-то он там накопал у станции, что-то чрезвычайно важное, похоже, раз так внезапно пропал. Хорошо бы выяснить, что именно...

Глава 3

Несмотря на все разрешения и допуски, никто их в Чернобыль-4 так просто не пропустил бы. Чтобы пройти кордоны «тридцатки», имеющиеся при них документы худобедно годились, но у самого Периметра, в военном городке и эваколагере для перемещенных лиц порядки были куда жестче. Натовский комендант Мортенсен на дух не переносил научную братию, которая завела дурацкую моду раз в неделю являться к нему с бумагами из европейских университетов и требовать снаряжение, охрану и место под лагерь — хорошо если на Свалке, а не в самых глухих и гибких местах Зоны. В противном случае сунувшуюся в самое пекло группу, сильно прореженную аномалиями, мутантами и мародерами, неизбежно приходилось экстренно вытаскивать из-за Периметра. Бились вертушки, гибли военные сталкеры, а из Брюсселя снова и снова приходили грозные запросы и обвинения в бездействии и некомпетентности.

Так что для коменданта любые допуски и предписания давно уже ничего не значили. Царь и бог здесь он, начальство далеко, жалуйтесь, сколько влезет. Но Ксанта знала, как обращаться с военными. Научилась, слава богу, в предыдущий раз. А на крайний случай всегда есть буква Сугорин — несговорчивый командир миротворческих сил Союза, комендант-два.

Поэтому когда глыбообразный сержант в голубой каске сунулся в окошко «тойоты» с грозно-предупредительной фразой, она не смутилась ни на секунду.

— Запретная территория! Особая охранная Зона! Проезда нет!

В общем-то словесное предупреждение было излишним: колючая проволока, пулеметные вышки, бетонные блоки-отбойники, огромные красные щиты «Стой! Предъяви пропуск! В случае неповиновения открывается стрельба на поражение!» — только слепой мог бы не заметить все эти угрожающие декорации.

Кузнец что-то буркнул, отпустил руль и покосился на Ксанту. Молодец. По дороге она сто раз предупреждала его, что разговаривать будет только сама. Молчи и не высовывайся!

— Господин сержант! Допускаю, что эмблему на капоте и бортах вы не видите, — она мило улыбнулась. — Но это — машина Европейского центра биологических инноваций. Полтора года в Зоне работает наша станция. Пропуск на въезд, конечно, просрочен, но выписать новый могут только в канцелярии коменданта, для чего нам все-таки придется попасть в город. Так что зовите начальника караула, пусть изучит все допуски и даст нам сопровождение.

Начкар появился минут через пять, когда Кузнец уже начал закипать. Ксанта же совсем не удивилась — само собой, сначала офицер связался с начальством и доложил о нештатной ситуации на блокпосте. Служба есть служба.

Чернокожий лейтенант, судя по нашивкам под ооновским голубем и натовской звездой, — франкоафриканец из Иностранного Легиона, что-то скомандовал солдатам у шлагбаума. Сам же вразвалочку подошел к машине, нагнулся к полуоткрытыму окошку.

Парочка в салоне «тойоты» ему совершенно не понравилась. Девушка лет двадцати пяти с вполне строгой, академической прической во всем остальном на солидного научного

работника никак не походила. Какой-то несерьезный кожаный пиджачок с бахромой по рукавам и плечам, в широком вырезе черной футболки болтаются тряпочные подвески, на запястьях — плетеные фенечки. Словно только что выбралась со студенческой вечеринки полоумных депров, любителей заброшенного «абандона» и прочей депрессивной техноромантики. Куда ей в Зону? Очень похожих идиотов на блокпостах ловят пачками — хотя, впрочем, ни один из них не таскает в кармане предписание научного центра, допущенного к работе за Периметром.

В общем, странная девочка.

А второй? Бритоголовый крепыш с суровой небритой рожей, которая к тому же украшена скверно зажившим шрамом на виске. Ручищи тяжелые, грубые, совсем не профессорские, да и потертая камуфляжная куртка сидит на плечах как влитая. Явно служил, и отнюдь не поваром. Тот еще головорез. Бодигард и водитель при девушке?

Ксанта сомнения легионера понимала прекрасно: разумеется, ему очень не хочется пропускать в тридцатикилометровую закрытую зону, «тридцатку» на местном жargonе, всяких подозрительных типов. По голове небось не погладят в случае чего.

Она спокойно выдержала его взгляд, ни словом, ни жестом не выказав неудовольствия.

— Добрый день, господа! Предъявите допуск и разрешение на перемещение по закрытой зоне. — Лейтенант козырнул, хотя, видит бог, меньше всего на свете ему хотелось отдавать честь этим типам. Барыги, не иначе, едут скопать вынесенный из Зоны хабар, а биокакой-то там институт наверняка прикрытие.

Документы оказались в порядке. Непросроченные, в отличие от пропуска на лобовом стекле, со всеми положенными подписями и печатями. Бумаги тройной защиты, со штрих-кодами, послушно считываемыми портативным сканером, — такие на коленке не подделаешь…

Негр тяжело вздохнул. Ладно, пусть с ними разбирается господин комендант. Помурыжит в канцелярии, сдаст на попечение секретаря, а сам, как водится, уедет в инспекторскую поездку. На сутки. Или на трое. Если бы каждого, кто привозит с собой спецразрешение, пускали в Зону, там давно бы уже было не протолкнуться от посторонних.

Впрочем, какое лейтенанту до этого дела? Положено пропустить в город — пусть едут. Бензин казенный: покатаются, посозерцают местные красоты. Экзотика.

— Придется подождать, господа. Смена приедет через сорок минут, только тогда я смогу сопроводить вас в город. Канцелярия комендатуры уже в курсе.

— Хорошо, господин лейтенант.

— Заезжайте и встаньте пока вот тут, за блоками. Из машины не выходите.

— А если нам захочется размять ноги? — спросил Кузнец. По-английски он говорил с сильным акцентом; впрочем, начкар тоже не мог похвастать оксфордским выговором.

Ксанта незаметно от лейтенанта толкнула спутника коленом: помалкивай!

— Будет лучше, если вам не захочется. Здесь не Диснейленд.

Солдаты, закинув за спину буллпаповские «Фа Масы», оттащили с дороги шипованную цепь автозаградителя. С протяжным скрипом пополз вверх шлагбаум.

— Заезжайте.

«Тойота» медленно двинулась через лабиринт бетонных блоков.

— Один — ноль, — тихо сказала Ксанта.

— Закурить-то хоть можно? — поинтересовался Кузнец.

— Кури. Только бычок в окно не бросай. Вояки нервные, могут подумать, что ты сигнал кому-то подаешь или метку оставляешь. Лучше вообще прикинуться, что нас тут совсем нет. Сиди и не дергайся.

Кузнец невесело гыгыкнул:

— Ничего себе! Они что — за бычок меня пристрелят? Может, их всех к психиатру пора?

— Они и так раз в неделю к нему ходят, по расписанию, — мрачно сказала Ксанта. — И все равно текучка дикая. По психологическим причинам особенно: не так часто в гробах

возвращаются, как с целым букетом неврозов. Здесь дежурят те, кто на Периметре уже свое отработал. Неделю там, месяц на здешнем блокпосте. Типа курорт после всего, что в Зоне увидели. Но крыша уже в отпуске.

Преодолев бетонный лабиринт, Кузнец заглушил двигатель и повернулся к Ксанте:

— Что ты меня все пугаешь? Как будто в этой вашей Зоне ужасы неописуемые на каждом шагу! Башкой рисковать везде одинаково. Война везде война...

— Я не пугаю, Денис, — тихо проговорила девушка. — Просто хочу, чтобы ты понял, во что ввязался. Именно неописуемые ужасы и именно на каждом шагу. Кстати, еще не поздно отказаться.

— Поздно. Я тебе, между прочим, слово дал. А морпехи своими словами не бросаются.

Вот дурачок, подумала Ксанта. Три года уже прошло, а все туда же — морпех, морпех! Конечно, преданный друг Денис отпахал сверхсрочную в роте специального назначения морской пехоты Черноморского флота. Но сейчас он простой, пусть и умелый мастер по металлу, большой спец по части что-нибудь разобрать или починить, к тому же известный в Киеве художник-инсталлятор. Друзья и клиенты теперь все чаще зовут его не по имени, а творческим псевдонимом Кузнец. Прозвище прижилось, да и сам Денис немало тому способствовал, везде таская с собой инструменты. Даже сюда, в Зону, взял небольшой походный наборчик в кожаном футляре: «Пригодится!» — строго сказал в ответ на ее недоумение.

Он был влюблен в нее с детства. Еще с детского сада. Именно с ним она потеряла девственность после выпускного. Когда его выперли из университета, стоял на коленях, клялся, что вернется из армии к ней, единственной, и уж тогда-то они непременно... Что будет тогда, Ксанта так и не узнала, потому что он после Балкан неожиданно остался на сверхсрочку, а сама она окончила аспирантуру, поехала на стажировку в Гамбург — и закрутилась вся эта история с биоцентром. А потом она встретила Пауля... В общем, ничего серьезного у них с Денисом так и не сложилось. Но она всегда знала: ради нее Кузнец готов на все. И совершенно не удивилась, когда два дня назад он заявил, что «в эту вашу Зону одну я тебя больше не отпущу». Пришло это очень кстати, потому что одна Ксанта точно не справилась бы, а ехать с милым теленком Паулем, умнейшим и нежнейшим мужчиной, но классическим ботаном, было бы безумием. Да муж ее и не отпустил бы никуда, если бы узнал, развел бы панику и шухер до небес...

Только вот имела ли она право принимать помощь Кузнеца? Это ведь даже не война, откуда, бывает, не возвращаются и генералы. Это более чем вероятная смерть, а поход к станции — смерть практически гарантированная.

Но ведь не запретишь ему.

Прости, Дениска. Не стоило тебе ничего рассказывать. Но то сообщение совершенно выбило ее из колеи, и ей непременно надо было выплакаться кому-то в жилетку, прежде чем принимать окончательное решение. Для этого из всех ее знакомых годился только Кузнец.

Через сорок минут со стороны города действительно приехала смена — два обшарпанных «хаммера» в городском камуфляже. На бамперах и днище у них дребезжали самодельные противоминные экраны. Кузнец недоуменно повел бровью, и Ксанта, опережая вопрос, сказала:

— Говорят, хорошо помогает против птичьих каруселей и контактных пар. Патрулям первой линии иногда приходится заезжать в Зону. Неглубоко.

Чернокожий лейтенант тем временем энергично руководил сменой караула. Расставил прибывших солдат на ворота, двоих отправил на вышки, откуда минутой спустя скатились такие же ловкие фигуры. Командир рассадил подопечных по машинам и, прежде чем забраться в кабину головного джипа, махнул гостям — давайте за мной, гражданские.

Кузнец пристроился джипу в задний бампер, второй «хаммер» замкнул импровизированную колонну. Перед глазами запрыгали вверх-вниз растопыренные, словно пальцы, пусковые трубы дымовых гранат, перевитая цепями запаска и табличка «Дистанция движения — два метра». На разбитом тяжелыми грузовиками и бронетехникой проселке

машины немилосердно тряслось.

Конечно, пулемет на крыше был развернут в сторону чахлой лесополосы, тянувшейся вдоль дороги, а не в сторону сопровождаемых. Но солдат в пулеметном гнезде то и дело оборачивался и постоянно что-то бубнил в гарнитуру радио, прижимая ларингофон к горлу.

— Это уже и есть Зона? — минут через пятнадцать спросил Кузнец. Он вертелся волчком на водительском сиденье и жадно пялился по сторонам.

— Зона, но не та, что ты думаешь. Это тридцатикилометровая зона отчуждения, куда простому человеку хода нет. Первая, так сказать, отсечная позиция. Но до Особой охранной еще далеко. И вряд ли нам удастся в нее попасть так же просто, как сюда.

Денис промолчал, но перестал крутить головой с прежним усердием. Да и не было за окном на самом деле ничего любопытного — тоскливы осенний восточноевропейский пейзаж. Посеревшие деревья с остатками буро-желтых листьев, грязная коричневая трава на обочине и разбитая колея впереди. Такого унылого добра навалом что на Украине, что в России.

На въезде в четвертый временный городок военных их даже не остановили. «Хаммеры» притормозили перед воротами, головной требовательно посигналил, и тяжелая створка медленно поползла в сторону.

Сам город показался Кузнецу еще более скучным и тоскливым, чем дорога к нему. Форпост человечества на границе с неведомым — и такой невзрачный! Наспех разбросанная по расчищенной бульдозерами лесной опушке мешанина снятых с колес автомобильных кунгов, армированных бараков и щитовых времянок. Почти вокруг каждого строения громоздилась баррикада из мешков с песком. Людей было немного, и почти все — с оружием и в военной форме.

— Подожди, это еще не сам город, — снова ответила на незаданный вопрос Ксанта. Сама, помнится, удивлялась, когда попала сюда в первый раз. — Это только временный лагерь миротворцев.

— Почему временный? — спросил Кузнец. Хотел солидно промолчать, но не удержался.

— Зона все время плывет — ее границы кочуют с места на место. Вместе с ними переезжают и местные обитатели, легальные и нелегальные. Вокруг Периметра много заброшенных поселков и городков, обычно жизнь бурлит именно в тех, что поближе к очередному лагерю военных. И еще в Славутиче — там расквартированы основные международные силы...

«Хаммеры» немного попетляли по импровизированным улицам и в конце концов затормозили у двухэтажного сборного домика с целой вереницей флагштоков перед входом. На фоне прочих сооружений комендатура смотрелась едва ли не викторианским особняком. Ветер беспокойно трепал украинский, натовский и ооновский флаги. Последний закрутило вокруг древка, и он лишь беспомощно дергался, как собачонка на привязи.

— Приехали, — сказал Ксант. — Вылезай.

Как ни странно, Мортенсен оказался на месте. Лощеный лейтенант-адъютант, косясь на громилу Кузнеца, скороговоркой поведал, что господин комендант предупрежден и ждет.

Ксант заметно напряглась. С чего бы вдруг? В духе мизантропа Мортенсена было бы сейчас промурыжить их несколько часов, отговариваясь занятостью или какой-нибудь срочной поездкой. Разве что пока они с Кузнецом ждали сопровождение (точнее сказать, конвой), комендант оперативно доставили ее досье и он успел с ним бегло ознакомиться? Этого только не хватало для полного счастья.

Полковника Мортенсена она раньше не видела, хотя наслышана о его скверном характере была преизрядно. Как-то не доводилось встречаться — с военными властями в их группе обычно контактировали немцы, и, в общем, особых препятствий работе биоцентра натовцы не чинили. Разрешение на создание выездного филиала непосредственно в Зоне вырвали с боем еще в Гамбурге, а дальше — немного политики, такта и дипломатических реверансов в сторону НАТО.

Когда секретарь пригласил их в кабинет, комендант поднялся навстречу гостям. Высокий, сухопарый и жилистый, он вполне отвечал стандартному голливудскому образу немолодого военного в чинах — из тех, что хладнокровно посыпают героев на смерть, жуя сигару, а прорвавшуюся инопланетную гадость глушат ядерным боезарядом. Разве что прическа подкачала — вместо положенного жесткого армейского ежика Мортенсен щеголял обширной лысиной, столь блестящей, что в нее, наверное, можно было смотреться как в зеркало.

— Добро пожаловать, господа! Чем могу быть полезен?

Конечно, он знал чем. И с каждой секундой ситуация нравилась ему все меньше и меньше. Особенно после того, как стройная девушка с фенечками представилась и выложила на стол все необходимые допуски и разрешения.

— Вы знаете, господин комендант, что, когда случился последний инцидент, биостанцию пришлось законсервировать. Но там одного оборудования осталось на несколько миллионов евро, не говоря уже об уникальных результатах исследований. В итоге, взвесив все «за» и «против», наш Центр принял решение возобновить работу. Насколько я знаю, запрос к вам уже пришел. Меня направили подготовить станцию к приему новой группы. Опыт пребывания в Зоне у меня есть, инструктаж по технике безопасности мне не нужен. Но ваше содействие нам более чем необходимо. Мы просим выделить сопровождение и транспорт. Я прекрасно понимаю, что ходить за Периметр лучше всего в компании хорошо вооруженных профессионалов. Конечно, все услуги и любая помощь будут соответственно оплачены — наш центр не испытывает недостатка в финансировании.

Комендант с ответом не спешил, перебирал бумаги, что-то отстучал на сенсорной панели компакт-компьютера.

После того как постановлением ООН часть голубых касок на самом опасном участке Периметра заменили на русских миротворцев, комендант Мортенсен уже не чувствовал себя в Чернобыле-4 главной шишкой вроде посла США в свежеотдемократизированной республике. Те парни на севере подчиняются ему чисто номинально, при прочих равных полковник Сугорин запросто мог Мортенсена послать. Разделение полномочий, господин комендант, экскьюз ми энд фак офф.

А эта дамочка, несмотря на свои европейские бумажки, живет в Киеве, и гражданство у нее украинское. Муж у нее чистопородный немец, правда, и не вполне понятно, каким образом она сумела вытащить его на Украину... Ах да — он же из того же научного центра, жаждет быть поближе к предмету исследования. В общем, ей куда проще договориться со своими, из ведомства Сугорина, если не выйдет официально. Пойдет в Зону, сгинет там, как и многие до нее, а в штаб-квартире, получив гневный запрос из биоцентра, опять переполошатся, и поздно уже будет оправдываться: мол, я не пускал, я не хотел, она сама, без спросу...

Лейтенант в приемной невольно прислушивался к разговору. Слов не разобрать, но комендант явно вышел из себя — тон беседы с каждой минутой становится все агрессивнее. Может, вызвать охрану?

Минут пять он разрывался между любопытством и субординацией, но наконец не выдержал и перетащил стул поближе к двери кабинета. Здесь было слышно не в пример лучше.

Мортенсен в самом деле бушевал:

— Вы понимаете, о чем просите?! У меня не хватает людей для усиленного патрулирования, а вы говорите — дайте сопровождение! Из кого? Поваров, писарей и интендантов?! Чтобы подготовить солдата к Зоне, его надо тренировать минимум полгода, а потом приходят такие, как вы, просят охрану, и мои люди гибнут за Периметром! Нет, даже не надейтесь!

— Но... господин комендант! Европейский центр биологических инноваций просит вас о содействии. Получено добро из штаб-квартиры, а вы...

— А я обеспечиваю безопасность на месте и имею все полномочия вас не пустить! И не

пущу! Потому что Особая охранная зона — это не место для прогулок и не тренажерный зал! Вы что, не понимаете? Оттуда то и дело кто-нибудь не возвращается! Вы молодая красивая девушка, неужели вам так хочется поскорее на тот свет? Там и здоровые опытные мужчины, профессионалы высшего класса, порой погибают на первом шагу. Не-ет, уважаемая мисс, разрешения я вам не дам. И можете жаловаться на меня кому угодно, хоть генсеку ООН!

Дверь кабинета с грохотом распахнулась — лейтенант едва успел отскочить в сторону.

Лицо у девушки на пороге, вопреки ожиданиям, оказалось достаточно спокойным, а вот на скулах ее спутника играли внушительные желваки. Как бы и в самом деле не пришлось вызывать охрану.

— Вы — настоящий солдафон, полковник, — бросила посетительница через плечо. — Думаете только о своих погонах, а интересы науки для вас — ничто. Мы пытаемся найти способ победить Зону или хотя бы остановить ее расширение, но вас, похоже, устраивает сложившееся положение вещей. Главное, чтобы все шло точь-в-точь по инструкции. Иначе из Брюсселя может прийти нагоняй, не правда ли?

Секретарь проводил ее оторопелым взглядом. Сглотнул и уставился на коменданта.

— Что! — рявкнул Мортенсен, когда она скрылась за дверью приемной. Он еще не остыл. — Не понимаете? Думаете, какого дерьямового рожна я не дал ей разрешение при таких поручителях? А вы ее документы хорошо рассмотрели?!

Перепуганный лейтенант сумел лишь кивнуть.

— Да? Тогда, значит, вы невнимательно читали ориентировки на потенциально опасных нарушителей статуса Особой охранной! Или читали, но не запомнили как следует. Фамилия Леженда вам ни о чем не говорит?

По молодости лет секретарь совсем не умел владеть лицом. Вот и сейчас на нем разом отразились все эмоции.

— Мут?!

— Он самый! Константин Леженда, двадцать одно зафиксированное нарушение Периметра, семь предупреждений, три задержания! Это в самом начале, больше он не попадался. Недавно Мут снова ушел в Зону — по слухам, к самой Станции, — и тут же сразу четыре серьезных клана выкатили награду за любую информацию о нем. Интересно, да? А потом появляется вот эта фифочка с европейскими бумажками, которая в деле Мута проходит как его родная сестра, и на голубом глазу требует сопроводить ее на консервированную полевую базу! Это она только играет в дурочку, с фенечками своими, подвесками неформатными, а на самом деле — вполне разумная девочка, да еще с опытом пребывания в Зоне: по документам, трижды работала за Периметром, консультировала научников в погонах. Между прочим, биолог по профессии, спец по мутагенным реакциям. Так, может, не станция ей нужна, а легальный способ попасть в Зону, а? И не собирается миссис Риттер-Леженда ничего там расконсервировать, а хочет направиться прямиком к ЧАЭС за потерявшимся родственником?

— О господи...

— Вот именно. И зачем, как говорят в таких случаях бывшие мужья моей последней жены, нам еще и эта головная боль?

— Но Леженда теперь пойдет в город, шнырять по сталкерским барам, — неуверенно предположил лейтенант. — Если в Чернобыле-4 она не новичок, то знает, где и что искать. Уверен, денег у нее достаточно, послужит золотые горы и обязательно наймет кого-нибудь из старожилов...

— О, да! Это у них любимая работа — чайников за Периметр водить. Сколько уже всякого сброва они туда перетаскали, от туристов до экстрасенсов полоумных. И деньги у дамочки есть, она мне их напрямик предлагала. Но не сегодня, лейтенант. Не сегодня... Все кланы предупреждены о наших делах: инспекция, большое начальство и все такое. Приказ об усилении карантина давным-давно слит в сталкерскую сеть. Ни ветераны-одиночки, ни опытные добытчики за Периметр сейчас не сунутся, кроме полных отморозков.

— А что, если миссис Леженда наймет именно отморозков?

— Лейтенант, — Мортенсен даже привстал от негодования, — вы сколько уже здесь служите?

— Пять месяцев, господин комендант!

— Значит, должны уже соображать. Ну и как, по-вашему, кто в такой ситуации откликнется на призыв неизвестной девицы прогуляться по Зоне? В тот самый момент, когда идти туда чрезвычайно вредно для бизнеса? Да еще с учетом того, что в каждом посетителе, который самостоятельно ищет проводника, любой относительно трезвый сталкер обоснованно подозревает армейскую подставу? А если человек ищет проводника через клан, то неизбежно проходит самую серьезную проверку. Полагаю, главы кланов тоже раскусят в два счета, кто она такая. И тогда последуют неприятные вопросы, что ей нужно на самом деле. Она это наверняка понимает. С другой стороны, если она станет искать проводника самостоятельно, как вы думаете, каковы ее шансы нарваться на мародеров?

— Э-э... не знаю.

— Что вы делаете с ориентировками? Надеюсь, хотя бы пролистываете, прежде чем использовать в сортире? Подумайте, лейтенант. Хотя бы самую малость напрягите мозги. Пришлая дамочка с деньгами и доступом на законсервированную базу научников — лакомая добыча! Через четверть часа после первого ее вопроса в первом же баре наводчики мародеров будут кружить возле нее, как стая стервятников. С кем-нибудь из них она и пойдет. Нет, не бойтесь, ее не убьют. Опытных проводников у трупоедов немного, так что при нынешнем усиленном карантине их возьмут тепленькими еще на входе. После чего я со спокойным сердцем аннулирую допуск биоцентра и вышлю девочку за пределы «тридцатки». Больше ни она, ни ее контора тут не объявятся, а ее брата пусть ищут другие...

Ксанта отошла от двери и чуть заметно улыбнулась. Подслушивать, конечно, нехорошо, но порой весьма полезно.

Имидж решительной, но недалекой барышни зачастую помогает добиться большего, чем любые научные степени. Если мужчина решит, что ты дура, то ему сразу же захочется взять тебя, неразумную, под крыло, защитить, укрыть за широкой спиной. Если же дать ему почувствовать в тебе хотя бы каплю решительности, мужчина — особенно военный — немедленно начнет давить авторитетом, пока не убедится окончательно в собственном превосходстве, и тогда уж верти им как хочешь.

Да, пропуск в Зону Мортенсен не подписал, но Ксанта на такое счастье особо и не надеялась. Зато теперь, когда коменданту донесут, что наглая ученая девица болтается по кабакам и ведет переговоры с подозрительными личностями, он лишь самодовольно ухмыльнется. И конечно, не будет вмешиваться, решит выждать, когда ее задержат при незаконной попытке самовольно пересечь Периметр.

Что от него и требовалось. Сам того не понимая, Мортенсен только что выдал им с Кузнецом официальное разрешение на вербовку проводников. Ну, почти официальное. Мешать им никто не будет. Вот только Ксанта не такая дура, чтобы просто подсаживаться к подвыпившим сталкерам и пытаться их завербовать.

— И куда мы теперь? — спросил Кузнец, когда они вышли на улицу. — Миссия провалена, да?

— Глупый, — ответила Ксанта. — Все только начинается. — И, когда он непонимающе посмотрел на нее, добавила: — Два — ноль.

Глава 4

Так и сказала — «два — ноль».

Кузнец хмыкнул:

— У вас тут что, футбол?

— Все сразу. Футбол, покер, биатлон, хоккей по пересеченной местности. Но в основном гонки на выживание. В первом раунде мы ведем, посмотрим, что будет дальше.

Пусть Мортенсен брызжет слюной, а мы пока двинем в город.

— Подальше от начальства, поближе к кухне?

— Вот именно, морпех. Комендант — мужик беспокойный, кресло под ним ежедневно шатается: кто знает, что ему в голову взбредет. А если осядем в городе, то хотя бы глаза ему мозолить не будем.

— Город — это Чернобыль?

— Чернобыль-4. На картах его не найдешь, а в документах пишут: «Реабилитационный центр для временно перемещенных лиц».

— Ага. Реабилитация небось так и прет из всех щелей.

— Конечно. — Ксанта ухватила Кузнеца под руку и потащила за собой. За баррикадой из бетонных блоков наезженный проселок тянулся к полуразрушенным домикам Чернобыля-4. — Вообще смех с этими перемещенными лицами. Каждый второй в городе имеет справку, в которой сказано, что он беженец из какой-нибудь деревни под Припятью. Село Погорелово, улица Чистой Правды, дом 158 бис. Поселение такое, может, на самом деле существовало, улица уже под сомнением, лучше не проверять, а дом — натурально небоскреб: человек триста было прописано. И у каждого бумага, что он исправно трудится в городке каким-нибудь младшим помощником старшего истопника или мойщиком посуды в офицерском баре. Хотя народу тут живет раз в десять больше, чем имеется рабочих мест.

«Тойоту» биоцентра Ксанта с Денисом оставили у комендатуры, здраво рассудив, что не слишком разумно дразнить вояк и светить приметную, как новогодняя елка, машину. Первый же патруль остановит, чтобы проверить документы, и, даже удостоверившись, что бумаги в порядке, обязательно доложит по инстанциям. Лучше уж пешочком, пара километров не крюк, зато не так вызывающе: мало ли праздного народа по улицам шатается. До комендантского часа еще куча времени.

И кстати, пропуск на въезд полковник Мортенсен им так и не подписал. Парадокс: на территории «тридцатки» они находятся совершенно легально, а вот въехали в нее без разрешения. Попадется ретивый офицер, начнет выяснять, в чем дело... Лучше не привлекать ненужного внимания.

Городок был даже и не городом вовсе, а обычным станционным поселком, брошенным еще в восемьдесят шестом. Когда жесткий контроль вокруг ЧАЭС немного ослаб, в него вернулась часть жителей, пресловутые возвращенцы, которым нечего было терять, кроме родной земли. Занимали пустующие дома, разбивали огороды на подозрительной в отношении радиационной опасности территории, собирали в загрязненных районах грибы и ягоды, ловили рыбу в фоняющих прудах. А после Второго взрыва никого из них не нашли. Впрочем, тогда было не до возвращенцев, люди пропадали бесследно и гибли целыми ротами.

Поселок оказался немаленьkim, больше чем в сотню домов, однако выстроен был совершенно бестолково. Сначала здания, видимо, кучковались вокруг полустанка, потом, когда население выросло, потянулись вдоль бетонки и двух проселков, изгибавшихся так причудливо, что найти нужный адрес наверняка было не так-то просто. Волна Второго взрыва разрушила несколько кирпичных пятиэтажек с северной стороны; позже жители растащили их на стройматериалы. Многочисленные самодельные и нелегальные пристройки, ангары и склады еще больше запутали географию Чернобыля-4; впору было выпускать подробные карты города и продавать сталкерам, делая на этом неплохой гешефт.

Денис оторопело глазел по сторонам, Ксанте то и дело приходилось его подгонять. Пейзажи порой действительно были совершенно сюрреалистическими. Где еще увидишь полностью разрушенный квартал с брошенными зданиями и единственным новеньkim двухэтажным домом из кирпича? Над ржавыми створками ворот болтается покосившаяся вывеска «Рабочая одежда». Ага, так мы и поверили, что такую домину отгрохали ради жалкого магазина, да еще обнесли глухим железным забором с массивными воротами. На заборе было криво написано мелом: «SHTI». И все, больше ни одной надписи на огромной серой поверхности. В Киеве такая чудесная площадка для самовыражения давно была бы

исписана граффити из баллончиков вдоль и поперек, а тут на тебе: SHTI, и все дела. А через сотню шагов — заколоченные витрины магазина в капитальном некогда здании, от которого остался только первый этаж и гнилые зубья осыпавшихся стен второго. Новые хозяева выкорчевали балки перекрытий и подперли прогнувшийся навес досками. Здесь когда-то были балконы второго этажа, а теперь, похоже, располагались огневые точки.

— И что, — ошеломленно проговорил Денис, — здесь действительно живут люди?

— Скорее работают, — серьезно сказала Ксанта. — В Чернобыле-4 что ни дом — либо бордель, либо кабак, либо магазин никому не нужных товаров с полупустыми прилавками. Но при этом все, кому надо, знают, что старый универмаг «Военторг» — это прикрытие для скрупщиков хабара, а, скажем, «Юридическая консультация» — сталкерская аптека. Хотя в общем-то и то и другое лишь охмурялово для новичков, которые еще не успели вступить в клан или не обзавелись полезными контактами. Даже военные про это знают, но почему не ликвидируют — это уже совсем другая история.

— А «Рабочая одежда» типа толкает армейское барахло? Защитные костюмы, броники и трусы цвета хаки?

— Если бы все было так просто... — хмыкнула Ксанта. — Нет, там харчевня какого-то клана. Точно не могу сказать, но «Военторг» вон тоже не оружием торгует, скорее наоборот. Не ищи скрытого смысла в вывесках, они для своих, чужой так сразу не разберет и сразу спалится. На это, собственно, и расчет.

— А мы — куда? В какой-нибудь «Детский мир»?

— Почти. В бар.

— О! — восхитился Кузнец. — Самое подходящее место. Надеюсь, хотя бы там все как в кино про сталкеров: кабак системы салун, бармен, голые девочки у шеста и неизменные мордбития строго по расписанию. И название сказочное, что-нибудь типа «Тысячу рентген тебе в...».

Ксанта усмехнулась:

— Всё увидишь. И девочек голых увидишь, и тысячу рентген в...

Зачем портить человеку кайф? Сам пусть смотрит. У кабаков в Чернобыле-4 названия веселые, факт. Неизвестно, какой умник запустил дурацкую моду, чтобы заведения у самой Зоны непременно назывались по названиям блюд русской или украинской кухни. Причем обязательно в англоязычной транскрипции, чтобы бродяги любой национальности ломали себе язык о колено. Пойди произнеси «Боржч» или тот же легендарный «Свье Колник»; «Шти» на этом фоне выглядели просто чудом простоты. «Счоурма» и «Харстч» вот не прижились: хозяин первого заведения разорился и вернулся в Мариуполь, а второе сгорело во время очередной пьяной потасовки. Впрочем, эти названия хотя бы были короткие, попадались и посложнее — скажем, «Профитроль-бутерброть». Один венгр тоже замутил кабак, долго размышлял, как окрестить, в итоге додумался до «Рассольника». Но латинскую транскрипцию такую подобрал, какая Кириллу с Мефодием и в страшном сне не приснилась бы. А чего им, венграм? У них такие города есть — закачаешься: Секешфехервар или Шатораль-яуйхей, и ничего, живут. Бродяги-славяне, когда устали язык коверкать, прозвали кабак «Разок с хреном». Это когда трезвые. Если же сталкер вернулся из-за Периметра с хабаром и уже начал отмечать, версии названия выходили и вовсе нецензурные.

В кабаке том не подавали ничего похожего на название, только градус имелся в изобилии, и чем крепче, тем шире ассортимент. А насчет пожрать — только многочисленные вариации на тему тушеники с военных складов плюс галеты. Временами ржавая селедка (то есть, пардон, благородные анчоусы) и консервированный компот неизвестного происхождения — обычно где-то через неделю после того, как натовские тыловики заканчивали списывать просроченное продовольствие.

Дениса вывески, обозначаемые, как правило, мелом на заборе, забавляли от души:

— А нам в какой-нибудь «Онбуль»? Или в «Заеманную кашу»?

— Почти, — сказала Ксанта. — Во-о-он, видишь серую хрущобу? Морально готовься.

У входа Кузнец заржал чуть ли не в полный голос. Заведение называлось «О, крошка!».

До Первого взрыва здесь явно был продуктовый магазин, а потом, скорее всего — сборный пункт дезактиваторов. С тех времен сохранились на стенах чудовищно замызганные схемы разделки мясных туш и плакаты по технике радиационной безопасности. Наверное, специально не стали снимать. Для колорита. Никто и не удивился бы, если бы настенная агитация стала вывеской, разве что потребовалось бы чуть подправить. Зато небритый бродяга в респираторе, шинкующий псевдоплоть в большой закопченный котел на ту самую окрошку, смотрелся бы вполне в духе местного черного юмора.

Краем уха Ксанта слышала, что когда-то баром владел довольно мощный клан, но потом почти все его бойцы погибли, добытчики перебежали к конкурентам, а главу по-тихому зарезали во время облавы — лучшего времени для сведения счетов. В итоге остатки клановой собственности выкупил ушедший на покой ветеран из старой гвардии, пользуясь почетом у многих бродяг. Даже законченные отморозки уважали авторитет Холеры и не слишком борзели в его присутствии. Кличку свою он получил за любимое ругательство, которое отпускал по поводу и без.

«О, крошка!» считалась нейтральной территорией. Здесь пропивали хабар и заключали сделки, здесь тихо скатывались на самое дно обнищавшие сталкеры-инвалиды. Порой можно было увидеть за столиками группы угрюмых мужчин, ведущих оживленные переговоры: враждующие группировки делили территорию. В другом баре вместо них разговаривали бы стволы, но в вотчине Холеры стрельба находилась под жесточайшим запретом. На крайний случай у него у самого под стойкой было припрятано кое-что крупнокалиберное и скорострельное, а двое вышибал всегда готовы были поддержать босса прицельным огнем. О меткости старого бродяги до сих пор ходили легенды.

Сейчас в баре стояла тишина — сталкеры-одиночки, основные клиенты «О, крошки!», еще не вернулись из Зоны или отсыпались по своим норам после очередной изнурительной ходки за Периметр. Лишь пятеро постоянных клиентов потихоньку принимали ежедневную порцию, да хрюпел в дальнем углу худощавый парень — грязная плащ-накидка с эмблемами клана «Долг» валялась на полу, рядом стоял мятый рюкзак с нашитыми пластинами ржавого железа. Отмороженных борцов с Зоной здесь терпели с трудом, но этот чего-то прижился. Наверное, потому, что в основном помалкивал, никого ни к чему не призывал и не агитировал. Молча пил, молча платил, молча падал под стол в конце вечера. Имени его никто не знал, меж собой сталкеры называли молчуна Шиворотом. Кличку свою «должник» получил из-за жуткого, криво зажившего шрама на шее. Где и как он приобрел такое украшение — неизвестно. Сам Шиворот, понятное дело, на эту тему особо не распространялся. Может, порезал кто, может, сам себе пытался горло вскрыть по каким-то раскладам. Темная история, в общем.

За грубой самодельной стойкой возвышался сам хозяин. Никого другого он на это место не ставил, опасаясь финансовой нечистоплотности собственных работников, гостей приветствовал лично — на свой манер:

— Здорово, холера! Пить-есть будем, клоуны, или только штаны протирать собираемся?

— Два пива, — сказала Ксанта. — Если зависнем, возьмем еще.

Хозяин нацедил две кружки, выставил на стойку перед собой:

— Самообслуживание, холера! Забрали и понесли.

Они выбрали столик во втором ряду — отсюда хорошо просматривалась входная дверь. Ксанта сбросила на спинку облупленного стула куртку и грациозным кошачьим движением опустилась на сиденье.

Посетители бара — те, что еще были способны сфокусировать взгляд — уставились на нее во все глаза. Кузнецу это не понравилось.

— Чего они так глазеют? — недовольно буркнул он.

— На меня они смотрят, бестолочь. — Ксанта поправила волосы, повела плечами. — Здесь женщин не так много, а те, что есть, — шлюхи беспородные, по сто раз через весь городок пропущенные. Нормальных почти не встретишь, вот они и пляются. Не напрягайся,

попробуй лучше пиво. Может, ты эту дрянь даже пить не станешь.

— Отрава, — подтвердил Денис после пары глотков. — Такого даже на вокзалах не продают.

— Зато стоит, небось, как родное бельгийское.

Ксанта достала из кармана коммуникатор, отстучала сообщение. Ответ пришел быстро, видимо, на контактном адресе стоял электронный секретарь. Жаль, нет у них проверенного сталкерского ПДА, подключенного к местной сети, приходится общаться через гражданский аппарат.

Условную фразу-пароль Ксанта набирала почти минуту. Адресат отреагировал коротким «Принято». И больше ничего.

Кузнец кивнул на экран:

— Кто на связи? Тот самый торгаши, о котором ты говорила?

— Угу. Циклоп.

— А он что, в самом деле одноглазый?

— Вообще слепой. Влетел в туман на Агропроме, сжег роговицу и слизистую. Очень едкая гадость... Там целые подземные резервуары какой-то активной щелочной дряни, как начинает испаряться — только держись. Вроде бы Циклоп даже говорить не может, только при помощи синтезатора. Но пальцами чувствует больше, чем любой незрячий, будто открытую книгу читает. Лица запоминает с трех касаний. Хотя, может, и врут все: его вообще мало кто видел. Циклоп ни с кем лично не встречается, работает через посредников.

Сама Ксанта никогда дел с людьми Циклопа не имела, все контакты с местным теневым бизнесом осуществлялись уровнем выше, через заместителя директора биоцентра Курта Цвангера. Но тот был неравнодушен к молодой, тогда еще незамужней сотруднице и, стараясь очаровать украинскую красавицу, рассказал ей немало интересного. В том числе ненароком сдал канал связи с торговцем и затейливый пароль.

Вызов она послала, теперь оставалось только ждать. Возможно, за ними следят уже прямо сейчас, и незнакомый человек вместо доктора Цвангера изрядно напрягает людей Циклопа. Впрочем, вряд ли они не озабочились в свое время изучить личные дела сотрудников биостанции. Фотографии, надо думать, тоже скачали в отдельную папочку. На всякий случай.

И уж конечно, единственная женщина на полевой базе ученых в Зоне не осталась незамеченной.

Но... осторожного Черного Сталкера бережет. В свое время слепой воротила неплохо наварился, поставляя научной братии материал для исследований и скромная снаряжение для своих добытчиков. Однако теперь станция законсервирована, работы свернуты — кому об этом знать, как не Циклопу? И если с ним вдруг решили связаться по старому каналу, действовать надо очень аккуратно. Вдруг подстава?..

Бар постепенно заполнялся. Кузнец медленно сатанел, накачиваясь дрянным пивом — хорошо если не местного, подвального розлива из грязной бочки. Но держал себя в руках, за что Ксанта была ему бесконечно благодарна. Она и сама уже начала сомневаться в успехе. Приперлась, видите ли, спасительница! Как будто тут без нее мало желающих. Без тени сомнения ведь явилась, рассчитывая на знание местных порядков. Ага, сейчас! Пароль Циклопа наверняка уже раз сто поменялся, да и вспомнит ли он старые делишки с биоцентром? Точнее, захочет ли вспоминать?

На всякий случай Ксанта повторила вызов. Коммуникатор послушно проглотил серию цифр и затих: неведомый абонент больше не отвечал.

— Долго еще? — спросил Денис на третьем часу ожидания.

— Не знаю. Может так выйти, что сегодня вообще никто не появится. Придется ночевать в ночлежке для беженцев.

Больше Кузнец вопросов не задавал. Один раз ему пришлось вмешаться и успокоить вусмерть пьяного бродягу, решившего очаровать Ксанту ширбатой улыбкой и веером тысячных бумажек. Еще дважды их пытались задирать местные завсегдатаи, но

Денис умело гасил градус агрессивности — где при помощи убедительных слов, а где и при помощи незаметных со стороны, но ощутимых тычков в корпус.

«А ведь нас прощупывают, — сообразила Ксанта. — Выясняют, зачем мы тут. На драку особо не провоцируют, но спокойно сидеть не дают. Давят на психику. Значит, сигнал еще действует и Циклоп получил мое сообщение».

— Холера! Спирту всем! — громко потребовал кто-то из только что вошедших бродяг. Видимо, хорошо поднял хабара сегодня, теперь угощает. Завтра проснется с пустыми карманами и чудовищной головной болью, зато сегодня козырнул, пять минут побыл королем вечера. Будет что вспомнить, если доживет до пенсии.

— Пьем, холера! Уплачено. — Хозяин поставил перед Кузнецом и Ксантой два щербатых разнородных стакана. Один наверняка помнил времена советского общепита, а второй, похоже, и вовсе был когда-то плафоном на вычурной люстре.

Денис брезгливо понюхал мутную жидкость и отодвинул плафон.

— А вот это зря, — раздалось у него за спиной. — Здесь если угощают, надо пить, не то могут обидеться всерьез.

Без приглашения незнакомец придвинул к столику третий стул. Не сказать чтобы у него была угрожающая или подозрительная внешность — обычный мужик лет под сорок, не слишком высокий и немного сутулый. Больше всего похож на опытного шоферюгу, про таких говорят «родился за баранкой». И руки рабочие, тяжелые, на запястье правой синеет плохо сведенная татуировка — стрела в неровном круге. А может, женское имя внутри сердца, теперь уже не разобрать.

— Хотя бы пригубите, — тихо посоветовал он. — Здесь не любят зажравшихся мажоров. Боюсь, может случиться громкий скандал. А нам ведь шум не нужен, не так ли, Оксана Георгиевна? Циклоп велел кланяться. Сами знаете, он теперь редко выбирается наружу для консультаций.

— Консультаций? — осторожно переспросила Ксанта.

— Вы ведь за этим к нам обратились? Открылись какие-то новые данные и родному ЦБИ позарез необходима очередная консультация, не так ли?

Посланец торговца говорил напористо, но обтекаемо. Поставки артефактов и биологических объектов, за которые Циклоп с компанией запросто могли загреметь лет на десять, он аккуратно называл консультациями. Но Ксанта молчала. Теперь уже она мучилась подозрениями. А что, если бизнес Циклопа давно прикрыли и на секретном канале связи сидят военные и Интерпол? Ловят, что называется, на живца. Не знают толком, о чем именно идет речь, и поэтому вынуждены прибегать к максимально неконкретным фразам...

Гость невозмутимо взял со стола стакан, отхлебнул, чуть заметно поморщился:

— Адское пойло. Лучше бы Холера покупал медицинский спирт у научников, как все, и не выпендривался... — Он вздохнул. — Не молчите, Оксана Георгиевна. Вы сами вышли на связь, значит, у вас есть какое-то предложение. Допускаю, что вы мне не доверяете. Это разумно, но не очень выгодно. Чтобы развеять ваши сомнения, я могу перечислить трупы представителей мутантной фауны, по которым ЦБИ просил у нас консультаций в последний раз.

«Слишком правильная речь для простого рабочего парня, — размышляла Ксанта. — Что, впрочем, неудивительно: по документам он наверняка числится каким-нибудь грузчиком или механиком, вот и вынужден выглядеть соответственно, чтобы особо не выделяться. Кстати, опять выразился предельно аккуратно: „просил консультаций по трупам представителей мутагенной фауны“. На самом деле трупы отнюдь не были трупами, и именно люди Циклопа доставили на станцию опаснейший живой груз».

— Два припять-кабана, четыре слепые собаки, из них две с серьезными внешними мутациями, псевдоплоть, к сожалению, в плохом состоянии...

Пока он перечислял, Ксанта заметила, как глаза Кузнеца раскрываются все шире и шире. Ну да, милый, а как ты думал? Биостанция в Зоне бабочек ловит и воробьев препарирует? Если бы...

— Хорошо, — она кивнула, — вы меня убедили. Да, это я выходила на связь. Кто я, вы знаете: Оксана Риттер, урожденная Леженда, референт ЦБИ и старший препаратор. Наверняка вы знаете и то, что нашу станцию эвакуировали по распоряжению военных. Сейчас она законсервирована. Но внутри случайно остались чрезвычайно важные результаты исследований, которые необходимо забрать...

— И вам нужен человек, который сможет это сделать? — спросил посредник.

— Нет! — отрезала Ксанта. — Мне нужен проводник.

Мужик удивился. Крайне удивился, даже брови сделал домиком:

— Вы что, думаете, вас ждет легкая прогулка? У нас тут, дорогая Оксана Георгиевна, не парк развлечений. За Периметром настоящий ад...

Ксанта, не слушая его, набрала на коммуникаторе несколько цифр. Развернула машинку экраном к собеседнику.

— Вот сумма, которую мы предлагаем. Надеюсь, уважаемый Циклоп сможет нас проконсультировать и порекомендовать самого умелого, проверенного и удачливого проводника.

Посредник оценил сумму молча, не дрогнув лицом. Разве что глаза его забегали чуть быстрее.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Мне надо посоветоваться с руководством.

Он залпом опрокинул свой стакан, крякнул, поднялся и неторопливо покинул зал.

— Почему ты не сказала про... — начал Кузнец, но Ксанта прервала его:

— Тихо. Не спрашивай. Хотя бы не здесь. Сам подумай, все поймешь.

Человек Циклопа вернулся быстро, и десяти минут не прошло. Вряд ли осторожный торговец сидел в какой-нибудь тайной конуре этого бара — слишком беспокойное место для деятеля его уровня. Скорее всего, посредник просто выходил на улицу, решив поговорить с боссом через ПДА подальше от любопытных ушей.

— Сумму придется удвоить, — удрученно сказал он, всем своим видом выказывая сожаление. Садиться не стал, демонстрируя, что торговаться бесполезно. Или по рукам, или разбежались.

— Я согласна.

Посредник кивнул, как будто и не ожидал другого ответа.

— Треть суммы переведете немедленно. Номер счета упадет на коммуникатор через пару минут. Вас двое?

— Да.

— Ясно. Проводник тоже будет в паре с помощником — для гарантии. Ждите здесь до вечера, если что — обратитесь к Холере, он выделит вам комнату, чтобы вы могли переночевать. Наш человек найдет вас сам и доставит необходимое снаряжение. В случае, если вы передумаете...

— Мы не передумаем, — прервала Ксанта.

— ...если вы передумаете, предоплата возвращена не будет, — ровным голосом закончил посредник, словно его никто и не прерывал.

Впервые за все время переговоров подал голос Кузнец:

— А если передумаете вы?

— Тогда вы сможете сдать наш канал военным. По-моему, хорошая гарантия. Удачи вам. — Мнимый шоферюга развернулся и, уже направившись к двери, процедил: — Приятно работать с деловыми людьми.

Прижимистый Холера расщедрился и выделил Ксанте с Кузнецом комнату на втором, относительно целом этаже бывшей хрущобы. Дыры на лестничном пролете были прикрыты стальными листами, вместо потолка над головой вздыбилась оцинкованная жесть. Но, по крайней мере, в щели не дуло, два узких топчана походили на кровати, а в чудом уцелевшей ванной даже висел рукомойник с чистой водой.

Кузнец обошел апартаменты, похрустывая купленными в баре галетами из натовского

пайка, которые обошлись в цену фирменных бургеров в не самом дешевом ночном клубе Киева. Вернулся в комнату и с видом знатока заявил:

— Хоромы, однако. В Донецке на стрельбах у нас и того не было. В палатках жили, прямо на голой земле.

— Лучше бы в палатке, — сказала Ксанта и поежилась. — Как-то здесь ненадежно. Того и гляди обрушится...

Денис сел рядом, приобнял ее за плечи, начал осторожно поглаживать:

— Эй, Ксанта! Фрау Осень! Не кисни давай, все идет как надо. Счет два-ноль в нашу пользу, помнишь?..

Депрессивным ником «Фрау Осень» Ксанта подписывалась на форумах техноромантиков. Там ее считали своей, держали за авторитет и часто приглашали на многочисленные сходки с целью «пошукать абандон». Она неизменно отказывалась. Конечно, Денис понимал, что Ксанта по большому счету лишь играет в депру — новомодный вариант городских эмо, железобетонной леди иногда хотелось прикинуться беззащитной и ранимой, но неизменно называл ее красивым «осенним» ником, когда хотел приободрить или поддразнить.

Сейчас это не слишком помогло. Ксанта закрыла лицо руками и устало произнесла:

— Какая же я дура, что втянула тебя в эту муть!

— Цыц! — сурово сказал Кузнец. — Отставить сопли! Твой брат исчез, и сделал это очень не вовремя. Что-то он нашел важное, не знаю что, я в этом все равно ничего не понимаю. А здесь, судя по всему, многие его охотнее закапают, чем станут спасать. Значит, идти на поиски больше некому. А одну я тебя в любом случае не отпустил бы. Кстати, ты так и не ответила: почему ты сказала посреднику, что нам нужна биостанция? Нас ведь именно туда и поведут. Как потом с проводником договоримся, когда выяснится, что в Зону придется идти гораздо глубже? Он нас в лучшем случае пошлет куда подальше.

— Ты же сам только что сказал: многие Костики скорее закапают, чем помогут найти. Может, уже закопали, не знаю. — Ксанта убрала ладони от лица. — Так что не стоит козырять его именем направо и налево, нам сейчас главное — проникнуть за Периметр. Если будем искать проводника до Четвертого энергоблока, нами мигом заинтересуются. А так по дороге присмотримся к проводнику, если он окажется человеком стоящим, серьезно накинем денег или еще чего пообещаем. Нет такой вещи, которую сталкер не сделает за двойную цену, а если даже есть, то он сделает ее за тройную цену. Понимаешь? Если увидим, что с ним лучше не связываться, — пусть доведет до биостанции, а дальше попробуем как-нибудь сами. Я кое-что знаю о здешних местах, попытаюсь вести. По-другому уже никак...

Заколоченное окно приглушало наружные звуки, поэтому, когда стемнело и с улицы стали доноситься ровный гул моторов и мегафонная скороговорка, Оксана не сразу сумела разобрать, о чем там говорят. Потом звуки приблизились, и усиленный техникой голос зазвучал отчетливей. С сильным акцентом он повторял по-украински и по-русски: «Внимание! До начала комендантского часа осталось тридцать минут! Пребывание на улице после двадцати трех часов запрещено. Нарушители комендантского часа будут немедленно арестованы!»

— Похоже, заблудился наш проводник, — сказал Кузнец. — Ты деньги-то перевела?

Ксанта кивнула.

— Не надули бы нас... Ладно, утром поглядим. Если и тогда не появится, будем качать права...

Дружеские поглаживания Дениса становились все нежнее и вкрадчивее, понемногу они перерастали в ненавязчивый массаж ключиц. Это было приятно, и Ксанта закрыла глаза, постепенно расслабляясь. Она с самого начала понимала, что именно ее бывший парень потребует за свою бесценную помошь. Нет, не потребует, а попросит — и вполне поймет, если она категорически ему откажет. Ну, может быть, надуется до утра, но утром уже сам будет раскаиваться в своем недостойном поведении. Он золото, а не мужчина, поэтому давно смирился с тем, что любимая женщина теперь принадлежит другому, и не разорвал при этом

с ней дружеских отношений. Еще и решит, что своими грязными поползновениями чудовищно оскорбил пресвятую деву Ксанту свет Георгиевну, и потом долго будет корить себя, извиняться и подлизываться, заставляя обоих чувствовать себя мучительно неловко, как уже когда-то было пару раз, сразу после свадьбы...

Вот только сегодня она не собиралась ему отказывать. Может быть, Дениска и не знал толком, на что именно подписывается, хотя и вряд ли — информации о смертельных опасностях Зоны в СМИ все же поступало достаточно. Но в любом случае он, ни на секунду не задумавшись, дернул вслед за ней в зону боевых действий — просто потому, что одной ей там было бы плохо, что там опасно, что ей необходимо было помочь. И после такого она просто не посмеет ему отказать. Какая женщина сумеет отказать обезумевшему от любви парню, который вот так запросто готов пожертвовать ради нее собственной жизнью?

Прости, Пауль. Прости, родной, но так надо. Ксанта не сомневалась, что милый муж, невероятный великолушный мужчина с распахнутым сердцем, простил бы ее, даже если бы узнал об измене. Но он ничего не знает. Ни к чему ему это. Прости и ты, Дениска, если вдруг решишь, что сегодняшняя ночь — это пролог к дальнейшим предельно близким отношениям. Ты честно заработал ее своим бесстрашием и верностью, но это все. Поздно восстанавливать то, что уже давно разрушено. Поздно и глупо...

Его широкие ладони словно невзначай легли ей на грудь. Оксана повернула голову, прикрыла глаза и встретила приоткрытыми губами теплые губы Кузнеца.

Он ласкал ее долго, умело и аккуратно. Ласкал так, как никогда не ласкал в институтские годы. Он был очень нежным и страстным, он наслаждался каждым прикосновением, каждым поцелуем. Он многому научился за время разлуки, и его мальчишеская торопливость и жадность уступили место спокойной уверенности опытного мужчины. Его руки плавно скользили по ее телу, и Ксанта вдруг ощутила, что сама заводится не на шутку. В какой-то момент у нее перехватило дыхание, кровь прилила к лицу, уши стали горячими, а кончики пальцев закололо от сладкого предвкушения. Пожалуй, это будет гораздо приятнее, чем она ожидала...

На улице объявили пятнадцать минут до начала комендантского часа. На этот раз объявление прозвучало еще и по-английски.

А потом в дверь постучали. Негромко, но настойчиво.

Тяжело дыша, девушка испуганно отпрянула от парня, поспешно приводя одежду в порядок. Господи, до чего же дурацкое ощущение — словно их снова застукали родители. Она осознавала, что они уже давно взрослые люди, что дверь заперта, что за дверью стоит не полиция нравов, — и все же ничего не могла с собой поделать. Сердце в груди колотилось, как бешеное, а лицо заливалась краска стыда. Словно там, в коридоре, внимательно прислушивался к происходящему в комнате Пауль, сумевший вычислить, куда исчезла непутевая женушка, и немедленно последовавший за ней.

С трудом прочистив горло и справившись с дыханием, Кузнец с погребальной физиономией шагнул к дверям. Похоже, обещанный проводник явился под самый комендантский час. Но если он в связи с этим рассчитывает заночевать у них в комнате, то ему придется очень жестоко обломаться.

Однако вначале несколько обломались Денис с Ксантой, надеявшиеся заполучить в проводники битого Зоной матерого ветерана двух метров росту и с солидными бицепсами. Ведущий в прибывшей паре сталкеров выглядел не слишком эффектно — невысокий, щупловатый, хотя и жилистый, с совершенно неприметной внешностью и неопределенного возраста от тридцати до пятидесяти. Мимо такого на улице пройдешь и через пару шагов уже не вспомнишь, что вообще кого-то видел. Черты его лица частично скрывали густая многодневная щетина и черная бандана, повязанная по самые брови. Лохматый от времени защитный комбез неопределенного серо-черного цвета маскировал фигуру проводника лучше любого камуфляжа. Впрочем, внешность обманчива, напомнила себе Ксанта.

Представился гость Москитом.

— А это — Пифа, мой второй номер, — заявил он. Голос у него был точно такой же,

как и внешность, — бесцветный, незапоминающийся, среднестатистический. — Помощник, стало быть. Самый ленивый сукин сын из всех, кого мне когда-либо доводилось видеть.

— Пифа, значит, — сварливо констатировал Кузнец, крайне недовольный, что его оторвали от очень важного занятия. — Чрезвычайно приятно познакомиться.

Второй номер, совсем еще молодой парень с нервным тиком на правом глазе, дружелюбно улыбнулся:

— П-после института геометрию в школе п-преподавал. Братва п-прознала и окрестила П-пифагором. П-потом надоело произносить длинное, сократили. Не обращайте внимания, что з-заикаюсь, контузило недавно. Скоро п-пройдет.

Слушая гостей, Ксанта немного напрягла память — вроде бы на биостанции ей доводилось слышать эти прозвища. Москит с Пифой обычно ходили в Зону вдвоем, заказы брали сложные, но без гарантии выполнения. Могли отказать кому угодно, так как, будучи одиночками, ни в грош не ставили авторитет кланов. Молва считала их бродягами бывальными, но непредсказуемыми и сложными деловыми партнерами. Впрочем, все сходились на том, что удача и опыт делают эту пару отличными проводниками.

Ведущий сразу перешел к делу:

— Циклоп сосватал мне ваше дельце, ребятки. Сумма пристойная, если вас действительно нужно только сопроводить до биостанции. Но там ведь наверняка сигнализация или что-то в этом роде. Нарушим систему — и через полчаса вертушки сядут нам на голову. Сумеете отключить без шухера?

— Конечно, — не моргнув глазом соврала Ксанта. — Мы же официально идем, а не мародерствовать. Все ключи и коды у нас с собой. Если бы комендатура не выпендривалась...

— Тогда вот что, девочки... — Москит бесстрастно посмотрел на Кузнеца, который понемногу начал багроветь, и после внушительной паузы добавил: — И мальчики. Как только мы договоримся, то резко забываем, кто тут работодатель и кто кому полы красил. Даже не вспоминайте, что вы платите деньги и на этом основании вроде бы должны иметь право голоса. Слушаться меня придется как отца родного, ясно? Тут вам не Чикаго, тут проводник должен иметь ранг царя и бога, иначе всем крышка. И сразу предупреждаю, чтобы потом не обижались: ничьих чувств щадить не буду, даже женских. Если станете взбрыкивать, начну тыкать мордой. За Периметром трудно, но будете слушаться папу Москита — выживете. Грязных, побитых, облученных, но доставлю вас куда надо, если взялся. Усваиваете, тилигенция?

— Усваиваем, — Ксанта хладнокровно кивнула. В крови еще кипел адреналин сексуального возбуждения, но голова уже работала четко и быстро.

— Это хорошо, что усваиваете, — одобрил Москит. — Вам, научникам, это надо усваивать вдвойне. Вы, умники, со своими понтами, учеными степенями и званиями обычно держите таких, как мы, за полное дермо. Что, не так? Поэтому когда старший группы командует падать носом в грязь, образованный салага может начать допытываться: по какому это, простите, праву? Тут его обычно и хоронят, сердешного.

— Чего ж вы тогда беретесь за дело? — не выдержал наконец Денис. — Циклоп ведь наверняка предупредил, что клиенты неудобные. Тилигенция!

Москит пожал плечами:

— Я, собственно, еще не согласился. Вот, специально пришел на вас посмотреть, что вы за птицы. Но Пифа меня уговорит, это сто процентов. Потому что, во-первых, такие деньги на дороге не валяются... — Он умолк, переводя изучающий взгляд с одного клиента на другого.

— А во-вторых? — спросила Ксанта.

— А во-вторых, все-таки работа у нас такая. Сталкеры — они разные бывают, каждый в своем деле чемпион. Кто-то хабар носит, кто-то чужие поручения выполняет, кто-то территории разведывает, кто-то воюет с врагами клана и мародеров отстреливает. А мы вот с Пифой — профессиональные проводники. Массовики-затейники, ага. Таскаем в Зону

пришлый народ — за хорошие бабки, конечно...

— Неплохо устроились, — насмешливо оценил Денис. — Бабла небось куры не клюют. Рокфеллеры!..

Ксанта сделала предостерегающий жест: не вмешивайся, морпех.

Москит кисло посмотрел на напарника: ну вот, началось. Пошли развесистые интеллигентские понты. Что, собственно, и требовалось доказать.

Первым ответил Пифа:

— Куры, говоришь? А знаешь, сколько неопытных салаг, насмотревшись 3D про крутых сталкеров, гибнут, не успев отойти и п-пары километров от П-периметра? Наслушались б-баек о ветеранах, что ходят в Зону, как к себе на огород, и думают, б-будто за п-пару недель сами смогут стать такими же. Чего уж проще! Только опытный бродяга п-принесет солидный хабар хорошо если один раз из трех. Да и того едва хватает, чтобы п-прежние долги погасить да п-прикупить правильной снаряги. Потому что б-без нее в следующий раз далеко не уйдешь, а значит, ничего полезного не добудешь. Только бэры копить и нервы п-портить...

— Вот именно, — подтвердил Москит. — Так что зря ты, парень, честному бродяге позавидовал и губу раскатал сделать тут хорошую денежку. Ведь раскатал уже, да? Ну и дурак. Чтобы добраться до мест, где можно поднять редкое и дорогое, надо сперва хотя бы Свалку понюхать годик. А потом, если выжил, усердно и регулярно топтать Зону, нарабатывать связи, оттачивать чутье и опыт. И только потом, когда правильные люди решат, что тебе можно доверять, ты получишь первый заказ. Как в сказке: пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Только еще хуже. Потому что искать наверняка придется какую-нибудь опасную для здоровья дрянь, других тут не бывает, и в таких местах, где имеется реальный шанс гробнуться в полный рост максимально мерзким способом — их тут других тоже не наблюдается. К такой ходке самый опытный ветеран готовится долго, а возвращаются единицы. Вот про этих счастливчиков ты потом и смотришь кино с девочкой и попкорном. А сколько народу по дороге полегло — только Черный Сталкер знает...

— А Меченый? — спросил Кузнец. — Он-то сколько раз добирался до Станции и возвращался обратно?

— Ну... — задумался Пифа.

— Имейте в виду, — перебил напарника Москит, — девяносто процентов из того, что вы слышали про Меченого, — байки и художественный свист. Дешевое гонево. Голливудский боевик и компьютерная игрушка... — Он разом поскучнел, словно моментально утратил интерес к дальнейшему разговору. — Ладно, мы на вас посмотрели, вы на нас посмотрели. Закрываем базар на сегодня. Лучше отдохните, выситесь, чем языками зря чесать. Ну, или другими делами займитесь, приятными для здоровья. — Он хмыкнул. — Но советую выситься. Утром выходим: в шесть часов у патрулей смена, самое подходящее время для прорыва. Особенно сейчас, пока долбаный карантин...

— Чего это он меня с Меченым так оборвал? — спросил Денис, когда проводники покинули комнату, даже не заикнувшись, что им некуда пойти: похоже, комендантский час особой проблемы для них не представлял. — Аж позеленел весь. Хорошо хамить не начал, а то пришлось бы морду ему пощупать. Близок был уже, ой близок...

— Говорят, вспоминать Меченого перед выходом в Зону — дурная примета. Народ здесь страшно суеверный, у них целая система запретов и табу, за исполнением которых следит Черный Сталкер... Нет-нет! — Ксанта замахала руками, увидев, что Кузнец снова открыл рот. — Про него лучше даже не спрашивай. Это вообще какой-то запредельный ужас. И ладно бы сказки да пьяный треп, но некоторым сталкерам доводилось его видеть... И даже разговаривать с ним. — Она пожала плечами, глянула в заколоченное окно. Поежилась. — Знаешь, а и действительно, к черту такие разговоры, Дэн.

— Как скажешь.

В комнате повисла неловкая пауза. Ксанта ожидала, что Денис продолжит прерванную

любовную сцену, но тот не спешил. Полез в свою сумку, долго копался в ней. Наконец нашел ополовиненную пачку сигарет. Подошел к двери, отпер замок.

— Кури тут, — разрешила Оксана.

— Да ну. Спать потом в газовой камере, — отмахнулся Кузнец.

Голос у него был какой-то странный — злой и виноватый одновременно.

Он вышел, и в комнате сразу стало пусто, холодно и неуютно, а в окне за спиной почудился пристальный взгляд Черного Сталкера. Чтобы отвлечься от дурацких мыслей и убить время до возвращения приятеля, которое без него тут же растянулось, словно жевательная резинка, Ксанта решила погадать. Порылась в сумке, достала коробку с рунами и книжку толкований.

Каждой субкультуре положено иметь свое гадание. У кого-то это карты Таро и книга Перемен, у кого-то — пасьянсы и воск в блюдечке... Депры решили не отставать — и один из прародителей движения придумал связку костяных рун. Только не с иероглифами или норманнскими письменами, а со своими, вполне современными значками в техногенном стиле. Среди прочих там были, например, Завод, Башенный кран, Эскалатор, Компьютер, Метро и даже Неоновый Свет. Последний, несмотря на негативную смысловую окраску, нравился Ксанте больше всего.

Не сказать чтобы она всерьез верила во всю эту предсказательскую мишуре. Но, перебирая пальцами изящные костяные фишki с голограммами технорун, она удивительным образом успокаивалась. Да и совпадения иногда случались забавные. Хватало с лихвой, чтобы посрамить недоверчивых скептиков.

Ксанта размешала кости, перевернула их рунами вниз. Теперь в коробке толкались боками абсолютно одинаковые квадратики с узором из отверток, шестеренок и клавиш. Если тасовать их долго-долго, начинает странно рябить в глазах и кружится голова. Обычная иллюзия, но при желании можно считать, что в этом есть какой-то оттенок магии.

Как всегда перед броском, она затаила дыхание, пытаясь унять вспыхнувшее волнение. Не магия и не таинство, конечно, но все же иногда кажется... Да и соответствующая обстановка добавляет эмоций — как в полночь на кладбище. Фу, даже ладони вспотели!

В последний момент рука дрогнула, и руны раскатились по полу с дробным сухим стуком.

Выпало двенадцать рун из тридцати двух. Неплохой вариант, много перевернутых костяшек обычно мешают составить внятное предсказание, приходится бросать по новой.

Книгу толкований писал великий путаник. Ксанта, чертыкаясь, листала страницы, выбирая нужные строчки. Так: Автомат, Противогаз, Башня — это понятно, Завод и Гаечный ключ — тоже, но вот к чему пристегнуть Вентилятор, Болт и Циферблат?

— Ну и как? — спросил вошедший Кузнец, заставший ее за изучением получившегося расклада. — Что говорят звезды?

Какое-то слишком пресное выходило толкование, позитивное. Никак не годилось оно для истинного депры, который просто обязан ждать от жизни самых подлых сюрпризов.

— Автомат, Противогаз, Башня, — перечислила Ксанта. — Завтра люди с оружием отведут нас в опасное место...

— О! Как неожиданно, — фыркнул Денис. — Хочешь, я тоже погадаю и скажу, как их зовут и во что они одеты? Стопроцентный результат, хоть в цирке выступай.

— Дальше говорить или подождем, пока ты закончишь кривляться?

— Говорить.

— Чужое умение обещает нам легкую, светлую дорогу. И спокойную ночь. Только Болт бесхозный остался. И Циферблат. Никак не могу понять, как его трактовать.

— А что он обычно означает?

— Ожидание. Или недостаток времени — смотря какой расклад.

— Тьфу. — Денис подошел к своему топчану, улегся, укрылся с головой своей курткой, отвернулся к стене. — Ежу ясно, что ждем утра и парочку проводников-мачо, — приглушенно проговорил он, — а времени на поиски у нас все меньше. Это я тебе и без

гадания расскажу. Ерунда собачья...

Ксанта не ответила. Задумчиво посмотрела на затихшего на топчане Кузнеца.

Похоже, продолжения романтического вечера не предвидится.

Она еще раз бездумно пролистала страницы книги толкований, но не сумела разобрать ни строчки. Ссыпала руны в коробочку, убрала в футляр вместе с книгой. На обложке тускло светилась серебристая шестеренка. Казалось, она едва заметно проворачивается, как маленькая частичка неведомого механизма, запущенного кем-то столь же таинственным.

— Ксанта, — вдруг придушиенно проговорил Денис, — ты знаешь... Ты прости меня, пожалуйста. Я не должен был...

— За что? — Она приблизилась к его кровати, присела на корточки, положила руку на бедро. — За что простить, дурачок?..

Он не повернулся, не шевельнулся, не изменил позы. Так и лежал лицом к стене, не произнеся больше ни слова. Чего тут еще говорить, и так все ясно.

Она молча встала, погасила свет и легла на свой топчан.

Глава 5

Шестеренки еще долго вертелись перед глазами, стоило Ксанте их закрыть. Усталость и досада сковали веки, но сон все не шел. Она несколько раз проваливалась в чуткое забытье, но любой, даже едва слышный звук снова выдергивал ее в реальность. Скрипел соседний топчан под беспокойно ворочающимся Кузнецом, капала вода, ветер теребил кусок жести — казалось, будто шумит где-то далеко уходящая гроза.

И так же далеко басовито рычали моторы патрульных джипов. Мегафонная скороговорка затихла, зато сквозь щели заколоченных окон то и дело пробивались световые полосы: солдаты шарили по улице прожекторами.

«Совсем нервы ни к черту! — с досадой думала Ксанта в полудреме. — На биостанции спала как убитая, даже когда псевдогиганты ломились сквозь колючку. Меня, помнится, тогда едва добудились. А сейчас чего расклеилась? Вздрагиваю от каждого шороха, как гламурная барышня. Ведь еще даже до первой линии обороны не добрались, а в Зоне что будет? Вообще спать перестану?..»

В номере даже было какое-то постельное белье, но Ксанта с Кузнецом, естественно, не особо ему доверяли и спали в одежде, что тоже не способствовало нормальному отдыху. К тому же в комнате было ненамного теплее, чем снаружи.

В ровный и монотонный, как морской прибой, гул моторов добавилась новая нота — со стороны лагеря миротворцев приближался вертолет. Вряд ли летунов погнали бы среди ночи на патрулирование Периметра — скорее всего, транспортник или связной.

Впрочем, в Зоне могло случиться все что угодно. Но в случае прорыва одной машиной военные едва ли ограничились бы. Премия за сэкономленное топливо — вещь хорошая, но не за счет солдатских жизней. Похороны в гробу, накрытом флагом ООН, обходятся значительно дороже.

Вертолет прошел стороной, но тишина возвращаться не спешила: странный металлический лязг сменился осторожным постукиванием. Хаммеровский двигатель фыркнул совсем близко, потом чихнул и застучал на холостых оборотах. Хлопнули дверцы.

— Ксанта, спиши? — вдруг тихо спросил Кузнец.

— Какой уж тут сон. — Она перевернулась на другой бок.

— Не нравится мне что-то...

Он не договорил. В ночи дробно простучала автоматная очередь. Ей ответили несколько одиночных выстрелов, потом пальба слилась в неумолчную какофонию. Оновский мегафон попытался что-то пролаять, но сразу захлебнулся. Совсем рядом слаженно ударили несколько стволов, зазвенело разбитое стекло.

— Ложись! — заорали в коридоре. — Нападение!

Кузнец скатился с топчана, за шиворот стащил вниз Ксанту. Прижал к полу. Она даже

пискнуть не успела.

— Спокойная ночь, говоришь? — приглушенно рявкнул он.

По коридору протопали поспешные шаги, за окном снова раскатилось эхо очередей. Где-то рядом с визгом чиркнула по стене пуля.

— Слезь... с меня... — с трудом выдавила Ксанта. — Раздавиши!

— Давно мечтал оказаться сверху, — злорадно фыркнул Денис. — Только не вставай! — предупредил он, не давая Ксанте толком возмутиться. — Ползком. Если не видят цель, стреляют обычно на уровне груди. Хватай вещи и давай за мной, надо отсюда сваливать.

Снаружи опять закричали. Глухо бухнул взрыв, будто лопнул в неловких руках ребенка-великана огромный воздушный шар. Стены бара едва заметно дрогнули.

— Холера вам в зад! — донесся снизу голос хозяина. — Не высовываться!

— Его надо вытащить! — Незнакомый голос.

— Сидеть, холера! Облава!

— Выспались, блин! — зло рыкнул Кузнец. — Что еще за облава?!

Ксанта доползла до топчана, выдернула из-под подушки сумку, с трудом, корчась на полу, влезла в куртку. Сумки, конечно, обязан таскать мужчина, но она понимала, что руки у разведчика должны быть свободны.

— Не знаю, Дэн. Может, комендант чего учудил?

Пока она возилась, Кузнец на четвереньках ловко, по-крабы, рванул к двери. Приоткрыл дверь, на мгновение высунулся в коридор. Спрятался; высунулся снова, тщательно изучив противоположное направление.

— Чисто. Пошли!

Заполошная стрельба на улице стихла, но время от времени вдоль улицы еще раздавались одиночные выстрелы.

Денис вытянул Ксанту из комнаты, чуть ли не волоком потащил к лестнице. Здесь, на площадке между первым и вторым этажами, обнаружился одинокий бродяга в глухом балахоне, который мирно курил в кулак. На спине у него бесформенным кулем болтался прорезиненный капюшон, отчего незнакомец казался горбатым. Он покосился на них, но ничего не сказал.

— Что там за хрень на улице? — спросил Кузнец.

Сталкер неопределенно пожал плечами:

— Стреляли...

Ксанта тоже смотрела это древнее кино и оценила лаконичный сарказм незнакомца. Действительно, откуда же ему знать.

Денис и Ксанта спустились на первый этаж. Темноту бара озаряли лишь красные точки зажженных сигарет и редкие вспышки за окном. Не поймешь — то ли осветительные ракеты, то ли выстрелы. Хозяин поглядывал на улицу в инфракрасный бинокль, чуть отогнув край самодельных жалюзи. Стол под ним опасно поскрипывал. На коленях Холеры лежал короткий автомат с необычным прикладом. Кузнец определил навскидку: чешский «скorpion». Или какая-то самопальная переделка знаменитого «Че-Зет».

— Куда прете, холера! Не трепыхайте крыльышками! — сказал хозяин, не оборачиваясь. — Вас выведут.

В зале находилось еще человек пять, в отличие от хозяина — безоружных. Особого беспокойства никто не проявлял, к окнам гости «О, крошки!» благоразумно не совались. Впрочем, те, кому следует бояться облавы, вряд ли сейчас сидят по ночным барам. В любом кабаке на такой случай есть черный ход, а то и не один.

— А ведь нас ехали брать, холера, — пробормотал бармен. — Верняк. По этой улице такой армией больше ехать некуда. Вот только с какой стати? Я незаконного бизнеса давно уже не веду...

Один из еще вменяемых гостей, сидевший за ближним к стойке столиком, широко развел руками: загадка века, многоуважаемый.

— Что значит — «выведут»? — спросил Денис. — Куда нас выведут?

Холера только хмыкнул. За него ответил Пифа:

— Идите за мной. Скоренько, пока бар не окружили. Машина на заднем д-дворе.

Помощник ведущего стоял в темном проходе у дальнего конца стойки. Сразу и не разглядишь — Ксанта даже вздрогнула от неожиданности.

Денис наконец отобрал у нее сумку и двинулся к нему.

Коридор вел в подсобку, грязную и заваленную каким-то совершенно бессмысленным хламом: размокшими банановыми коробками, рулонами рубероида, короткими, неаккуратно отрубленными кусками кабеля. Тусклая лампочка под потолком светилась едва-едва, приходилось внимательно смотреть вниз, чтобы не переломать ноги и не вляпаться в какую-нибудь пакость. Пифа шел уверенno, явно пробирался этой дорогой не в первый раз.

Запасной выход перекрывала солидная железная дверь. Снаружи она была еще и забита досками, а головки болтов на засове, казалось, давно и намертво прижавели к гайкам — как будто никто не ходил тут уже лет десять. А то и пятьдесят. Но открылась дверь легко, даже петли не скрипнули.

Навстречу беглецам шагнул Москит — в темной камуфляжной форме он почти сливался с окружающей темнотой.

— Если вы готовы, придется ехать немедленно, — озабоченно проговорил он.

— Что случилось? — спросил Кузнец.

— Да цирк с клоунами! Какие-то гастролеры учинили перестрелку с военными. Че пишет, есть раненые. Комендант любой шум сейчас крайне некстати, и он мигом приказал закрыть город. Не выдвинемся сейчас — к утру отсюда вообще мышь не выскохнет.

— Мы слышали про облаву...

— Ерунда, — отмахнулся Москит. — Плановые мероприятия. Холеру стабильно трясут, раз в месяц. В профилактических целях. Вам просто не повезло заночевать не в то время не в том месте. Всем нам сегодня здорово не повезло — но, черт возьми, такого беспредела, как стрельба на улице, тут уже несколько лет не было.

Ксанта оглянулась на выщербленную стену «О, крошки!», на дверь, на едва заметную полоску света, пробивающуюся из подсобки. Похоже, отступать им больше некуда, надо решаться.

— А наше снаряжение?.. — начала она.

— Все давно в машине. У нас тут постоянные сюрпризы, мы обычно готовимся заранее. Ну что, едем? Или отбой? Думайте быстрее, у нас мало времени. Но из «О, крошки!» сваливаем по-любому.

Денис подумал, что для Ксанты все происходит слишком быстро. Обстановка вышла из-под контроля, и девушка не готова принимать молниеносные решения в боевой обстановке.

— Поехали, — твердо сказал он.

Он опередил ее с ответом на секунду, но она не стала ничего говорить. Пусть думает, что главный он. Для мужиков это почему-то очень важно.

Битая «Нива-Тайга» особого доверия не внушала — латаный-перелатаный капот, мятые крылья, вырванный с мясом передний бампер. Пыльные стекла покрывала паутина мелких трещин, а на дверцах не было ручек. В задней части салона громоздились десантные мешки. На крыше Кузнец успел заметить несколько наспех зацементированных пулевых отверстий.

Пифа упал за руль, Москит забрался на переднее сиденье и разблокировал задние дверцы.

— Залезайте. И на всякий случай — пригнитесь. Вояки сейчас нервные, могут и не только по колесам зарядить. Быстрее! Не спим!

Несмотря на неказистый внешний вид, машина завелась сразу. Мотор работал почти бесшумно, да и шла «Нива» ходко, приемисто.

— Непростая тачка, — шепнул Кузнец. — С ней хорошо поработали. Движок не родной и борта явно бронированы.

Ксанта напряженно молчала. Она действительно немного растерялась: слишком быстро все получалось, слишком внезапно. Дома она не очень верила, что у нее вообще что-нибудь получится. Но когда пришло сообщение об исчезновении Костика, надо было срочно делать хоть что-то, времени на раздумья не оставалось...

Впереди нервно переговаривались проводники:

— Вправо возьми.

— П-подожди. Еще два п-поворота.

— Нарвемся на патруль, поздно будет повороты считать.

— Сам д-дурак.

Машина выскочила на широкий проезд с остатками асфальта, круто, с заносом повернула и ювелирно вписалась в ближайший переулок. С двух сторон мимо «Нивы» проносились темные груды кирпичей и строительного мусора, которые когда-то явно были капитальными зданиями.

— Здесь потише, — сказал Москит.

— П-понял уже.

Сбросив скорость почти до пешеходной, Пифа осторожно вырулил на просторную площадь. Раньше здесь явно был рынок, но деревянные торговые ряды давным-давно разобрали на доски предприимчивые местные. По краям площади громоздились обширные завалы из битых панелей, шлакоблоков и ржавого железа.

Точно посреди расчищенного пятака стоял натовский «хаммер» с работающим двигателем.

— Япона твой бог! В сторону! — заорал Москит, выдергивая из-под ног автомат с укороченным прикладом. Насколько смог заметить Кузнец, колт «Коммандо», десантный вариант М16А3.

«Нива» попыталась прокрасться по краю рыночной площади, но с джипа ее заметили почти сразу. В пулеметном гнезде на крыше шевельнулся крупнокалиберный ствол.

— Стоять! — раскатилось над площадью. — Стреляем на поражение!

Фраза прозвучала на удивление чисто, видно, записали с переводчиком, специально для таких случаев. Чтобы нарушители не говорили потом: не поняли, мол, слишком сильный акцент.

— Ага, щаз! — выдохнул Пифа и резко крутанул руль.

Машина сделала немыслимый пируэт, едва не встав на два колеса, и рванула напрямую через рынок, разбрасывая бампером почерневшие гнилые ящики и кучи отбросов. Патрульные не ожидали такой наглости, и первая пулеметная очередь ушла в молоко.

— Все на пол! — рявкнул Москит.

Кузнец дернул Ксанту за рукав, заставил пригнуться, прижал широкой ладонью к затхлому ворсусу сиденья.

— Ствол дайте! — крикнул он.

— Позже! — отрезал ведущий. — Ни к чему тут штурм Грозного устраивать. Пифа, сволочь, не спи!

Вторая очередь все-таки достала их. Многострадальный корпус «Нивы» загудел от серии попаданий, заднее стекло звонко клацнуло, словно кто-то прикурил от гигантской зажигалки «зиппо», и пошло трещинами. Но не осыпалось.

— Хрена с два! — весело гаркнул Москит. — Забронировано. Не пробьешь!

Ксанта даже не успела толком испугаться. Ей все чудилось, что машина вот-вот потеряет управление и перевернется, что Пифа не удержит ее на очередном головокружительном повороте — и тогда внезапно и стремительно надвинется глухая бетонная стена, раздастся скрежет металла, беспомощные крики... А потом невидимая рука неудержанно рванет девушку вперед, швырнув через спинки передних сидений. К таким приключениям тела она готова не была.

А выстрелы поначалу не показались ей опасными. Она не сразу поняла, что в них только что выпустили целую очередь. Только через минуту, когда умолк отчаянно

матерившийся Денис, ее внезапно обожгло: «Елки-палки! В нас же стреляли!»

Беглецы уже скрылись в лабиринтах заброшенного квартала, когда натовцы, форсировав движок, рванули следом. Пифа вел машину почти вслепую, удачно проскакивая тупики и втискиваясь в очередной извилистый проезд.

На восемнадцатом по счету крутом повороте далеко оторвавшаяся «Нива» прогрохотала колесами по полуразсыпавшемуся бревенчатому настилу — старому мосту через сто лет как пересохшую речку. Правое переднее колесо попало в выбоину, машину повело, но Пифа молниеносно выровнялся.

Москит обернулся назад, прищурился, блеснул в темноте зубастой усмешкой:

— По картам — мост разрушен, есть мнение, что проехать здесь нельзя. Вот его и не перекрывают.

— Европа, — сказал Пифа. — Д-дикие люди. Морт уже сколько лет здесь комендантом, а все п-привыкнуть не может, что у нас не дороги, а н-направления...

Отчаянно фырча, «Нива» на минимальной скорости ползла по остаткам моста. В одном месте проезд вообще превратился в два нешироких, осклизлых, незакрепленных бревна над бездной — одно под левое колесо, другое под правое. В какой-то момент Ксанте почудилось, будто правая пара колес начинает неуловимо соскальзывать с бревна, однако Пифа был мрачен, сосредоточен, но спокоен. Тем не менее вскоре уже стало очевидно, что машину неудержимо тащит вправо. Когда она соскочила с осклизлых бревен, Ксанта закрыла глаза в ожидании неминуемого — однако «Нива» ударилась колесами о глинистый грунт на противоположном берегу. Мост закончился, и машина тут же резво перевалила через пригород, уйдя с возможной линии огня.

Больше их никто не преследовал — для «хаммера» такое препятствие, конечно, оказалось непреодолимым. Не факт, что патруль вообще понял, что беглецы ушли по полуразрушенному мосту, а не свернули где-то раньше. Для людей, проживающих западнее Польши, подобное безрассудство должно было казаться совершенно немыслимым.

Несколько минут после этого под колеса ложился относительно наезженный проселок, и вдруг дорога разом исчезла. Внизу теперь чавкала вязкая глина, та же глина, только подсохшая, летела в разные стороны, мягко стучала по днищу. Машину затрясло.

— Проедем, — авторитетно заявил Москит, хотя его никто не спрашивал. — Немного уже осталось.

— Морт солдатню п-погнал на усиление. Смотри, как дорогу б-броней разбили.

— Ничего, доковыляем как-нибудь...

Когда «Нива» наконец остановилась, Ксанте уже было все равно, куда и зачем они едут. И кто они вообще такие. Желудок наконец прекратил скакать по всему телу и вернулся на место, но ощущение, будто ее только что вынули из сепаратора, не проходило.

— Вылезайте, — подал голос ведущий. — А мы пока тачку спрячем.

— Нельзя б-без машины, — тяжело дыша, сказал Пифа.

Москит аж поперхнулся:

— Все, контрольная точка! Ты что, собрался прямо в Зону рулить? С воздуха тачку приметят в две секунды — и песец котенку! Брат, ты что, перегрелся?

— Ничего я не п-перегрелся! Но у нас форс-мажор. Пока мы п-пешкодралом дотопаем, на П-периметре вояки уже хороводы водить б-будут. П-после нынешней светомузыки в городке там давно уже сыграли тревогу, и через п-полчаса на линии дотов будет не п-протолкнуться. А если Мортенсен из-за комиссии п-прикажет занять п-посты не по дежурному расчету, а по б-боевому, то мы и через неделю в Зону не п-падем. Надо рвать сейчас, п-пока не поздно! — Пифа заметно развелся и оттого заикался вдвое сильнее прежнего.

С минуту Москит сосредоточенно размышлял.

— Может, ты и прав, — неохотно признал он. — Но лучше все же ножками, по-тихому. До Периметра не подстрелят, а там поглядим. Если все плохо, как ты говоришь, — отлежимся в старом схроне Кузьмича. Но сдается мне, что Морт скорее отзовет усиление в

городок, если там и правда серьезная заваруха.

— Ты д-думаешь, «М-монолит»...

— Все! — отрезал ведущий. — Думать на досуге будем, за это не платят. Все наружу!

Кузнец вытащил из машины обессиленную Ксанту. Проводники в четыре руки выкинули на землю мешки со снаряжением.

— Пифа, засхронь машину, а я пока туристам снарягу покажу. — Москит споровисто распустил шнуровку десантного мешка. — Так, смотрите сюда. Перед выходом у нас должен был состояться серьезный инструктаж, но сами видели, как оно все обернулось. Времени нет, если что — разберетесь по ходу дела. Не стесняйтесь спрашивать. Значит, так: во-первых, курточки ваши придется снять. Несерьезная одежка для Зоны, армейцы не зря в камуфляже ходят. Вот, надевайте. Там все на липучках, можно подогнать по размеру и под фигуру. Ботинки, я смотрю, подходящие у вас, плотные, на толстой подошве, нормальный протектор. Вот и хорошо, их и оставим. Лучше свои, удобные, чем потом мучиться с мозолями. Дальше. Бронежилеты. — Не переставая говорить, проводник умело потрошил упаковку, бросая называемое прямо на землю. — Вам, Оксана Георгиевна, легкий...

— Зовите меня Ксантой, — попросила она.

— Как? Ксантой? — удивился Москит. — Да как скажете. Любой каприз за ваши деньги. Броник легкий, пластиковый: нож, гранатные осколки, зубы и когти некоторых тварей остановит, а вот пули — только на излете. Сожалею. Ну и химере с кровососом лучше не попадаться, для них он все равно что фанерка. Тяжелую защиту не даю, иначе ноги таскать не сможете. В любом случае большинство возможных проблем эта штука решит. Надевайте под куртку, так удобнее.

— Штурмовой жилет есть? — спросил Кузнец. — Мне лучше штурмовой. Привык.

Мосkit саркастически повел бровью:

— Двадцать два кило, дружок. Ты с таким грузом по Зоне ползать собрался? Это тебе не марш-бросок по спортивным нормативам. Через полдня будешь не боец, а эскимо на палочке. А если ухитришься вляпаться в студень, то и без палочки.

Денис промолчал, но Ксанта обратила внимание, как заиграли желваки у него на скулах. Плохо будет, если он решит показать характер. Не до мерзания пиписьками сейчас. Впрочем, и Москит хорош: ее на «вы» и «Оксана Георгиевна», а его — «дружок» и на «ты». Паршивый из ведущего психолог, хотя она всегда считала, что для опытного сталкера это важное качество.

— На правую руку крепится ПДА, портативный комп, — продолжил лекцию ведущий. — Там все что нужно: детектор движения, счетчик Гейгера, анализатор опасной среды. Ну и коммуникатор, само собой. Вы не зарегистрированы, сталкерских боевых кличек у вас нет, поэтому сеть работает только на общие рассылки, как бы нелегально. Че о вас не в курсе, а если и отследит, то вряд ли отключит — вы его потенциальные клиенты, кто знает, сколько бабла вы ему потом принесете, если решите зарегистрироваться. На крайний случай, если вдруг разойдемся или с нами случится что, в ПДА встроен военный аларм-маячок. Активируете — и через пару часов с неба посыплются бравые суровые парни. По шее наступчат, конечно, за ложный вызов, да и потом в комендатуре будут прессовать, может быть, даже срок впаяют, но хоть живыми выберетесь. Понятно?

— Не дети, разберемся. — «Дружка» Денис ведущему явно не простил, говорил сухо и холодно. — Еще что?

— С оружием обращаться умеете?

— Сам как думаешь? — с вызовом спросил Кузнец.

— Ты явно умеешь, спецназ. — На сей раз Москит почти даже не иронизировал. — Держи тогда.

Денису достался почти новый АКМК. Прежний хозяин хорошо заботился об оружии, ухаживал за ним и даже заменил пластиковые накладки на самодельные кожаные — чтобы рука от пота не скользила. Со знанием дела Кузнец проверил затворную раму, пощелкал предохранителем. Отстегнул и снова вставил магазин. Хорошая машинка, рабочая. При

должном уходе не подведет.

Ксанте Москит протянул хорошо знакомый по 3D-фильмам израильский «узи» — оружие для одной руки, нечто среднее между пистолетом и автоматом.

— Как раз для дам и туристов, — пояснил он. — Бьет хорошо, но не дальше, чем из рогатки. Впрочем, вам все равно в снайперов играть не придется, а собак пугнуть или мародеров — оно в самый раз.

Она повернула оружие в руках, не зная, что с ним делать. Раньше ей доводилось стрелять, но только в тире, под руководством Кузнеца, который в отличие от нее без огнестрельного оружия себя не мыслил. На биостанции ученых прикрывали военные сталкеры, и сейчас Ксанта с трудом представляла, как будет палить по живым людям, если придется. Нет, не так ей все представлялось. Зона, в которой она работала, была смертельно опасной, но там осторегаться приходилось совсем другого. Сейчас ее бесценные навыки жизни в Зоне, похоже, были практически бесполезны — когда она собралась проникнуть на эту территорию с черного хода.

— Разгрузку наденьте сверху, если мешает, — продолжал импровизированный инструктаж Москит. — Магазины лучше рассуйте по карманам. Вообще подгоняйте все так, чтобы удобнее было двигаться. — Он умолк.

— И это все? — спросил Кузнец.

— В целом — да, всякие мелочи покажу на месте, если время будет. А больше вам все равно ничего не пригодится. Или ты хотел какое-то шпионское суперснаряжение?

Ксанта только сейчас обратила внимание, как изменился Кузнец за последние полчаса. Он явно попал в привычную стихию: его движения стали мягче, жесты — лаконичнее, а глаза — цепкими и внимательными, только что не светились в темноте, как у хищного зверя из породы кошачьих. И привычный ствол лег в руку будто влитой.

— А как же детектор аномалий? — поинтересовался он. — Как мы пойдем без датчиков?..

Москит, казалось, даже дар речи потерял от такой наглости.

— А зачем он тебе вообще? — уставился на Кузнеца неслышно подошедший Пифа. — Ты что, умеешь им пользоваться?

— Научусь, — отрезал Денис. — Дурное дело нехитрое.

— Чё, правда? — изумился Москит. — А ничего, что без опыта вылазок в Зону детектор не стоит пачки использованных презервативов?

Кузнец понемногу тоже начал стервенеть.

— А может, вам, сталкерам, просто надо демонстрировать туристам крутизну и набивать себе цену? Без нас, мол, вы и шагу не ступите! А на самом деле маленькая коробочка, такой электронный спутниковый навигатор, давно уже влегкую заменяет пятерых крутых проводников?..

Пифа успел поймать Москита за локоть:

— Спокойно!..

— Отпусти меня, ядрён батон! — рвался с цепи ведущий. — Я сейчас кое-кому устрою историю с географией! Ты, щегол, епта, с детектором дальше первой канавы не уйдешь! И кости твои сложат в коробку из-под крекеров и пошлют вон ей, — проводник яростно мотнул головой в сторону Ксанты, — на день рождения! Может, давай проверим, а, тело?! Дадим тебе железку с кнопочками и пустим впереди нас по маршруту! Согласен? Если не согласен, то не пойти ли тебе, мать твою тридцать пять раз по всей морде, заняться половым туризмом?! Пешочком, по известному адресу!

— Тише, тише... не б-буянь...

— Сто раз зарекался умников водить! Твою ж двадцать! Какой-то городской долбоёрш будет тут меня учить за Периметр ходить! Да идите вы на хрен оба, научники хреновы! Где уж мне с такими крутыми пижонами тягаться! Вы про Зону все знаете, так что самостоятельно справитесь!..

Увидев, как побелели на цевье автомата пальцы Дениса, Ксанта поняла, что пора

вмешаться, иначе этот самцовский аттракцион поочередной демонстрации крутизны ни к чему хорошему не приведет.

— Подождите, Москит! Не надо ругаться. Простите Дениса, он новичок в Зоне и еще не знает толком, на что она похожа. Для него пока все ваши и мои рассказы — лишь громкие слова. Он уверен, что здесь просто привычная ему зона боевых действий. Но проводника заказывала я, и, значит, я решаю, верить ему или нет. Так вот: я доверяю вашему чутью. Потому что бывала за Периметром и хорошо представляю, что там творится. А Кузнец... — Ксанта взяла приятеля за руку и осторожно отцепила его пальцы от автомата. — Он постараётся довериться. Или мы расстанемся прямо здесь, и дальше я пойду с проводниками одна. Что скажешь, Дэн?

Кузнец упрямо тряхнул башкой. Классическое превращение депрессивной Фрау Осени: барышня, напуганная стрельбой и экстремальной ездой, в нужный момент мгновенно стала железной девой. Только что едва в обморок не падала, и на тебе — уже распоряжается! Как верно подмечено каким-то классиком, в присутствии сильных мужчин женщина может позволить себе быть слабой до тех пор, пока они сами не дадут слабину. Это ладно, это мы уже проходили не раз. Но она предпочла ему каких-то местных урок! Ему, лучшему другу — помоечных мачо с жаргоном начитанных гопников!..

— Дэн? — требовательно повторила она.

Москит насмешливо хмыкнул. Возможно, этот смешок мог бы стать толчком к следующему этапу меряния пиписками, на более опасном уровне, но неожиданно вмешался Пифа, не дав спорщикам рта раскрыть:

— Да при чем тут вообще д-детектор, брат? Не в детекторе д-дело! Сам по себе, без опыта, он ничего не значит. П-покажет тебе все аномалии, которые и ночью б-без фонаря видно, и ты начнешь ему безоглядно д-доверять. Тут-то и наревешься на какую-нибудь долбаную п-пакость без названия. Навертил кишки на б-бронник, п-поздно будет детектор ругать. Да и вообще, если ты в Зоне собираешься слепо верить в умное железо и хитрую электронику, лучше сразу могилу копай. Прямо тут, не п-перелезая через колючку. П-по крайней мере, будет что п-похоронить и куда цветы п-принести...

— Ну, конечно... — недоверчиво пробурчал Кузнец.

— А ты п-подумай: почему за П-периметр до сих пор ходят единицы, а не п-прут стройными рядами по тысяче человек вдень, навесив на себя всяких д-детекторов, как шишек на елку?

— В Зоне нельзя полагаться только на технику, — уже почти мирно сказал Москит. Трогательно хмутившаяся Ксанта нравилась ему, и он помаленьку остыпал. — Потому проводники и стоят так дорого. Мы с Пифой сто раз ходили на маршрут и вернулись живыми. А многие умники, обвешанные детекторами, не вернулись. Доступна логическая цепочка?

Ксанта прищурившись смотрела на проводников. Они прекрасно дополняли друг друга — вспыльчивый, как фейерверк, Москит легко заводился по поводу и без, но так же легко остыпал. И не в последнюю очередь благодаря напарнику, молодому, но спокойному и рассудительному, который, кстати, не боялся спорить и предлагать свои варианты, а порой исподволь направлял его. Избыток эстрогена у Пифы, вот что, оттого и ведет себя по-женски мудро. Раньше она считала, что среди сталкеров царит жесткая иерархия, сравнимая разве что с армейской дедовщиной, и младшие не смеют против ветеранов даже пикнуть. Что ж, никогда не стоит верить слухам. Похоже, что индюк Цвангер и в половину не был таким знатоком Зоны, каким хотел выглядеть в глазах симпатичной девушки.

— Ладно, — Денис сделал неопределенный жест: то ли попытался протянуть Москиту ладонь, то ли махнул на него рукой. — Извините, что наехал, парни. Не со зла. Нервы...

Москит уже не слушал — времени действительно не было. Потушили конфликт, и ладно. Бросил Пифе мешки с запакованной гражданской одеждой, перекинул через плечо автомат — такой же АКМК (Кузнец ревниво проследил за этим), разве что чуть более потертый.

— Ну, двинули, помолясь! Максимально скрытно, максимально аккуратно. Говорите потише, дышите пореже. По первому же знаку падаем мордой в землю. И никаких больше споров с ведущим, на маршруте это смертельно опасно. Первый и последний раз напоминаю, потом будет поздно и больно. В самом крайнем случае стреляю на поражение без дальнейших предупреждений. Ясно? Вперед! Пифа, прячь мешки в машину и догоняй.

Часа через полтора разросшиеся без человеческого пригляда непроходимые заросли кустов наконец закончились. И только Ксанта решила, что теперь станет немного полегче и можно даже рассчитывать на отдых, как Москит положил всех в траву.

— Периметр совсем рядом, а мы гости незваные, — пояснил он. — Первая же вертушка засечет в момент, тут нас и повяжут. Тепленькими...

Ведущий оценивающе посмотрел на Дениса, ожидая возражений от городского умника, великого специалиста по стратегии и тактике. Кулаки у проводника чесались, крутое парня надо ставить на место, пока не поздно. Девчонка может за него ручаться, сколько влезет, однако такие крутые перцы начинают понимать, что к чему, только схлопотав пару раз по морде. Никак не раньше.

Вертолет действительно рокотал где-то впереди, на пределе слышимости — в чистом утреннем воздухе звуки разносились далеко.

— Эх, дождика бы сейчас... — тихо сказал Пифа.

— Ага, а еще лучше — тумана, чтобы ни одна сволочь крылатая не взлетела, — проворчал Москит и предупредил: — Даешь ползком!

Путь действительно продолжили ползком: ведущий отнюдь не шутил. Влажная трава мешала двигаться, ладони то и дело проскальзывали, непривычный бронежилет норовил сдавить ребра или боднуть в шею. Застежки натирали под мышками, а жесткие нагрудные пластины будто жили своей жизнью — ездили по всему телу. Ксанта надеялась, что обойдется без синяков, особенно на горле. Автомат, хоть и маленький, больно бил по боку, зараза.

Кузнец с Пифой живо усвистали далеко вперед, сзади подгонял Москит:

— Быстрее, быстрее! Не отстаем!

Стиснув зубы, она прибавила ходу. А как она думала — ей паланкин до места предоставят? Вперед, подруга, надо искать братишку! Жалеть себя будем потом.

Шум вертолета не исчезал и не приближался, разве что добавились к ровному тарахтению странные прерывистые звуки, как будто старая портниха запустила швейную машинку — такую же старую и сердитую, как сама.

— Москит! — позвал Пифа. — Слышишь?

— Слышу, — настороженно отозвался тот. — Хотел бы я знать, что там происходит...

— Может, твари п-пошли на п-прорыв?

— Выброса не было ни вчера, ни сегодня. К тому же одной вертушкой тогда не обошлись бы.

В той стороне несколько раз глухо бухнуло, машинка запнулась на секунду, потом застрила с удвоенной силой.

— Вперед! — вдруг яростно крикнул Москит. — Живо! Вон к тем кустам!

— Что... — попыталась было вякнуть Ксанта.

— Еще вертушка!

Из-за леса с нарастающим клекотом приближалась невидимая пока летающая машина. Пифа первым укрылся в кустах и сейчас махал им оттуда: быстрее, быстрее! Кузнец с Москитом, не сговариваясь, ухватили Ксанту под локти и чуть ли не волоком затащили в укрытие.

Вовремя. Едва не задевая бронированным брюхом верхушки деревьев, из-за холма выскочил Ми-28Н и стремительно пронесся над головами группы Москита. Курносая нашлепка тепловизора хищно нацелилась в землю, словно нос тренированной гончей.

— Хреново, — прокомментировал второй номер. — П-почуял.

Москит хотел что-то ответить, но вмешался Денис:

— Ничего. Это разведывательный вариант, не ударный.

— То-то и оно, — проворчал ведущий. — Даже если сразу и не заметил, на снимках мы засветились, как три тополя на Плющихе. То есть четыре. Сбросит сейчас пакет в штаб, и там сразу заинтересуются: а кто это у нас здесь такой красивый? Пифа, давай к югу. Поблому не стоит здесь долго светиться. Кто-то уже нашумел, так что военные могут начать прочесывать квадрат.

К внешней линии обороны Периметра они добрались минут через сорок. Вертолеты еще дважды заставляли их прятаться в зарослях кустов, но без каких-либо последствий. Даже если группу заметили, воздушные патрули никак это не продемонстрировали — не зависали над головой, не заходили на боевой разворот. Рассерженными стрекозами второй Ми-28Н и натовский «скай фокс» промчались на север, откуда время от времени доносились стрельба и взрывы.

— Эй, парень! Как тебя... Кузнец! Вот это и есть Периметр, гля.

Граница Зоны совершенно не выглядела полем фантастической битвы людей с монстрами. Наоборот, было в ней что-то до боли привычное всякому служивому человеку, по-армейски строгое и одновременно по-армейски же раздолбайское. Контрольно-следовая полоса, которую давно бы следовало обновить, колючка в три ряда... Будто и не Зона там, за забором, а секретная воинская часть, полигон, или, скорее, — как это водится на территории бывшего СССР — склад с сапогами и сушеным картофелем.

— Жидковат, — оценил Денис.

— Ты погоди, — обиделся Москит, — это еще цветочки. Ягодки будут между второй и первой линией, где доты. А перед ними и вовсе мясо в количестве.

— Смотри-ка, в самом деле п-прорыв. Только не туда, а оттуда. — Пифа передал ведущему бинокль.

— Нормально! — протянул тот. — В Зоне сегодня день открытых дверей, что ли? В городе — полный кабздец, и здесь он же в полный рост. Сдается мне, старина Морт скоро совсем осерчает. Кто-то упорно этого добивается.

— Ну да, п-покажет себя несгибаемым б-борцом за тишину и п-порядок. П-перед комиссией-то. — Пифа кашлянул. — Нет такого ощущения, что те, кто устроил разборки в городке, получили по ушам и рванули в Зону, надеясь, что за ними никто не полезет?

— Ощущение-то есть... — Москит сплюнул. — Хреново только, что эти бакланы все время нам маршрут пересекают. В итоге у честных бродяг из-за всяких отморозков лишние проблемы...

Следом за проводниками приложились к окулярам Кузнец и Ксанта. Ничего из ряда вон выходящего они не увидели. Ну да, в нескольких местах колючка оказалась прорвана, куски спирали Бруно и вывороченные колья валялись на земле. На некоторых участках чуть в стороне колючки не было вовсе, однако сталкеров это не взволновало, хотя не заметить было невозможно. Впрочем, там наверняка имелись какие-то свои хитрости, представлявшиеся проводникам общеизвестными.

— Может, не п-пойдем сегодня? Опасно.

— Погоди, Пифа, не разводи панику, понаблюдаем еще. Пока все равно без толку рыпаться, вон еще пчелки летят.

Над контрольно-следовой полосой просвистели вертушки. Парой: следящий Ми-28Н и ударный «скай фокс». Порыскали в перелеске в полутора километрах за Периметром, вернулись обратно. «Миль» ушел к северу, а европеец продолжил крутиться у места прорыва.

— Твою мать! — не на шутку обеспокоился Москит. — Вот же невезуха!

— Что случилось? — спросила Ксанта.

— Ждет наземный патруль! — пояснил ведущий. — Сейчас припрется куча дармоедов на броне и устроит тут военно-полевую игру «Зарница». И уйти нельзя — эта летучая сволочь сразу нас засечет...

Солдаты приехали с задержкой — вертолет успел описать с десяток больших кругов. Рев бронетранспортера с трудом пробивался сквозь шум винтов. Неуклюжая машина выбралась на пригород, переваливаясь на ухабах, и остановилась у развороченной колючки.

Старый, но вполне рабочий, советских еще времен БТР-80 честно дослуживал свой срок в миротворческом батальоне. Натовцы экранировали ветерану борта, навесили кубики активной брони. Рядом с КПВТ в башне установили мощный прожектор. Усиленные пустостойкие шины были покрыты неровным камуфляжем заплат — бронетранспортеру явно довелось повоевать.

БТР лихо тормознул, сизый дымок выхлопных газов еще плыл над броней, когда из десантного люка посыпались миротворцы.

— Новое НАТО, — шепнул Кузнец. — Восточная Европа.

— П-правильно, кто же еще будет здесь на советской технике воевать, — еле слышно поддакнул Пифа. — Наши-то все на севере стоят.

— Наши — это кто? — спросила Ксанта шепотом.

— Украина и Русский Союз. Славянский контингент полковника Сугорина — слышала?

— Доводилось. Говорят, они с Мортенсеном на ножах?

Москит ухмыльнулся.

— Да у Морта от русского полкана давно язва на нервной почве, — пробурчал он. — Тот делает что хочет, а когда натовцы приходят с предъявами, прикрывается разделением полномочий. Наши на него молятся просто.

— Что, — хмыкнул Денис, — через своих хабар выносить проще?

— Ага, на севере попробуй вынеси! Не костей — молекул не соберешь. Там такое творится — хрен сунешься. Никто через северный Периметр не ходит, дурней нема... Ну, поковырялись вокруг Периметра, и сваливайте! — Последняя фраза, похоже, предназначалась уже миротворцам. — Чего лазаете?.. Нет же никого!

Пифа толкнул старшего локтем:

— Солдатня на кого-то стойку сделала. Похоже, на нас!

— Ё! — Москит вскинул к глазам бинокль.

Миротворцы рассыпались вдоль БТРа цепью. Командир машины, по грудь выбравшись из верхнего люка и прикрывшись бронированной крышкой, разглядывал в инфракрасный бинокль кусты, в которых расположилась группа Москита. Троє солдат выдвинулись вперед, остальные прикрывали, заняв позиции по обе стороны бронетранспортера. Лейтенант пехотного подразделения сверился с экраном планшет-компьютера и показал рукой в сторону леса. Двинулась небольшая башенка БТРа, спарка пулеметов хищно дернулась, словно выискивая цель.

— Что делать будем? — шевельнула Ксанта пересохшими губами.

Ответить ей никто не успел.

Первым погиб командир экипажа. В тот момент, когда он прижал к губам гарнитуру радиации, снайперская пуля, вошедшая чуть ниже черного берета, вдребезги разнесла ему череп. Крышка люка не спасла — пуля примчалась с противоположной стороны и вошла ему в затылок.

— Ох, мать! — тихо сказал Москит. — Кажется, совсем попали, ребята.

Солдаты закричали, вскинули оружие, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов. Двое же продолжали контролировать первоначальное направление. Один из бойцов метнулся к спасительному борту БТРа, однако поймал следующую пулю и, споткнувшись на ровном месте, распластался по земле. Командир бронетранспортера скрылся в люке — видимо, у трупа просто подогнулись ноги, потому что выжить после такого сокрушительного попадания в голову было немыслимо.

— Носом в землю! — скомандовал Москит. — И поглубже. Снайпер!

Под огнем натовцы не сплоховали, показав недурную выучку. Они залегли за БТРом и поодиночке, короткими бросками скатывались в канаву перед контрольно-следовой полосой,

превратив ее в импровизированный окоп. Заняв позиции, оставшиеся бойцы открыли шквальный огонь в направлении, где, по их соображениям, мог находиться противник. Тот больше не стрелял, видимо, выцеливал новую жертву — а может быть, затаился или спешно менял позицию. Больше двух выстрелов снайперу с одной точки лучше не делать, чтобы не попасть под ответный огонь, это Кузнец знал четко.

На бреющем полете лесопосадку проутюжил из автоматических пушек грозный «скай фокс». Прозевав стрелка, он теперь пытал жаждой мести.

— Сейчас начнется третья часть марлезонского балета, — обреченно сказал Москит.

С вертолета, похоже, засекли снайперскую позицию. Он пошел на боевой разворот, а солдаты сосредоточили огонь на определенном участке леса. Нервы у снайпера не выдержали, и он выстрелил в ответ.

Чем себя и выдал.

Еврокоптер разрядил вторую тридцатимиллиметровку по небольшому перелеску к северо-востоку, в километре от БТРа. Где-то там совсем недавно шла нешуточная война, в которой снайпер, похоже, не участвовал. Или вообще не имел никакого отношения к перестрелке, поджиная совсем другую цель.

Пифа с Москитом молча переглянулись. Помощник ведущего торопливо мотнул головой назад, в сторону леса, откуда они совсем недавно вышли.

Или давно? Сколько всего успело случиться за последний час! Ксанта потеряла счет времени — казалось, с того момента, как они стартовали из «О, крошки!» прошел как минимум целый день. А с момента отъезда из Киева — не меньше полутора.

— Уходим п-под шумок! — заявил Пифа. — П-потом будет п-поздно! П-поздно!

— Согласен. Все назад! — вполголоса рявкнул Москит. — Сегодня не наш день, а это — не наша война. Не повезло. Половину денег мы вам вернем, ребята. Главное, не отвечивать! Пифа, прикрывай!..

— Что значит — назад?! — психанула Ксанта. — У нас же работа!..

— А у нас голова на плечах! — отрезал проводник. — И неплохо бы, чтобы так и оставалось! Ясно? Живо назад!

Девушка в бессильной ярости ударила кулаком по влажно чавкнувшей глине. Черт! Черт! До чего же паскудно все вышло! Вон же он, Периметр, — рукой подать!..

Кузнец дернул ее за рукав. Ксанту подмывало предложить ведущему двойной тариф, но она отчетливо понимала, что это абсолютно бессмысленно. Даже если она предложит десять тарифов, вчетвером им нечего противопоставить боевому вертолету и подразделению солдат на бронетехнике. Все, игра проиграна, даже не начавшись.

Они с Кузнецом успели отползти довольно далеко, Москит пыхтел следом за ними. Пифа, прикрывавший отход, отпустил их на порядочное расстояние и начал отступать. И в этот момент леденящий душу свист ударил по ушам, прижал к земле, и по самому краю Периметра начали вырастать высокие столбы из грунта. Воздушная волна сильно толкнулась в барабанные перепонки. Защучали по одежде комья песчаника и срезанные осколками ветки.

— Минометы!!! — проорал Москит — впрочем, через мгновенно воздвигшуюся в ушах ватную стену его почти не было слышно. — Вот же хренъ такая!..

Второй залп ударил почему-то совсем близко от БТРа, перепахав импровизированные позиции миротворцев. Зачарованно оглянувшись через плечо Ксанте было хорошо видно, как падают посеченные взрывами осины и елочки подлеска. И еще ей было видно, как, лениво переворачиваясь в воздухе, вместе с прочим мусором, подброшенным в воздух мощной ударной волной, на землю плавно, словно при замедленной съемке, падает окровавленный кусок человеческого тела в голубой каске. Приблизительно верхняя треть.

Она еще успела безучастно подумать, что за такой дружественный огонь с кого-то наверняка снимут погоны. Слишком велик был творящийся вокруг ужас, чтобы ужасаться ему по-настоящему. Чувства Ксанты словно контузило этим минометным обстрелом, начисто лишив ее способности переживать и бояться. Она повернула голову в ту сторону,

откуда ей махал вскочивший на ноги Москит — по-видимому, проводник решил, что прятаться все равно уже бесполезно и разумнее отступать бегом. Однако сделать ничего не успела.

Справедливо все-таки говорят, что ту мину, которая летит прямо в тебя, ты сам не слышишь. Или, может быть, тонкого свиста стабилизаторов просто уже не в силах были уловить поврежденные барабанные перепонки. Над головой внезапно ахнуло так ослепительно, что заныли кости черепа. Многочисленные близкие разрывы слились в один, парализовав волю, раскатав ее в тонкий-претонкий блин. Мимо со шмелиным гудением пронеслись осколки, волосы на затылке шевельнулись от горячего и густого, как расплавленный сыр для фондю, воздушного потока. Ксанта изо всех сил вжималась в землю, впившись пальцами в жесткие травяные стебли. В голове металась лишь одна мысль: «Пусть уже все закончится!» Как в детстве, когда снится невероятный кошмар с чудовищами и хочется только одного: немедленно проснуться. Но у маленькой Ксанты была самая лучшая на свете защита — одеяло над головой. А от смертоносного потока горячего железа может не уберечь и бронежилет...

— Пифа? Пифа?..

Нет, это была не ее мина. Пронесло. Хотя вдарило, конечно, знатно, где-то совсем рядом. Ксанта тряхнула головой, и с волос посыпалась мелкая земляная крошка. Она ошалело подняла ресницы, уткнулась взглядом в спину Москита, упавшего на четвереньки. Казалось, проводник говорит едва слышно, хотя на самом деле он орал:

— Пифа? Пифа?!

Ксанта не сразу сообразила, в чем дело. Но похоже, небольшая воронка курилась сейчас как раз на том самом месте, где несколько мгновений назад полз помощник ведущего. Что-то прокричал Кузнец — похоже, он обращался к подруге, однако Москит тоже обернулся, среагировав на звук. Лицо у него было каменное. Ксанта спросила, не слыша собственного голоса, хотя все и так было понятно:

— Что с ним?

— Уже ничего, — безнадежно проговорил сталкер.

Она с трудом сглотнула подкативший к горлу непрошеный комок. Вот и все. Только что Пифа был жив, шутил и ругался, смешно спотыкаясь на «п» и на «б». Говорил: «Контузило недавно. Скоро п-пройдет». Получилось действительно скоро, не прошло и суток...

Подполз Денис, принял испуганно обшаривать ее в поисках ран и повреждений. Возле сдающего задом бронетранспортера с оглушительным грохотом разорвалась еще одна серия мин.

— Минометчики офорнаели совсем?! — проорал Кузнец, убедившись, что с ней все в порядке. — По своим ведь бьют! Они их уже с землей смешали!..

— Это не военные! — гаркнул в ответ Москит. — С той стороны Периметра лупят!.. — Он сорвал голос и хрюпло закашлялся. — Да хрен со всеми ними! Уходить надо!

— Посечет осколками! — яростно крикнул Денис. — Захреначат немного в сторону, и привет, приплыли!

— Ползком надо...

Переднее колесо рывками сдающего то вперед, то назад БТРа неистово полыхало. Непонятно, что могло вызвать такое яростное пламя — колесо словно облили авиационным керосином. Солярка так ярко гореть не может, да и утечка топлива скорее возникла бы на корме, где расположен двигатель. Возможно, кто-то из таинственных минометчиков из-за Периметров что-то перепутал и зарядил вместо осколочной зажигательную мину. А может, и не перепутал вовсе...

Дернувшись еще пару раз, бронетранспортер замер посреди поля. Потом боковой десантный люк откинулся, и из него ужом выскользнул человек в комбинезоне водителя-механика. Стрелок выбрался из машины с другой стороны — похоже, оставшиеся без командира члены экипажа запаниковали под минометным обстрелом и, увидев

вырывающиеся из-под днища машины густые клубы жирного черного дыма, решили, что бронетранспортер подбит. Однако им определенно лучше было оставаться под защитой брони, потому что следующая серия минометных разрывов смела стрелка с борта, превратив его в кровавый фарш. Механик еще успел сделать несколько шагов в сторону группы Москита, прежде чем минные осколки нашпиговали его, как охотничья дробь утку.

С той стороны автоматных выстрелов больше не доносилось — похоже, из десанта, высаженного бронетранспортером, в живых не осталось ни одного человека.

— Нельзя назад! — прорычал Кузнец. — Вон куда надо! — Он ткнул пальцем в сторону БТРа. — Осколки броню точно не пробьют!

— Вертолет пробьет! — Москит глянул на него дикими глазами, только что пальцем у виска не покрутил. — Съехал?! Это же отличная неподвижная мишень!

— А мы из нее сделаем движущуюся!

— Ты что же, умеешь водить эту дуру?!

Кузнец кивнул:

— Приходилось...

Москит недоверчиво мотнул головой:

— Слушай, он же горит!..

— Фигня! Похоже, внутри ничего не повреждено. Даже если колесо сгорит до обода, устойчивость смертельно не нарушится. Эти машинки специально делают для таких экстремальных ситуаций! Надежнее и проще только цинковые гробы!

Сталкер размышлял лишь пару секунд.

— Тогда давай за рычаги! — рявкнул он. — Заводи это долбаное корыто, и линяем ко всем чертям!

— Там руль...

— Да какая разница! Хоть штурвал! Давай рули к ядреной бабушке, пока нас не накрыло! И не оглядывайся — девчонку я доташу. Вперед!

Москит схватил Ксанту за плечи и резко вздернул на ноги. Она зашипела от боли — все тело превратилось в сплошной синяк.

— Ты поаккуратнее с ней! — обернулся Кузнец. — Может, контузило...

— Да беги же, мать твою!!! За руль! Шевели ластами! Холодный свист очередного залпа оборвал разговор.

Медлить дальше было опасно. Кузнец прорычал что-то и бросился к осиротевшему БТРу.

— Спокойная ночь! Легкая дорога! — орал он на бегу. — Да чтоб я сдох!

Глава 6

В городе царил беспорядок, больше похожий на тихую панику перед отступлением. По улицам метались штабные машины с натовскими звездами во весь капот, патрули на каждом перекрестке потрошили немногочисленные гражданские легковушки. Еще вечером все было спокойно. А сейчас... По дороге к бару «Шти» у Скай трижды проверили документы, тщательно изучили разрешение на пребывание в «тридцатке». Хорошо не взялись обыскивать. Если бы нашли контейнер, то гм... Попробуй объясни, откуда такое спецснаряжение у вынужденного переселенца, подрабатывающего подсобным рабочим на электроподстанции.

После выхода из-за Периметра Скай сутки отлеживался на рабочем месте, где хитроумный барыга по кличке Монтер устроил что-то вроде пансионата с восстановительной терапией. Раньше Монтер, говорят, ударно трудился в Харьковоблэнерго, потом плюнул на это малоприбыльное дело и правдами и неправдами пробился в Чернобыль-4, где спецы по городским коммуникациям ценились на вес золота. Городская распределительная подстанция питалась от линий, идущих из Зоны, и никто не мог уследить за дикими скачками напряжения, когда случался очередной выброс.

Впрочем, перебои с энергоснабжением в такие критические моменты являлись не самой большой проблемой, случались вещи куда более серьезные — не зря прежние начальники порой в панике уезжали со станции после очередного выброса, не в силах больше заниматься этой нервной работой. Когда провода светятся призрачным огнем, а чашки изоляторов начинают дышать, как живые, и капать на землю жидким фаянсом, когда обмотка трансформаторов течет, словно ртуть, а электролит превращается в песок или гипс, рассудок жалобно просится в отпуск. По слухам, один седой и заслуженный мастер уехал отсюда прямиком в желтый дом, приговаривая: «Хорошо-то как! Лампочки везде улыбаются...»

Монтер стабилизировал работу РЭП, стал в городке человеком незаменимым, и комендатура закрывала глаза на его мелкие шалости. Он не брезговал мелкой скучкой артефактов, но в основном зарабатывал предоставлением местным бродягам рабочих и спальных мест. Многие сталкеры числились по бумагам работниками подстанции, и даже солидные кланы, если осведомители не врут, выкупили с десяток позиций ее штатного расписания. Многочисленный «персонал» РЭП кроме всего прочего имел право «в аварийных и потенциально опасных ситуациях» ночевать на территории станции. Чтобы, значит, в считанные минуты оказаться на рабочем месте в случае объявления аврала.

Конечно, электроподстанция не пятизвездочный отель, но что еще нужно вымотанному Зоной бродяге? За Периметром мечтаешь о трех вещах: отоспаться сутки-другие, вывести из организма лишние радионуклиды да смыть с себя горячую пыль. И сколько бы ни разрывался приватами личный ПДА, ни один сталкер не пойдет к заказчику или скupщику сразу после выхода из Зоны. Разве что совсем новичок или обвешанный долгами бедолага. Это несолидно.

Барыги знали этот неписаный закон, пытались с ним бороться, но без особого успеха. Вот и сейчас Скай насчитал с утра уже пять сообщений, в конце которых с каждым разом вдвое увеличивалось количество восклицательных знаков. Бубна, конечно, мужик серьезный, хоть и нетерпеливый, вряд ли стоит раздражать его по пустякам, но на крайний случай всегда можно сослаться на патрули. Выжидал, мол, когда станет спокойней.

А что у них тут вообще происходит, спрашивается? И как это связано с исчезновением Мута? То, что связано непременно, это даже к бабке не ходи. Не бывает таких поразительных совпадений — по крайней мере, не вокруг Зоны.

В баре «Шти», несмотря на ранний час, оказалось неожиданно многолюдно. Клан Бубны был не слишком многочисленным, но зато мог похвастать целой когортой опытных ветеранов. Кого попало, как в «Долг» или «Свободу», сюда не брали, только по личной рекомендации. Как минимум половине из них сейчас, между прочим, следовало топтать Зону, таскать Бубне хабар или, на крайний случай, отыхать после удачной ходки. Если вся гоп-компания сидит под крышей и мрачно наливается пивом, это означает только одно: Хемуль прав и за Периметр в ближайшее время действительно лучше не соваться.

Кстати, вот и он сам, легок на помине. Сидит мрачный, ни на кого не смотрит, возит по стойке солидный стакан прозрачного. Этот кабан на стопки не разменивается, берет сразу порцию размером в полбутылки, но цедит ее долго, маленькими глоточками, словно клубный коктейль. Воспитание, бляха.

— Поздорову, бродяга! Вот и опять свиделись. Обмываешь хабар или топишь проблемы?

Хемуль простуженно кашлянул, мотнул головой. Понимай как нравится.

— Салажата твои где? — продолжал играть рубаху-парня Скай — вдруг еще каких интересных новостей обломится на халяву. — Глотки залили, теперь штаны сушат?

— Двое сушат, — скривился Хемуль. — Третьему уже все равно.

Скай помахал бармену двумя пальцами — две порции сюда — и присел рядом.

— Что случилось-то?

— Рентген отрыгнулся, — нехотя пояснил Хемуль. — Пару сотен метров до Периметра не дошел. А я думал, без потерь доведу долбоносиков. Так нет, хрена! Залегли в сумерках,

чтобы ближе к ночи через Периметр прорываться. Пришлось в обход двигать — там, где ты отсоветовал, и правда гнилое дело вышло: какой-то дятел за собой стаю собак привел, там их всех военсталаы и покрошили из пулеметов. А когда время подошло, я уже пасть раскрыл, чтобы скомандовать на старт, а Рентген как гаркнет: носорог! Видите?! Красный носорог! Я дернулся, думал, он и правда какого кабана рыжего увидал. А когда снова к нему повернулся, он уже не дышит, а из глаз кровь струится, что твое масло из разбитого радиатора. Говорил я уроду — не переходить через рельсы, так нет, не послушался. Полез, куда не надо, поперед батьки...

Бармен придинул по стойке заказ Ская. Раньше здесь рулил другой персонаж — бритоголовый и наглый прибалт, которого все звали Джо, но с ним во время памятного Большого Прорыва случилось что-то нехорошее, и теперь в «Штях» протирал стаканы совсем молодой паренек: тихий, услужливый, молчаливый и рыжий, словно чистокровный кельт. Насмотрелся на крутой нрав местных завсегдатаев, да и о судьбе предшественника не забывал, похоже. Шушукались, что как раз Хемуль того предшественника и уделал — слишком уж тот прислонялся к девушке ветерана, местной стриптизерше, а терпелка у старины Хемуля всегда была короткая, как запал у оборонительной гранаты.

— Не переживай, брат, — сказал Скай и подвинул стакан ближе к собеседнику. — Ты-то при чем тут?

— Я-то ни при чем, а все равно неприятно. — Хемуль сделал смачный глоток, крякнул, но занюхивать не стал. Деловито вылил угощение Ская в свой наполовину опустевший стакан. — Никогда я этой железке чертовой не доверял, — сказал он в пространство. — Поганое место...

— Что у вас тут за шухер-то? — Меньше всего на свете Скаю сейчас хотелось выслушивать жалостливые истории. Набравшись, суровый бродяга Хемуль мог с равной вероятностью стать агрессивным или сентиментальным. И неизвестно, что было хуже. — Как с лежки выбрался — ни минуты покоя. Солдатня раз двадцать домогалась: «Аусвайс, битте! Уроды.

— Да хрен поймешь... — поморщился Хемуль. — Кто-то упорно дергает бедолагу Морта за яйца. До комиссии еще жить и жить, а в городе уже Багдад напополам с Рио-де-Жанейро. Сначала какие-то дуболовы возле «О, крошки!» остановили во время комендантского часа армейскую облаву. Военные, как водится, от таких раскладов немного разозлились, принялись стрелять во все, что шевелится, неизбежно нашлись желающие пострелять в ответ... Лупить твою козу! Под утро комендант закрыл город, снял с Периметра усиление, и тогда настали окончательные кранты, потому что в Зоне открылись конкретные военные действия. Говорят, какие-то бродяги положили из минометов целое подразделение и даже захватили броню. Может, и брешут. Че пишет, вертушки до сих пор болтаются в том секторе, что твои розы в унитазе. А в результате мы тут пьем, вместо того чтобы делом заниматься.

— То-то вояки такие напряженные сегодня. Похоже на то, что кому-то очень надо разозлить Мортенсена.

— Или отвлечь, — сказал Хемуль и снова уткнулся в стакан.

— Отвлечь? — задумчиво протянул Скай. — От чего?

— От чего-то не столь громкого, но гораздо более интересного... — Хемуль замолчал.

— А у кого бы это в Зоне могли быть минометы, если не у военсталаов? — поинтересовался Скай, не дождавшись продолжения. — Как думаешь? «Монолит»?

— Или «Последний рубеж», — задумчиво проговорил Хемуль.

— Эй! — крикнул от входа один из охранников, Храп. — Как там тебя... Скай! Бубна зовет!

— Ладно, бродяга, — сказал Скай, поднимаясь. — Увидимся еще.

У спуска в подвал его еще раз обыскали. Оружия снова не обнаружили, однако заблокировали ПДА. Скай не стал возмущаться — дохлый номер. У Бубны все строго, не забалуешь. Ничего, работа разовая, можно и потерпеть. А потом они опять разбегутся: Скай

в одну сторону, клан в другую — до следующей разовой работы, которая может подвернуться еще черт знает когда.

Жесткие порядки в «Штях» сохранились еще с тех времен, когда киевский криминалитет, почувствав аромат хороших денег, доносящийся из-за Периметра, решил, что Христос велел делиться. Местных торговцев пытались серьезно прессовать, что, конечно, не доставило фигурантам процесса никакого удовольствия. У чернобыльских бизнесменов уже тогда за плечами имелось по десятку-другому вооруженных сталкеров, которые постоянно играли со смертью и привыкли смотреть ей в глаза, не опуская взгляда. Привычные бандитские методы дали сбой, между Киевом и Припятью полыхнуло несколько криминальных войн, по итогам которых братве все-таки пришлось отступить перед отмороженными сталкерами-беспредельщиками. Кто поумнее — сменил методы, обзавелся связями и сам вошел на паях в местный бизнес, а остальных вымели вон поганой метлой.

Некоторые из столичных воротил попытались создать собственные кланы, расплодив у Периметра банды наемников и мародеров. Вольные бродяги их презирали. Одиночки предпочитали с бандюками не связываться, а вот клановые бойцы на случай встречи с трупоедами всегда имели в запасе пару-тройку запасных магазинов. Когда воровские кланы начинали слишком зарываться, им объявляли тотальную войну на уничтожение.

Парни у Бубны подобрались горячие, не дураки подраться, и далеко не каждый, кому доводилось столкнуться с ними на узкой тропинке за Периметром, мог быть абсолютно уверен, что переживет эту встречу. Вендетта среди кланов была в почете. Из-за чего парней безногого торговца радушно встречали теперь далеко не везде. Так что если вдруг позарез нужно было копнуть на чужой территории, Бубне иногда приходилось нанимать людей со стороны.

— Поздорову, бродяга! — торговец, разумеется, не поднялся навстречу гостю, лишь обозначил движение. Инвалидное кресло скрипнуло и покачнулось. — Опаздываешь, однако. Что у вас за манера пошла: вылез из Зоны и спрятался, с собаками не отыщешь!

— Это у твоих мальчиков надо спросить, почему в городе кавардак и архангелы на каждом углу, — заметил Скай. — Полдня не мог до тебя добраться, пришлось переждать. Опять воевали не по делу?

— Кто там воевал и по какому поводу, тебя не касается, — Бубна погрозил пальцем. — Давай-ка лучше к делу, сынок. Маршрут провесил? Чисто?

— Вроде да.

Торговец побагровел. Когда он сердился, это всегда отражалось на его лице — кожа начинала краснеть от шеи и подбородка вверх, к мясистым щекам и сломанному носу. Обычно-то он пытался играть спокойного и рассудительного дона Корлеоне, но всегда заводился с пол-оборота.

— Что значит — вроде? Я тебе за «вроде» плачу или за «точно»?!

В приоткрытую дверь, встревоженный мощью хозяйствского голоса, сунулся кто-то из охранников. Увидел, что все нормально — выносить тело пока не требуется, — и убрался обратно.

— Вот ты вечно на слове ловишь, как тот опер, — спокойно сказал Скай. — Я имел в виду, что маршрут готов, а чист он или нет — это не мне решать. Ты ведь сразу два вопроса задал.

— А ты задрал уже загадками говорить! Начал — договаривай!

— Маршрут заказали еще раз.

Брови Бубны поползли вверх. Он задумчиво потер переносицу.

— Правильный маршрут, стало быть... Популярный. Кто?

Скай изобразил пальцами прямоугольник, потом как будто взвесил его в руке — тяжелый, мол, камушек, плотный. Монолитный такой.

— Вот даже как... — протянул Бубна. — Спасибо за информацию, бродяга. Я в долг не останусь, отплачу хабаром.

— Хабар мне ни к чему, я его за Периметром бесплатно беру. Мне бы деньгами...

Выкладывая деньги, хозяин бара «Шти» угрюмо супил брови. С обиженным кряхтением подвинул пачку гостю.

— Что, жаба давит? — серьезно спросил Скай.

Бубна все-таки вышел из себя. В сердцах хлопнул зеленой пачкой по крышке стола:

— Рот свой поганый закрой, балабол! При чем тут твои копейки?! У меня доходы падают, научнички наглеют, интендант каждый месяц поднимает цены на снаряжение, а теперь еще и на перспективном маршруте всякая шваль топчеться! Того и гляди разорят старика, уроды...

— Прямо уж и старика. Ты многих пережил и нас всех еще переживешь...

— Переживешь вас, как же... — проворчал Бубна. — Видал вон, сколько в баре дармоедов? Сидят и хлещут мое пиво вместо того, чтобы работать! Поганец Морт, геморрой ему в прямую кишку, всем устроил внеплановые выходные...

Скай спрятал деньги и вздохнул. Как-то ненатурально причитал торговец, не по-настоящему. Да и не откровенничал он раньше никогда с посторонними по поводу неважных дел в клане. Как бы ни обстояли дела — строил морду кирпичом: клан процветает и последовательно давит конкурентов. Конец интервью. Сейчас же он словно играл на публику. Да только нет ведь больше в подвале никого, кроме них двоих. Или есть?

— А то вот еще слушок разбежался — приходила к коменданту девица, — продолжал Бубна. — Из ученой братии вроде.

— Девица? — переспросил Скай без особого интереса.

— Ну да. Какой-то институт с названием длиннее, чем собачий хрен, якобы послал ее в Зону. Очень надо было ей за Периметр, просила у Морта вертушек, сопровождения и еще кучу всего. Не за спасибо, само собой, институт у нее не бедный...

— Да? И что наш полкан?

— Ушел в глухой отказ. Хрен по всей морде, типа, а не сопровождение. А она довела его до истерики, после чего поперлась прямиком в «О, крошку!» искать проводника. Деньги-то у нее есть, и немалые, судя по всему. И поутру, когда развеялся дым от ночной перестрелки, ее с напарником в городе уже не было.

— Забавно, — сказал Скай, всем своим видом демонстрируя, что поддерживает беседу только из вежливости. — И кто согласился ее вести?

— Москит с Пифой.

— Ха. Погоди-ка... Че утром сбросил на ПДА, что Пифа погиб под минометным обстрелом.

— То-то и оно! Понял теперь, отчего архангелы переполошились? Не вовремя дамочке понадобилось через Периметр, очень не вовремя. Может, военные ее и вытащат, не знаю. Она вроде кое с кем знакома, говорят, на местной биостанции засветилась...

Бубна как раз отвернулся к сейфу, восстанавливая код, и не заметил, как блеснул в глазах собеседника огонек интереса.

— Ладно, тренер, пустые разговоры, — медленно проговорил Скай. — Карта с метками лежит в схроне, как договаривались. Код обычный, да и заминировано не так чтобы очень серьезно. Твои бойцы разберутся, не маленькие.

Скай пожал хозяину руку, дождался, пока тот кликнет охрану, и в сопровождении Храпа вышел из подвала. Пока очередной вышибала по кличке Гоблин конвоировал гостя к лестнице, из-за спины доносился сочный бас. Бубна распекал кого-то, называя сукиным сыном, помешанным на хабаре и деньгах, которого кроме прибыли и собственной шкуры ничего больше не интересует. Интересно, о ком это он?

И снова Скай подумал, не разыгрывается ли тут спектакль одного актера для одного зрителя? Не выдал ли он себя, когда поспешно свернул разговор и заторопился на выход? В беседе с солидными людьми полезно тянуть до последнего, чтобы появилась возможность выжать из разговора еще пару капель информации. А тут — как услышал про Леженду, сразу подорвался, будто ужаленный...

Да и с чего это вдруг Бубна про нее заговорил? Вряд ли просто так, мужик он ушлый,

давно уже ничего бесплатно не делает. А всякая информация вокруг Зоны денег стоит, особенно такая. Стало быть, не все так просто: знает, собака, откуда-то, что между Скаем и Мутом есть кое-какие должки неоплаченные, и хочет это дело как-то использовать к своему интересу.

И какой же, спрашивается, у Бубны в этом деле интерес? Не его ли мальчики вчера шумели в городе, пока неопытная девчонка с наспех набранными проводниками лезла через Периметр? Прикрывали их прорыв или, наоборот, пытались запереть в городке? Ох, как нехорошо все сплелось-то, не полезно для здоровья!

Но девочку непременно надо достать, пока самоуверенный болван Москит не угробил ее прямо посреди Свалки. Кланы явно разыгрывают ее втемную. А она, между прочим, очень полезная карта, почти козырная — Оксана Леженда.

То, что это именно она, Скай знал почти наверняка. Кому еще быть — бешеной Динке, подруге Хемуля, которая снова ринулась в Зону разыскивать отца? А главное, Скай уже ждал ее появления — с того самого момента, как узнал об исчезновении Мута.

Знакомый поставщик снаряжения из натовских интендантов поначалу обрадовался Скаю как родному. Видно, и не надеялся уже, что кто-то принесет ему выгоду в эти беспокойные дни. Но, когда понял по заказанному барахлу, куда и на какой срок собирается за Периметр выгодный клиент, — затосковал. И принял осторожно отговаривать. Комиссию вспомнил, недавний громкий прорыв, будь он неладен, и больную печень полковника Мортенсена, от которой тот становился желчным и донельзя раздражительным.

— Не волнуйся, — сказал Скай. — Если на моем трупе найдут вещи с твоего склада, скажешь, что укравли.

Конечно, когда все в один голос твердят, что в Зону пока соваться не следует, лучше действительно посидеть дома, почистить крепким алкоголем мозги и щитовидку. Но только не теперь. Пока есть шанс догнать девчонку, надо его использовать. Вряд ли она прямо в лоб сказала Москиту, зачем ей нужно за Периметр, скорее всего, он пока, ничего не подозревая, ведет ее к биостанции. Оставшись без напарника, ведет медленно и осторожно, да и сама Оксана едва ли умеет ходить по Зоне, хоть и провела там несколько месяцев. Но туда и обратно ее доставляли на вертолете. Она скоро выбьется из сил, и группе придется делать привал. В общем, есть реальный шанс перехватить их на границе Свалки и Диких земель. Прямой путь на север отрезан аномальными полями, сдвинувшимися после выброса на прошлой неделе, Скаю самому не далее как сегодня пришлось долго блуждать, прежде чем он наконец выбрался к Периметру. До окрестностей завода «Росток», где располагается законсервированная биостанция, они вряд ли доберутся засветло.

Осенью темнеет быстро. К тому же северный ветер нагнал черных плаксивых туч, и вскоре Чернобыль-4 погрузился в плотные, почти осязаемые пасмурные сумерки. Вдоль улиц светили прожекторами патрульные джипы, кое-где горели немногочисленные окна, но во дворах и на пустырях царила угрожающая полутьма. Отличное время — до комендантского часа еще долго, как раз хватит, чтобы без особых проблем выбраться из города. А если вдруг задержат, в кармане лежит удостоверение работника электроподстанции: «Иду вдоль ЛЭП, ищу обрывы, вам ведь нужен свет в казарме, сержант?»

Так себе отмазка, конечно — до первого старослужащего с мозгами. Тот сразу заинтересуется: почему одежонка неподходящая, и погодные условия не слишком удобные для контроля линии, что можно разглядеть в сумерках, да и ствол за плечами в образ не вписывается. Зачем вам автомат, электрик? По воронам стрелять?

Но пока все было спокойно. Старая ЛЭП действительно уходит в Зону, правда, в том месте, где она пересекает Периметр, не пойдет на прорыв и самоубийца — спецэффекты вокруг нее такие, что слона зажарят на месте. Шаровые молнии здесь бывают с арбуз величиной, а земля напичкана электричеством, как хачапури сыром. Но по просеке можно выйти из перекрытого городка, а дальше будем поглядеть.

Западный сектор по мандату ООН контролирует «старое НАТО»: голландцы, немцы, скандинавы. При объявлении карантина эти без предупреждения лупят крупнокалиберными, что на входе, что на выходе, их основная задача — сохранить в целости драгоценный личный состав. Дикие люди, жертвы телевизора: боятся сталкеров — переносчиков радиации, заразы, прочих ужасов вроде легендарного дьявола-хранителя. Зато эти голубые каски приятно предсказуемы. Маршруты и время патрулей меняются хорошо если раз в месяц. Да и то через три-четыре часа каждый сталкер узнает обо всех изменениях вплоть до мельчайших подробностей, спасибо Че.

На севере, где несут службу братья-славяне — русские, белорусы, сербы, — тоже не сахар, но пройти легче. Тяжелого вооружения у них не так чтобы много, перемещаются в основном на старой броне. Вместо того чтобы перепахать подозрительный район из минометов или с вертушкой, пойдут проверять сами. И если случайно наткнутся на проспиртованного бродягу в списанном брезенте химзащиты, скорее всего посмотрят сквозь пальцы: топай, мол, мимо, хохлятский бедолага, мы тебя не видели. Понимают, что люди не от хорошей жизни лезут за Периметр. Семью надо кормить, детей, у кого они есть, лекарства покупать. Зато организованную группу или чужого сразу расстреляют из пулеметов. Наёмников не любят, потому что половина из своих же, дезертиры. Могут, конечно, и перепутать честного бродягу с шакалом, на лбу ведь ни у кого не написано. Прости, земляк, случайно получилось. Или просто от скуки открыть стрельбу, или удалъ молодецкую показать. Славяне — народ душевный, конечно, но крайне непредсказуемый.

А вот на юг лучше вообще не соваться. Там самый поганый контингент: иракцы, боливийцы, египтяне. Эти приехали зарабатывать, получается, те же наёмники, только по другую сторону колючки. И действуют, как бандиты: каждого встречного в расход, хабар — себе. Одно время так увлеклись, что пришлось за ними даже для контроля второй кордон ставить, из нового НАТО, прибалтов да молдаван.

Местная пресса, помнится, окрестила их тогда заградотрядами. Обиделись. Пришлось извиняться на правительственном уровне.

Где-то недалеко застучал разболтанный движок. Поработавший еще в Ираке патрульный «хаммер» или редкий русский «Ирбис» осторожно выбирался на просеку ЛЭП.

«Приметили датчиками движения и решили проверить, — сообразил Скай. — Мортенсен, старый хрен, язви его больную печень, уже и тут успел электроники наставить! Знает старик свое дело, как к нему ни относись».

Скай прибавил шагу, стараясь держаться у самого края зарослей, что тянулись вдоль давно не чищенной линии. Чем ближе к Периметру, тем сильнее будет становиться электромагнитное поле, там уж никакие датчики не помогут. А патруль при такой видимости на рожон не ползет — мало ли что противотанковое может прилететь в ответ.

Словно в ответ на его мысли просеку разрезал узкий луч прожектора. Машину тряслось на корнях и кочках, световой столб плясал из стороны в сторону, время от времени утыкаясь в небо. Солдаты быстро сообразили, что такая иллюминация вряд ли поможет что-либо разглядеть — последовала короткая команда, и прожектор погас.

Теперь дело было за тепловизорами. На Периметре их применяли редко — вакханалия излучений делает бесполезной любую инфракрасную игрушку, а вот городские патрули вполне могли иметь такой по случаю чрезвычайных обстоятельств. Ну-ну. Включайте, ребята. Вас ждут незабываемые сюрпризы.

Джип не отставал. Он тащился следом за Скаем, практически не приближаясь, так как скорость его вряд ли превышала скорость пешехода. Но и возвращаться не собирался. Может, кому-то в штабе пришла в голову гениальная мысль прочесать подозрительную просеку до конца, может, действительно пришел сигнал с датчиков, но, так или иначе, машина пыталась выследить цель — будто старая, потерявшая нюх гончая, которая никак не может поверить, что ее лучшие годы давно позади.

Лезть через Периметр с таким эскортом было по меньшей мере неразумно. Зажмут в клещи и повяжут в пять секунд. Скай мысленно перебирал в уме возможные варианты.

Уходить глубоко в лес и отрываться — нет времени, и так пришлось дожидаться темноты, а Москит на месте не стоит, уводит свою группу все дальше и дальше. Соорудить наспех какой-нибудь взрывчатый, но не опасный сюрприз — тоже не вариант. Миротворцы после вчерашнего нервные, могут принять за нападение, вызовут подмогу... Тут самое веселье и начнется.

Есть, конечно, еще один способ. Только очень уж стремный, на самый крайний случай. Но реальный. Куда патруль не пойдет точно? На Чертов Могильник. Да и стрелять побоятся: вдруг да промахнутся? Пуля рикошетом заденет, разбудит кого не надо — мало не покажется никому.

Одно время, говорят, поседевших и обделавшихся солдат из этого сектора вывозили целыми автобусами. Некоторые до сих пор загорают в отдельных апартаментах с мягкими стенами — мозги вышибло начисто. Потом натовское начальство одумалось: увшело Периметр датчиками, поставили на дежурство две эскадрильи беспилотников, нашпиговали полосу огнеметными фугасами. А в двух километрах от Периметра на всякий пожарный случай дежурят снайперы и минометчики. Сталкерская мольва утверждает, что в оптику на Чертов Могильник они стараются не смотреть. Особенно когда темнеет.

Вот и проверим, так ли это. Скай свернулся с просеки ЛЭП и двинулся через болотистый подлесок прямиком к точке, отмеченной на карте большой черной кляксой.

Глава 7

Словно сквозь вату Ксанта слышала, как Кузнец впереди что-то орет на бегу. Что-то про спокойную ночь и легкую дорогу. Наверное, ругает несбывшееся гадание.

Девушке было все равно. Ее подташнивало, в голове у нее гудело, все тело болело, словно его совсем недавно прокатывали гигантской скалкой. Она послушно бежит, прыгает, падает, куда ей скажут. Ее тянут за руку, тащат, вталкивают куда-то, словно куль с картошкой.

Никогда еще за всю ее жизнь время не неслось с такой скоростью, а страшные и трагические события не валились на нее как из мешка, все сразу, будто соревнуясь, кто быстрее настигнет и ударит по маленькой группе самодеятельных спасателей.

Еще днем они с Денисом ждали в ««О, крошка!» ответа от Циклопа, и Ксанта в душе посмеивалась над своей наивностью и дурацкой жертвенностью. Потом она гадала на рунах, пытаясь отвлечься от тоскливого предчувствия, а потом — всего три часа назад! — пыталась уснуть под аккомпанемент патрульной скороговорки.

И вдруг окружающая действительность прыгнула вперед и рванула со скоростью гоночного болида: перестрелка, бегство, погоня, сырой утренний лес, жуткий минометный обстрел и разорванные в клочья натовцы. Все посыпалось сразу, как из черного рога изобилия, принадлежащего злому богу.

А потом погиб симпатяга Пифа. Буднично погиб, за долю секунды, так что никто вначале даже не успел ничего понять. Но самое страшное, что, когда мужчины осознали его гибель, ровным счетом ничего не изменилось. Ну, может, они испугались за свою жизнь чуть больше, чем вначале. Москит тащил Ксанту к бронетранспортеру, а где-то за спиной, разбросанное по влажной грязи, лежало то немногое, что осталось от его напарника. Теперь уже не узнать толком, какой он был в мирной жизни — застенчивый или, наоборот, болтун, балагур и весельчак. И никогда больше он, немного заикаясь (контузило недавно, скоро пройдет), не разъяснит самоуверенному Кузнецу, что почем в смертельно опасной Зоне.

Ксанта слышала, как хрипло, с присвистом дышит впереди Денис, забираясь в бронетранспортер. Когда они с Москитом добрались до скошенного металлического борта армейской машины, девушка неловко оглянулась, но проводник, не церемонясь, приподнял ее под мышки и пропихнул в узкий люк десантного отсека. Она полетела головой вперед, сильно натыкаясь на какие-то грубые, армейского вида ящики и прикрученные к потолку непонятные приборы, и наверное разбила бы нос, если бы Кузнец не подхватил ее с той

стороны и не опустил на пол. Все-таки она чувствительно приложилась плечом о жесткий край сиденья и зашипела от боли. Самодельная заплатка на спинке сиденья ощутимо царапнула кожу на щеке.

Поймав подругу, Денис, не теряя ни секунды, полез вперед, на место водителя-механика. Ксанта вздрогнула, увидев развалившуюся на сиденье рядом с Кузнецом фигуру военного, но потом сообразила, что это труп командира БТРа, упавший внутрь машины. Под креслом натекло уже достаточно темной жидкости, которая нашла себе дорожку и теперь понемногу просачивалась в десантное отделение.

Москит нырнул в боковой люк ногами вперед, извернулся и с натугой потянул на себя крышку. Крикнул с истерикой в голосе:

— Кузнец, твою мать! Ты где?! Сваливаем!

— На месте, — уверенно ответил Кузнец. — Не боись, уже едем. — Он сидел в водительском кресле, возился, что-то переключал, уговаривал и ругался: — Давай, хорошая моя... послушная... Давай же, рухлядь долбаная!

К счастью, водитель-механик покидал свой пост с такой поспешностью, что не заглушил двигатель. БТР с натугой взревел, стрельнул выхлопом — как показалось Ксанте, прямо у нее над ухом — и дернулся вперед.

Тут же справа звонко клацнуло. Потом еще раз, чуть глупше — словно кто-то бросал железные шарики в гулкую пустоту большого медного котелка. Москит лез по проходу вперед — бронетранспортер шатало из стороны в сторону, проводник то и дело наталкивался на углы и выступающие части, матерился, иногда пятился, но упрямо продолжал двигаться, пока очередной рывок не швырнул его прямо на мертвца в командирском кресле. Сталкер бесцеремонно стащил труп с сиденья, занял его место, притянул к себе какую-то железную коробку с ручками, прильнул к ней, крутил раз-другой какой-то верньер и неожиданно ухмыльнулся:

— Поздно опомнились, ребятишки! Теперь нас уже не достать!

Снаружи бухнуло, по броне простучала неровная барабанная дробь. И только теперь Ксанта поняла, что их снова обстреливают — то ли вертолет, то ли другой БТР, а коробка перед Москитом — перископ.

— Хочешь посмотреть? — с ухмылкой спросил он.

Она потрясла головой, не отрывая взгляда от лежащего в проходе трупа с кровавым месивом вместо лица. Проводник пожал плечами и снова принялся вертеть ручки прибора наружного наблюдения.

Железо вокруг звенело почти без пауз, двигатель надрывался на полных оборотах, что-то перекатывалось и грохотало под ногами. Шум стоял оглушительный, Ксанта даже попыталась зажать уши руками. Тут же новый прыжок БТРа сбросил ее с сиденья, чуть не приложив виском об край большого деревянного ящика. Она с трудом забралась обратно и ухватилась обеими руками за какую-то скобу над головой.

— Объезжай! — закричал впереди Москит. — Там шипы между рядами колючки!

— Да к черту! Прорвемся! Вертушки сзади, видишь? — Кузнец азартно крутил руль, поглядывая в перископический смотровой прибор ТНПО-115. — Уделают нас на открытом месте ракетами!

— Колеса проколем на хрен!

— Одно-два — не страшно. Подкачка есть на крайняк.

Москит снова прильнул к перископу. Переднее колесо продолжало дымно чадить, мешая обзору.

— Две вертушки! «Миль» и «скай фокс» опять! Сладкая парочка!

— Соскучились!

Давно уже Ксанта не видела Дениса таким веселым.

Неуклюжий и громоздкий, как слепой носорог, БТР вломился в ровные ряды колючей проволоки. Подмял под себя, намотал на передние колеса, вырвал из земли несколько ближайших кольев и потащил за собой. Спираль Бруно жалобно звякнула под многотонной

массой, вытянулась в нить... и тут что-то хрустнуло с правого борта рвущегося вперед стального монстра.

Бронетранспортер резко дернулся, нос машины повело в сторону. Сквозь грохот, лязг и звонкие «клац! клац!» пробился новый звук. Сначала послышалось яростное змеиное шипение, словно одно из правых колес с правой стороны раздавило клубок ядовитых рептилий, потом режущий уши свист.

Ксанта испуганно вскрикнула.

— Мина!!! — отчаянно заорал Москит.

— Тихо! — рявкнул на них Денис. — Тихо, вашу мать! Не мина. Колесо пропороли...

Аварийные резервуары с противным шипением стравили в пробитый баллон сжатый воздух. БТР выровнялся и ходко рванул дальше, оставив позади перепаханную полосу препятствий.

— Ну вот, — сказал Кузнец. — А я что говорил? Эта лапочка и с половиной колес доедет куда надо. Кстати, куда нам надо?

Москит ткнул пальцем в грязный триплекс смотрового прибора:

— Вон к тому лесу. Будет где от вертушек спрятаться.

— Жаль, дымовых гранат нет. Мы бы сейчас так замаскировались, никакое НАТО не нашло бы...

Огромная железная палка вдруг ударила по днищу БТРа, и огромный металлический гроб загудел, словно колокол. Москит инстинктивно отшатнулся от окуляров, и в тот же миг по броне шваркнули осколки. Бронетранспортер едва заметно покачнулся, но скорости не снизил. Внутри тяжелой машины ударная волна не была такой страшной, как снаружи, беглецов лишь тряхнуло как следует.

— А вот теперь мина, — сказал Кузнец. — Противопехотная. Держитесь, пойдем рывками, чтобы по нам не пристрелялись. — Он дернул руль, БТР со скрипом накренился, забуксовал: пробитое колесо все же немного мешало маневрировать. — Где вертолеты?

Перископ загудел, Москит накручивал верньеры, словно ручную мясорубку.

— Расходятся. Еще полминуты, и зайдут на боевой заход.

— Попробуем проскочить.

Ракетный удар Ксанта за воем двигателя и рычанием Москита даже не услышала — пилот боевого вертолета промахнулся серьезно, и если бы не восклицание Кузнеца, она бы так и не поняла, что по ним продолжают стрелять.

— Опять мимо! Мазилы.

— Подожди, сейчас упреждение возьмет, — проворчал Москит. — Мало не покажется...

Разведчик «Миль» нарезал круги над дальним перелеском, выщеливая позицию загадочных минометчиков. А еврокоптер догонял БТР, заходя в корму.

Москит следил за вертолетами, не отрываясь.

— Пушками работать начал, — сообщил он. — У «скай фокса» тридцатка.

— Знаю! — зло бросил Кузнец.

— Нам за глаза хватит.

— Знаю! Не отвлекай!

Бронетранспортер, припадая на пробитое колесо, мотался вправо-влево, послушный движениям руля. Денис пытался сбить летчикам прицел: скорость вертушки намного превосходит скорость БТРа, и если первая очередь в упор не достигнет, «скай фоксу» придется отворачивать от близкого уже леса и заходить на новый разворот. А это еще пара минут выигранного времени. Есть вероятность, конечно, что вертолет применит ракеты — но тогда вообще остается только молиться.

Скорострелка под носом еврокоптера зашлась в огненном танце. Вдоль левого борта по земле потянулись фонтанчики разрывов. Кузнец резко бросил машину в другую сторону.

— Сейчас, сейчас! — приговаривал он. — Сейчас... близко уже...

В реве бронетранспортера далекий грохот пушечных очередей совершенно потерялся,

но другой звук Ксанта услышала отчетливо — оглушительный хруст и треск. В десяти сантиметрах от нее, прямо за броней, ломались подмятые БТРом деревья.

Денис радостно заорал:

— Ушел на второй круг!

Москит проводил перископом «скай фокс», потом снова развернул его по ходу движения и чуть не уперся лбом в триплекс. Глаза его расширились.

— Стой! — неожиданно рявкнул он. — Тормози! Бери влево! Влево!..

— Что случи... — начал Кузнец.

Тяжеленная машина внезапно остановилась, будто наткнулась на невидимое препятствие. Москита бросило вперед, Денис чувствительно приложился грудью о баранку и выругался. Только Ксанта удержалась на месте — она все еще цеплялась за шершавую скобу. Голова отказывалась соображать, и холодная железяка казалась ей сейчас единственной спасительной соломинкой.

Угловатый нос БТРа дернулся и вдруг ощутимо пошел вниз, словно кто-то невидимый и очень сильный потянул его к себе из-под земли. Броню начало плющить, как жестянную банку. Металлические листы медленно сминались, нос машины опускался все сильнее, одновременно начав крениться влево. Двигатель продолжал натужно реветь, колеса проскальзывали во влажной глине, но бронетранспортер стоял на месте, как приkleенный. Заскрипели задние оси — параллельно опускающемуся носу начала медленно задираться кургузая корма. Ящики и цинки с патронами на полу десантного отделения поползли к водительскому креслу.

— Какого хрена! — Кузнец судорожно возился с управлением, но страшная неудержимая сила продолжала тянуть бронетранспортер к земле. Машина больше не подчинялась водителю.

— Плешь! — Москит выскочил из командирского кресла, заскользил на наклонном полу, хватаясь за люк над головой. — Гравиконцентрат! Все наружу, быстро!

Москит выбрался через кабину, а Денис, оскальзываясь и хватаясь за сиденья, полез на корму — выручать Ксанту. Она, впрочем, уже сообразила, в чем дело, и рывком распахнула десантный люк. Кузнец выбросил наружу автомат, выпрыгнул сам. Поймал свисающую из люка Ксанту и, убедившись, что с ней все в порядке, осторожно выглянул из-за борта.

Нос машины, ставший плоским, словно лист кровельной жести, уткнулся в грунт, пробитое колесо приобрело причудливую форму — каплеобразную: сверху почти обычную, круглую, но клином стянутую книзу. Расшатанные болты колесных креплений вываливались один за другим и тонули в земле, словно в болоте, броня натужно скрипела и трещала, разбрасывая во все стороны сорванные заклепки. Почва у передних колес казалась странно вдавленной, будто ее неделю трамбовали чугунной строительной бабой. Стиснутое краями смотровой щели стекло триплекса неслышно лопнуло, пошло трещинами и вдруг брызнуло осколками. Сверкающая на солнце стеклянная крошка не пролетела и пары сантиметров — резко осыпалась, пронзив чуть ли не насквозь плотную, спрессованную глину.

Кто-то ухватил Дениса за плечо.

— Уходим, уходим! — гаркнул Москит. — Кино потом посмотришь!

Больше всего на свете Москиту сейчас хотелось наорать на спутников или даже врезать от души по одной из этих тоскливых постных рож. Лучше по обеим сразу. Раньше он часто решал проблемы подобным образом — гостей Зоны надо учить кулаками, чтобы прониклись, а то один воспринимает все вокруг как большую военную игру, а вторая... Девушка, которую проводник в душе даже начал уже немного уважать, увидев, с какой легкостью она не только управляет своим спутником, но даже начинает понемногу навязывать свою волю даже им с Пифой, впала в ступор, едва дело дошло до первой серьеznой драки. Хотя и то сказать — какая польза была бы от нее в бронетранспортере, даже если бы она не болталась сзади, как дермо в проруби?

Останавливало его только то соображение, что он и сам не без греха. Отвлекся на проклятые вертушки и прозевал свеженький гравиконцентрат солидных размеров. Слов нет,

шли бы они пешком, он приметил бы аномалию издали, но клиентам не объяснишь ведь. Если сейчас распустить руки, первый вопрос со стороны пострадавших будет следующий: алё, босс, а сам-то?

И Пифе не повезло, как последний салага навернулся, полег еще до Периметра. Он не виноват, конечно, карта так легла, только все равно по-дуряцки. Сто раз ходил в Зону, а тут нарвался по-глупому...

— Что это было? — ошеломленно спросил Кузнец, когда они уже лежали в кустах на опушке, а вертолет, не заметивший бегства злоумышленников, старательно вскрывал борт застрявшего бронетранспортера из крупнокалиберных автоматических пушек.

— Оно и сейчас есть, никуда не делось, — пробурчал Москит. — Гравиконцентратор, понашему — плешь. Наверняка читал про них или видел по 3D. Раньше, правда, я никогда не встречал плешь такой величины так близко к Периметру. При президенте Януковиче такого не было...

— Это просто песец какой-то!

— Да ничего особенного, — покровительственно заметил ведущий. — Ее легко заметить, если не зевать и не плятиться на дорогу через мутные стекла. В этом лесу гравиконцентраторы еще не встречаются, я и зевнул. Вот тебе первый урок Зоны, Кузнец: здесь нет ничего постоянного. В Зоне нигде нельзя ощутить себя в безопасности. Ладно, бери свою подружку, и двинули. Пока рванем просто перпендикулярно Периметру, на пару километров, чтобы уйти от натовских архангелов. А там обмозгуем, как дальше быть. Положение у нас не фонтан, прямо скажем. Ксанта, ты как? — в критической ситуации он как-то незаметно перешел на «ты» с обоими клиентами, и теперь возвращаться к официальному общению было глупо.

— Нормально, — сказала она. Ватная стена в ушах понемногу рассосалась, барабанные перепонки, к счастью, оказались не повреждены. Да и сотрясения мозга не обнаружилось. Денис, бегло осмотревший ее в кустах, поставил диагноз: легкая контузия.

— Тогда двигаем. Кузнец первый, Ксанта — замыкаешь. И не гоним лошадей! Хватит, добегались уже. Кузнец, шагай осторожно, внимательно смотри по сторонам. Чуть что не так, кричи. И не стесняйся перестраховаться, пальцем показывать не будем, обещаю.

Прежде чем они углубились в лес, дождавшись, когда вертолет уйдет на очередной круг, на опушке леса все трое разом обернулись: двигатель бронетранспортера наконец заглох, и в наступившей тишине оглушительный хлопок заставил беглецов вздрогнуть. Многострадальное переднее колесо наконец не выдержало давления усиленной гравитации и лопнуло. Обиженно свистнул выходящий из резервуаров сжатый воздух, вспух на долю секунды белесым облаком. БТР заскрипел, накренился еще сильнее и, упервшись перекрученным носом в центр комариной плеши, замер почти вертикально, обретя новую точку опоры. Прямо как трансатлантический лайнер «Титаник» в популярном старом кино. Ксанта подумала, что в фильме все кончилось плохо — главный герой погиб в холодной воде. Дурной знак.

В лесу они переждали короткий период невыносимой дурноты — организм понемногу подстраивался под непривычную энергетику Зоны. Минут через двадцать осторожного продвижения вглубь леса, после того как всех понемногу отпустило, Москит снова велел остановиться.

— Вот, — он покопался в рюкзаке, выудил несколько серебристых облаток с таблетками. Протянул по штуке Денису и Ксанте. — Примите по одной. Пока. Здесь уже могут быть горячие пятна, ни к чему попусту бэры глотать.

— Что за колеса? — подозрительно спросил Кузнец.

— Индрагин Б190 — табельный радиопротектор. Крайне полезная штука, входит в состав аварийных аптечек персонала атомных электростанций, по инструкции применяется минут за двадцать до риска потенциального облучения. Вообще препарат экспериментальный, их на ЧАЭС выдавали ликвидаторам после Второго взрыва. Говорят, не такая токсичная гадость, как прежние. Только есть их быстро стало некому, и с тех пор на

Милитари пристаивают целые склады этого добра. Короче, жрите без разговоров, только посмотрите маркировку и прикиньте, не употребляли ли чего похожего раньше. Особенно тебя касается, Ксанта, научникам эти конфетки по штату положены.

— А что будет, если передозировка? — уточнил Денис. — Почки отвалятся?

— Нет, с почками все будет в порядке, — в тон ему отозвался Москит. — Просто их можно всего раз пять принимать, иначе летальный исход гарантирован.

— В день?

— В жизнь.

Улыбка Кузнеца разом погасла, теперь он смотрел на облатку индрилина с некоторой опаской.

— Может, ну его нах?

— Нах отправимся мы, когда влетим в блуждающее горячее пятно. Жри, не ной.

Пока ведомые возились с упаковками радиопротектора, Москит мрачно размышлял: говорить или нет? Впрочем, все равно рано или поздно придется сказать — так почему бы и не сейчас?

— Если все пришли в себя... — начал он, глядя на Ксанту. Та пожала плечами: да порядок вроде. — Понимаю, что все оказалось не так, как вы ожидали, а последние пару часов и вовсе было жарко. У меня такие веселые прорывы Периметра тоже не каждый день бывают, обычно все довольно скучно и буднично. Но на то она и Зона. Однако в этот раз было что-то слишком уж весело. И вот что я вам, ребятки, скажу по этому поводу: только что на Периметре кто-то знатно пошумел, обеспечивая нам проход в Зону. Не постеснялся миротворцев пошинковать в капусту, да и своих под пули подставил.

— Кто? — хрипло спросила Ксанта.

— Хрена с два тут угадаешь, — безмятежно проговорил сталкер. — Знал бы прикуп, как говорится, дремал бы в Раде. Это в принципе не так уж важно. Важно другое: кому-то позарез надо, чтобы вы здесь оказались. То ли коменданту решили фитиль вставить, то ли крутые кланы играют с вами в кошки-мышки — не знаю, что там такого ценного заховано на вашей биостанции. Но имейте в виду, что вас старательно пасут. Это раз. Далее номер два: Пифа погиб, а без проводника вести двоих новичков — хреновый бизнес. Очень хреновый бизнес. Так что начинайте искать веские причины, по которой вам очень, — он выделил слово «очень» голосом, — очень нужно на вашу гребаную биостанцию. Обратно по-любому хода нет, пока военные не успокоятся, а то я бы уже сто раз отменил эту дурацкую прогулку к ядерной матери. Но сначала надо свалить подальше от места прорыва, чтобы нас не взяли за жабры. Сейчас двинем пока через лес к одному хорошему схрону, отсидимся там, отдохнем, обмозгуем ситуацию. Тогда вы мне и выложите свои соображения, из каких раскладов я вас поведу дальше к гребаной станции. Вопросы есть? Вперед!

В лесу стояла могильная тишина — не пели птицы, не шуршало зверье, даже мертвые листья под ногами как будто не шелестели. Разве что в вышине перешептывались о чем-то поблекшие кроны деревьев. Впрочем, людям сейчас было не до красот дикой природы. Денис внимательно смотрел под ноги, пытаясь разглядеть жуткие аномалии, о которых он раньше столько слышал, а теперь увидел своими глазами. Это действительно впечатляло. В считанные секунды гравиконцентрат, без лишнего питета прозванный сталкерами плешью, поставил на попа громаду БТРа, лишив их транспорта.

Ксанту торопилась за Москитом, в голове у нее металась лишь одна мысль: только бы не отстать! Об остальном подумаем позже. Я подумаю об этом завтра, как говорила известная литературная героиня. Лучше бы через месяц. Или вообще никогда. Потому что если проводник прав и их кто-то усиленно запихивает в Зону, значит...

Что это может означать, она так и не придумала, потому что шедший впереди Кузнец застыл на краю лесной прогалины. Ксанта подняла голову и тоже испуганно замерла.

Поляна выглядела более чем странно. Узкое, вытянутое вдоль заболоченной канавы пространство целиком поросло непроходимым частоколом толстенных салатово-серых стеблей, похожих на бамбуковые побеги, только грубее, с бахромой отслоившейся коры. На

четырехметровой высоте лениво колыхались широченные зонтики ядовито-белесых цветов. От дурманящего запаха гигантских растений кружилась голова. Мешанина вертикальных и поперечных стеблей больше походила на кристаллическую решетку в коллоидном растворе — обычные растения так близко друг к другу не растут. Крепкие и ровные побеги переплелись, будто руки и ноги сотен любовников, слившихся в групповом экстазе.

— Это еще что за флорофилия? — буркнул Денис.

— Обычный борщевик, — ответила Ксанта. — Помнишь, мы из него в детстве бузиной плевались? Только этот раз в пять больше. И какой-то он... много его слишком.

— Ага, — Денис почесал в затылке. — И у нашего стебель можно было перочинным ножиком срезать, а здесь и топором не возьмешь. Разве что бензопилой. И плевать я бы из него поостерегся, как бы он сам в ответ не плонул.

Москит, остановившийся рядом с ним, хмыкнул: привыкайте, дети.

— Мутация. Такого добра в Зоне до хрена и больше. Этот хотя бы обойти можно...

— Мы туда... не пойдем? — Голос Ксанты предательски дрогнул.

— Конечно нет, если жить охота. Нет, оно не хищное, просто очень ядовитое. Правда, в центре там наверняка горячее пятно или аномалия типа электры, так всегда бывает. Но если хочешь взять биологический образец...

— Нет-нет, — торопливо заверила девушка. — Ни к чему это.

— Ну, хозяин — барин. — Москит снял с шеи бинокль, долго разглядывал края поляны. — Канава идет к самой дороге, так что обойдем поляну с другой стороны. И лучше по краю леса, подальше от этой дряни. Надышимся ароматов, потом так скрутит, что мало не покажется.

Денис прищурился и спросил:

— А чего не по дороге?

— По дороге, говоришь? — проговорил Москит, опуская бинокль. — Ты вот что запомни: в Зоне почти не бывает так, чтобы кратчайший путь между двумя точками был самым близким. Чаще всего в обход гораздо ближе выходит. А конкретно по этой дороге даже самоубийцы не ходят. Знавал я одного деятеля, умник был вроде тебя, так он плонул на здравый смысл и рискнул по бетонке срезать. Мол, открытое пространство, мутантам не подобраться, для засады места нет, любую аномалию за сто шагов видно. Мечта сталкера! Так он до сих пор по ней идет, тут недалеко совсем, километрах в полутора. Целеустремленный такой, взор орлиный, походка уверенная, только вот ногами на месте перебирает. Можешь сгонять, посмотреть, мы тебя тут подождем.

— В смысле — на месте?

— А вот так. Идет себе и идет, но никуда не движется. Наверное, и сейчас там марширует. Хотя вряд ли — в последний раз, когда я его видел, он уже малость поизносился и ослабел. Не такой активный, как вначале, еле ноги таскает. Ну, понятно, третий год без воды и жратвы рассекает, пора бы уж.

— Третий год?! И никто не пробовал его спасти? — удивилась Ксанта.

— На дорогу лезть дураков нет — кому охота рядом с ним вышагивать? А с обочины кричали, звали, стреляли даже. Ноль внимания. Научники, говорят, выезжали на место, долго плясали вокруг него со своими игрушками, но так ничего и не поняли. Твердят что-то про временные аномалии, теории умные строят. Лучше бы объяснили, как подобное дермо на расстоянии распознавать, чтобы в следующий раз не вляпаться. Но в других местах такого больше не было ни разу, впрочем.

— И его так и не вытащили?

— Да кому он сдался? Одиночка. Мало ли их полегло в Зоне? И еще столько же поляжет...

Глава 8

Как просто и буднично он это сказал: «И еще столько же поляжет». Ксанта повторяла

фразу Москита про себя и никак не могла понять ее до конца. Как будто он говорил на другом языке.

Совсем недавно погиб Пифа, напарник и, наверное, друг ведущего — тело, скорее всего, еще не остыло, а Москит о нем уже и думать забыл. Или, по крайней мере, делает вид, что забыл. Впрочем, может быть, в Зоне так и надо?

Говорят, что в горах на высоте от шести тысяч метров тоже включается совсем иная мораль. В смертоносном разреженном воздухе каждая сэкономленная капля быстро тающих сил — дополнительный шанс вернуться в оставленный у подножия базовый лагерь. Нет возможности тащить на плечах тело погибшего спутника или тянуть вниз раненого и обмороженного друга, который все равно истечет кровью до прибытия спасателей. И закоченевшие тела так и остаются лежать в вечных снегах, в какой-то сотне метров от вершины. Ксанта раньше не слишком верила в подобные истории — да, разум понимает, что незачем погибать обоим там, где один еще может выжить, но люди, наверное, потому и называются людьми, что не всегда поступают, как велит инстинкт и холодный расчет.

Похоже, что и в Зоне царят те же высокогорные законы. Кто-то принимает их и разумом, и сердцем, но только не она. Нет, не она.

Москит вел группу осторожно. Время от времени приказывал остановиться, выходил вперед и долго изучал грунт перед собой. В такие моменты он больше всего походил на опытную розыскную собаку, которая идет по следу преступника, идет хорошо, уверенно, но изредка замирает на месте, осторожно нюхает воздух, пытаясь поймать ускользающий запах. Иногда проводник разбрасывал вокруг подозрительного места гайки на длинных вощенных шнурках — из рассказов Костика Ксанта знала, что именно так сталкеры определяют аномалии. На ее взгляд, ничего опасного там обычно не было, но она послушно обходила стороной вполне мирные изгибы тропы и тихие опушки, повинуясь командам Москита. Вряд ли опытный проводник стал бы перед ними рисоваться, но Кузнец, конечно, именно так и думал — пару раз она ловила его насмешливый взгляд. Раздавленный, словно консервная банка под каблуком, нос БТРа, конечно, впечатлил его, но ничему не научил.

Лес кончился неожиданно, будто великан неуклюже отsek кусок зеленого моря гигантским ножом. Ксанта от удивления остановилась сама, не дожидаясь приказа.

— Стоп, — подтвердил Москит. — Не будем нарываться. На Свалке всегда найдутся желающие пострелять по движущимся мишеням.

— Мародеры? — спросил Денис.

— Здесь и без них уродов хватает.

Проводник опустился на одно колено, достал бинокль.

Холмистая равнина, поросшая частоколом бурой, пожухлой травы, недалеко от края леса была завалена грудами насквозь проржавевшего железа. Кое-где в уродливых оставах еще можно было опознать фюзеляж вертолета или кузов грузовика, но по большей части здесь валялись совершенно бесформенные кучи рыжего металломолома, оплывшего разноцветными потеками окислов. Терриконы ржавого хлама громоздились без всякой системы; казалось, что когда-то на поле сошлись в жарком бою две механизированные армии, и теперь о некогда грозных боевых машинах и свирепом сражении напоминали лишь рассыпающиеся в труху каркасы.

И над всем этим кружили вертолеты. Два старых знакомца — еврокоптер «скай фокс» и Ми-28Н.

— Что здесь случилось? — спросила Ксанта. — Военные действия?

Москит покачал головой:

— В восемьдесят шестом ликвидаторы свозили сюда облученную технику, потом вообще весь горячий мусор. После Второго взрыва тут еще и выбросы порезвились. Одно слово — Свалка. Место не то чтобы сильно опасное, но неприятное. И летуны чего-то никак не успокаются. Обычно они предпочитают долго в Зоне не крутиться...

— Почему? — спросил Денис. — Что, крутые сталкеры по Зоне с «Иглами» ходят?

— С чем тут только не ходят...

Вертолеты двигались над Свалкой по странным сходящимся траекториям, выписывая в воздухе огромную многолучевую ромашку. Изредка то один, то другой зависали над землей неподвижно, словно пилоты пытались нащупать что-то невидимое.

— Детекторы поплыли, — с удовлетворением отметил Москит и, не дожидаясь вопросов, объяснил: — Детекторы аномалий на такой скорости бесполезны. Объем ловят, а расстояние, радиус поражения — уже нет. У них сейчас в кабинах небось сплошной звон стоит, как на колокольне.

— Разве плеши опасны для вертолетов? — спросила Ксанта. — Я слышала, что...

— Ваша научная братия много знает, слушай больше. На Болоте есть такие гравиконцентраты, что на сотню метров вверх пробиваются. На Свалке, конечно, таких мощных не бывает, но здесь и другого дерьяма навалом. Про птичью карусели слышала что-нибудь?

Про гравиконцентраты и карусели Ксанте рассказывал Костик. Доктора Цвангера и других ученых с биостанции аномалии интересовали куда меньше мутантной фауны. Но уточнять она не стала. Не пришло еще время для откровенного разговора.

— Слышала.

— То-то. Конечно, мелочевка всякая вертушкам не страшна — все равно что в легкую турбулентность попал. А большие... Там уж как повезет.

Низкое утреннее солнце пробивалось из-под нависших туч, совсем не по-осеннему согревая мрачное безумие Свалки. Рюса, от которой чуть ли не насквозь промокли тяжелые армейские ботинки и штаны, начала высыхать, расплылись и помутнели очертания ржавых скелетов впереди — земля парила. Легкий ветер пах сырой почвой и мокрым железом.

— Опа! — Не отрываясь от окуляров, Москит вдруг ткнул пальцем в небо. — Смотрите! Попался!

Носатый «Миль» на очередном вираже вдруг вздрогнул, неуверенно дернулся и стал медленно крениться на правый бок. Мерный гул турбины изменился, движок взвыл на форсаже — даже здесь, за несколько километров от места событий, звук ощутимо был по нервам. Тяжелый вертолет подпрыгнул в воздухе — большая железная водомерка на мутной глади бесконечного небесного пруда, — выровнялся на мгновение и тут же накренился снова. Неведомая сила не отпускала.

Винты отчаянно рубили плотную утреннюю дымку, машина переваливалась с боку на бок, как дикий зверь, попавший в силки, и не могла освободиться. Что-то неумолимо тянуло «Миль» в ту сторону, куда ему совсем не было нужно, и потому он боролся изо всех сил. Странно и жутко выглядела эта борьба: красивый грозный боевой вертолет казался беспомощной игрушкой в руках невидимого гиганта. Рядом крутился еврокоптер, пилоты «скай фокса» не знали, как помочь коллегам, наверное, сыпали советами по радио, но летчикам Ми-28Н было не до них. Кузнец представил стоящий сейчас в эфире мат-перемат и удовлетворенно ухмыльнулся.

«Миль» почти смог вырваться. Судорожные рывки, сопровождаемые надрывным стоном работающего на пределе двигателя, постепенно помогали вертолету выбраться из зоны действия птичьей карусели. Но центробежные силы продолжали яростно испытывать машину на излом и смятие, и усиленный корпус, способный выдержать попадание двадцатимиллиметрового снаряда, наконец поддался. Изящный, словно бушприт древнего парусника, хвост «Миля» надломился и повис, тяги заднего винта моментально оборвались, и малые лопасти, прокрутившись по инерции еще несколько секунд, остановились.

Опытный пилот тут же попытался выключить основной винт и перевести вертолет в аварийное планирование, но было поздно. Ми-28Н завертелся на месте, все быстрее и быстрее раскручиваясь в сторону, противоположную вращению ротора. Раненая боевая машина пошла вниз, и только мастерство летчика спасло ее от жесткой посадки. Отстрел лопастей винта сработал штатно, за секунду до приземления: вертолет пропахал землю, вращаясь в облаке грязевых брызг и сорванного дерна, проскользил на брюхе десяток метров и остановился. Турбина хрюпло свистела, медленно затухая после неимоверных перегрузок,

из-под втулок ротора потянулся сизый дымок. Ткнулся покореженным винтом в землю сломанный хвост. Пилоты сутились внутри кабины, отстегивая крепления спасательной системы кресел.

В богатой коллекции железных оставов Свалки появился еще один экземпляр.

— Видишь, Кузнец, как оно бывает, если слишком полагаться на умное железо? — Москит опустил бинокль. — Ребята вон тоже поверили в детекторы.

Как ни хотелось Денису посмотреть поближе на экзотическое кладбище ржавой техники, проводник повел группу в обход. На Свалке, мол, и так есть на что полюбоваться, а в лабиринте ржавого металла слишком много аномалий.

— Да и спрятать среди всего этого железа можно целый батальон. Там и мародеры пасутся, и кланы, бывает, друг другу хвосты накручивают. Лучше не соваться. Но ты не переживай, местных чудес насмотрись еще. Здесь на каждом шагу такое попадается, что впечатлений надолго хватит.

Сталкерская тропа тянулась по краю технокладбища, время от времени ныряя в разросшийся бурелом бывшей лесополосы. Здесь Москит вел группу почти не сходя с проторенного пути. Только раз он замер в паре метров от рухнувшего рядом с тропой сухого дерева, постоял в задумчивости и, пробормотав: «Да ну, на хрена!» — приказал идти в обход.

Через пару часов, когда ржавое поле давно осталось позади, Москит свернул в сторону. Обычным шагом Ксанта преодолела бы это расстояние минут за двадцать, максимум за полчаса. Группа миновала небольшой перелесок с усохшими, больными на вид деревьями и буйно разросшейся травой, которую проводник строго-настрого запретил трогать руками. Ксанта отводила опасные стебли наскоро обломанным сучком, Кузнец, рисуясь, — стволом АКМК. Под ногами все время что-то потрескивало, резкий запах озона бил в ноздри, казалось, он давно пробрался внутрь головы и спрятался между висками, пульсируя в такт биению сердца. Голова заболела почти сразу, и с каждым новым глотком озона боль становилась все сильнее.

— Голова просто раскалывается, — пожаловалась Ксанта. — Это нормально?

— Здесь — да, — ответил Москит.

Кузнец с ожесточением потер лоб, но ничего не сказал. У него тоже гудело под черепом, как после хорошей попойки, но признаваться в этом он счел ниже собственного достоинства. Еще чего не хватало!

Наконец травяные заросли расступились — они вышли на широкую просеку. Москит обернулся:

— Смотри, Кузнец, вот тебе настоящая местная экзотика, а не какое-то ржавье.

Когда-то по краю леса от станции тянулась линия электропередачи высокого напряжения — к понижающей подстанции, а то и прямо в Киев, в общеукраинское энергокольцо. Когда случился Первый взрыв, линию отключили, потом, после заключения Четвертого энергоблока в бетонный Саркофаг и ремонта ЧАЭС, запустили снова. Мощная ударная волна Второго взрыва прокатилась по широченной, как городской проспект, просеке. Столбы ЛЭП скрутило и разметало, словно горелые спички.

На одну из покалеченных опор как раз и указывал Москит. Бетонированные у основания ноги стальной мачты подломились, выворотив целую гору земли. Впрочем, сейчас, через столько лет после катастрофы, дожди и ветер уже превратили эту гору в небольшой холмик. Они же вымазали неряшливыми потеками некогда стройные железные фермы, обратив болты и крепления в ржавые нарывы.

Строгие, рациональные металлоконструкции превратились в гигантский уродливый скелет, как будто провалившегося миллионы лет назад в асфальтовую яму динозавра откопали и выставили на всеобщее обозрение в палеонтологическом музее.

Только вот мертвым этот скелет отнюдь не был. Лопнувшие провода лежали рядом с поваленными опорами — лохматые, поросшие чем-то бурым, похожим на водоросли или старое мочало, они напоминали такелаж выброшенного на берег парусника. Один из них вдруг шевельнулся.

Ксанта вскрикнула от неожиданности.

Толстый кабель медленно изогнулся, словно гигантская сонная змея. Свешивающееся с ветхих конструкций рыжее мочало ржавых волос лениво колыхалось, в воздухе повис едва слышный гул. В голове застучало сильнее, и внезапно провод дернулся снова. С резким щелчком над прогоревшей изоляцией возникла и лопнула сверкающая голубоватая сфера.

— Здесь все пропитано электричеством, — сказал Москит. — Помните, как трава под ногами трещала? И озоном несет, как после грозы, и голова оттого же болит. Зато контактных пар и электр нету, стоит им зародиться — сразу разряжаются на общее поле. Можно бродить спокойно.

Кабель опять шевельнулся, стрельнув целым ворохом искр. Опять заломило в висках. Ксанта потерла их пальцами, поморщилась и спросила:

— И так теперь все время будет?

— Нет, конечно. Скоро пройдет. А как отойдем от этой гигантской розетки, встанем на привал. Отдохнете. Мозги, чай, не казенные. После выброса здесь любую электронику жжет напрочь, не то что голову. Но сейчас вполне можно пройти.

— Почему именно здесь? — вдруг спросил Кузнец. — Нельзя было обойти?

— Нельзя, — процедил проводник сквозь зубы. — Объясняю в последний раз: вы — туристы, самостоятельно ходить по Зоне не умеете в принципе. Вести вас можно только вдвоем: один бродяга за ведущего, второй — за отмычку. Мой напарник, если ты помнишь, погиб.

— Я... — начал Кузнец.

— Цыц! Слушай, раз спросил. Пифа погиб, а вести двух новичков напролом в одиночку — значит стопроцентно положить вас на маршруте. Ясно? Поэтому мы специально идем такой дорогой, где шанс напороться минимальный. Может быть, здесь не очень приятно находиться, но от некоторых невидимых ловушек — скажем, от электрических — мы гарантированы. У меня не сто глаз, и за всем уследить я не могу. А мне отчего-то очень хочется довести вас живыми. Смекаешь, умник?

К удивлению Ксанты, отповедь Москита на Дениса подействовала. Вряд ли он устыдился своей назойливости, но выволочка на глазах у подруги — причем выволочка по делу — немного сбила с него спесь. Всю дорогу от бывшей ЛЭП до места привала он молчал, а когда ведущий объявил, что можно немного отдохнуть, сел, прислонившись спиной к дереву, обнял автомат и угрюмо опустил голову.

Лезть к нему с расспросами и сочувствием она, конечно, не стала. У расстроенных мужчин очень хрупкая психика — решит, что во всем виновата именно она, наорет. Скажет что-нибудь совершенно ненужное, вроде «Зачем я только с тобой поперся?», и что потом с этим делать? Ксанта и так постоянно ругала себя: чем она думала, когда подписала безнадежно влюбленного парня на эту смертельную авантюру? Почему не отговорила? Зачем вообще рассказала?..

Голова быстро прошла, только немного шумело в ушах, и перед глазами, если их закрыть, начинали плясать сиреневые искорки. Чтобы отвлечься и от них, и от невеселых дум, Ксанта решила погадать. Денис занят собой, ему сейчас не до смеха, а проводник своих подопечных и так ни в грош не ставит. Уронить его мнение о себе еще больше ей не удастся в любом случае.

В спешке побега Ксанта не раздумывая сунула коробку с рунами в боковой карман. Вот и хорошо, долго искать не придется. Толкователь пока подождет, посмотрим сначала, какая выпадет комбинация.

Она расстелила на коленях куртку, перевернула костяшки обратной стороной вверх и размешала. Москит с интересом наблюдал за ней.

— Это что за шаманство?

Девушка едва заметно улыбнулась:

— Да так, баловство. Гадание на привале.

Проводник поднял бровь и хмыкнул. Ксанта уже знала, что подобным смешком он

выражает практически все свои эмоции — от одобрения до презрения. Да и черт с ним, пусть презирает, если охота.

Она рассыпала руны и принялась изучать полученный результат. На этот раз перевернутых костяшек оказалось куда больше: привычные уже Автомат, Противогаз и Башня, что неудивительно, целых две Шестеренки, Восклицательный знак, Факел, Гаечный ключ, еще какая-то мишурка...

Запутанная комбинация. Слишком много вариантов. Ну-ка...

Москит подсел ближе, закурил сигарету. Спросил:

— Получается что-нибудь?

— Кое-что есть, — сказала Ксанта. — Вот, видишь: Автомат и Противогаз? Это ты, наш проводник. И ведешь нас в какой-то дом, похожий на башню.

От удивления Москит затянулся вдвоем сильнее, чем было нужно, перебрал сигаретного дыма и закашлялся.

— Кх... кх-х-х... да. Веду.

Гадалка, занятая своими мыслями, его не слышала. Книга толкований лежала где-то в глубине сумки, и копаться в собственном барахле под насмешливым взглядом проводника Ксанте совсем не хотелось. Поэтому она решила положиться на память.

— Две Шестеренки — это плохо, а тут еще Восклицательный знак и Факел...

— И что они означают?

— Ну... — Она мысленно пролистала страницы книги. — Шестеренки — это жизненные обстоятельства, если их две, значит, нас зажмет между ними. Неприятности с двух сторон.

— Неприятности?

— Да. Восклицательный знак означает опасность вообще, а Факел — пожар, поджог... в общем, любой вред от огня.

— Выходит, мы сгорим на пожаре?

— Сгореть не сгорим, конечно, но огня стоит опасаться. Будешь в следующий раз прикуривать, смотри не обожгись.

— Тыфу! — Москит сплюнул. — Зачем, спрашивается, я тебя слушаю? Давай-ка поднимайся, девочка. Если все уже настолько отдохнули, что появились силы на всякую чушь, лучше пойдем дальше. Поищем твою башню, раз так выпало.

Кузнец, так и не сказавший ни слова за все время привала, поднялся и закинул за плечо автомат. Ксанта решила не спорить и стала собирать костяшки с рунами.

После отдыха идти было значительно легче — голова перестала болеть, пришли в норму и натруженные долгим переходом ноги. Москиту даже приходилось покрикивать на ведомых, чтобы не обгоняли, не лезли вперед и шли за ним след в след. Слишком беспечно они себя вели, на его взгляд. Хотя что им? Вряд ли они понимают всю серьезность положения, в котором оказались. Особенно эта биологическая девчонка. Хотя она здесь уже и бывала, но, судя по некоторым повадкам, она как раз из той научной братии, что наплюют на любую опасность, лишь бы изловить в баночку новую, неизвестную науке гниду: мокрицу или дождевого червяка. А уж в Зоне подобного добра сколько хочешь, успевай только башкой вертеть.

Один из таких сюрпризов поджидал их у ворот бывшей воинской части, как раз на территорию которой и вел своих туристов Москит. Еще на повороте он приметил движение, перехватил висевший на шее АКМК и сказал:

— Стоп!

Кузнец тоже разглядел цель и потащил автомат с плеча.

— Спокойно, — сказал вдруг проводник. — Не стрелять. Это зомби.

Действительно, человек впереди двигался неуверенно, то и дело спотыкался, его шатало из стороны в сторону. Под лохмотьями камуфляжа просвечивала бледная и чудовищно грязная кожа. На плечах зомби болтались обрывки ремней и какая-то мятая железная мишурка вроде скрученной проволоки. Наверное, несчастный бродяга, попавший

под удар пси-излучения, сохранил какие-то прежние навыки и потому вешал на себя все, что напоминало ему оружие, бинокль, детекторы. Иногда бывший сталкер отступался, его разворачивало боком, и можно было увидеть бесформенную кипу тряпья, висевшую у него на спине. Про походный рюкзак бедняга тоже еще помнил. Он что-то бормотал на ходу, но губы подчинялись ему с трудом, и невозможно было разобрать ни слова.

Зомби подошел к правой створке ворот, ржавой, шелушащейся облупленной краской, остановился и забормотал с утробенной силой. Потом медленно поднял руку и потрогал когда-то красную, а ныне чешуйчато-рыжую звезду.

Дальше случилось удивительное. На глазах потрясенных людей рюкзак на спине зомби зашевелился, неторопливо переполз через плечо на руку и так же медленно перетек с нее на металлические пластины ворот.

— Гриб-невидимка! — выдохнул Москит.

Облупленная зеленая поверхность с красной звездой посередине исчезли под грибом, словно кто-то прилепил поверх нее огромный кусок серого пластилина. Потом цвет уродливого народа начал плавно меняться, а сам гриб растекся по поверхности ворот, как тающее мороженое, воспроизведя все попадающиеся по пути трещинки и проржавевшие дыры. На шкуре гриба появилась звезда, сначала немного кривая и растянутая по диагонали, потом по ней пробежала быстрая рябь, и спустя несколько мгновений никто уже не смог бы отличить нормальную створку от притаившегося хищника. Единственное, что могло насторожить опытного сталкера, — это то, что краска на воротах выглядела положенной слишком толстым слоем.

Зомби снял с плеч моток проволоки, бросил себе под ноги и поковылял прочь.

Несколько минут все пораженно молчали. Наконец Ксанта сказала:

— Удивительный симбиоз. Как рак-отшельник с актинией...

— Никогда раньше такого не видел, — обескураженно отозвался Москит. — Как такое может быть? У гриба мозгов нет, он сразу атакует и жрет любую органику, до которой способен дотянуться...

— Уникальный случай, — поддакнула Ксанта. Глаза у нее горели. — Черт, и камеры с собой нет...

— Надеюсь, нам не туда? — спросил Денис. — У меня от этой мерзости мурashki величиной с яблоко.

— Туда, туда, — вкрадчиво заверил Москит, вспомнив наконец о том, что он бывалый проводник, который все в Зоне знает, и демонстрировать свое ошеломление ведомым ему ни к чему. — Но ворота лучше не трогайте, ни к чему такие развлечения. Вон пролом в заборе, влезем через него.

— А там что?

— Потерпи, все увидишь.

Обещанный Москитом схрон и в самом деле оказался башней — Ксанта даже удивилась точности своего предсказания. Серое, испятнанное какими-то оскалзыми потеками двухэтажное строение больше всего походило на водокачку, но наверху не имелось резервуара. Оконные проемы на первом этаже были завалены каким-то мусором, наверх вела шаткая лесенка, приваренная с наружной стороны к железобетонной арматуре. Москит подергал ее, даже пнул, проверяя на прочность.

Ничего, крепкая.

— Кузнец, ствол держи наготове. Я первый, Ксанта за мной, ты замыкающим. — Он ловко полез наверх.

Забравшись по лестнице следом, девушка заглянула через выбитое окно в маленько темное помещение, куда уже забрался Москит. Он подал ей руку, помог преодолеть подоконник.

— Говорят, воинская часть, которая тут стояла, патрулировала Зону после Первого взрыва, — сообщил проводник. — На лошадях. А в башне вроде бы сено сушили.

За окном зашуршало. Пыхтя и ругаясь, в пустом проеме появился Кузнец, спрыгнул на

изгаженный пол.

— Лошади в Зоне? — недоверчиво спросила Ксанта.

— Может, и врут. Диких лошадей здесь до Второго взрыва точно много было, расплодились без людей. Но в любом случае это отличный схрон, если надо отсидеться. Оборону держать удобно. На случай выброса есть подвал.

Кузнец выглянул в противоположное окно, выставив перед собой автомат. Спросил:

— А почему здесь до сих пор народ не толчется, как в супермаркете на распродаже?

— Бесплатный сыр сам знаешь где бывает. Башня считается опасной из-за блуждающих аномалий, и мало кто рискует ею пользоваться. Сейчас, — добавил Москит, заметив, как изменилась в лице Ксанты, — тут почти безопасно. Во всяком случае, в нашем положении. А вот после выброса...

Девушка кивнула, развернулась на каблуках и стала рассматривать заплывшие дождевыми сталактитами надписи на стенах. Потеки сливались в прихотливый узор, один из них, похожий на фигурную лепнину, Ксанта даже решила потрогать.

Стена оказалась неожиданно горячей.

— Ой!

— Вот про них я и говорил. Про аномалии. Там внизу — жарка, — спокойно поведал Москит. — Не боись, она совсем молодая, хорошо если утром народилась. Вчера еще не было. Пока раскочегарится, мы сто раз успеем отсюда уйти. Времени уйма. И отдохнуть хватит, и покурить, и обсудить то дермо, в которое мы все вляпались.

Глава 9

По рассказам Костика жарка представлялась Ксанте чем-то вроде передвижной печки с неограниченным запасом дров. Поэтому она на всякий случай отодвинулась подальше и присела у противоположной стены. С наслаждением расстегнула выданный Москитом жесткий и неудобный бронежилет, вытянула ноги, расслабилась, прикрыла глаза. Усталость навалилась внезапно и сразу, как летняя гроза. Не только физическая, хотя ноги и в самом деле гудели после богатого на приключение утра. На переживания и сильные эмоции ушли последние резервы душевых сил. Организм получил долгожданную передышку и отключился, словно из него вытащили батарейки.

Верный Денис присел рядом, хотел было что-то спросить — наверное, в очередной раз поинтересоваться, в порядке ли она, — но ничего говорить не стал. Понял, что у Ксанты нет сил отвечать, провел рукой по ее волосам и сказал:

— Отдыхай, Осень...

— Крепкая девушка, — тихо, но уважительно сказал Москит. — Сколько я водил в Зону туристов, а такие характеры не всегда встречаются даже среди мужиков. Любая другая после всего, что сегодня случилось, уже билась бы в истерике и требовала экстренной эвакуации. А она ничего, держится. Не без нервов, конечно, но никаких срывов и катания по полу.

— Она не новичок в Зоне, — напомнил Кузнец. — На биостанции...

— Их там охраняли, как президента, — оборвал сталкер. — Вряд ли они там веселились так же, как мы сегодня. Хотя, говорят, однажды после выброса им крупно не повезло. Народу полегло уйма. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Ну да, Ксанта рассказывала. Как раз после того происшествия станцию и решили эвакуировать. Общественное мнение в Европе всегда напрягается, когда немецкие граждане гибнут не пойми за что в медвежьем углу среди малоцивилизованных варваров...

В полудреме Ксанта перевернулась на другой бок.

— ...получается очень скверный расклад. Кланы хотят... а тут еще Мортенсен со своей комиссией... могут попытаться...

Доносящиеся до нее обрывки беседы становились все глупее, некоторые фразы Ксанта не слышала вовсе. Да и не важно — пусть ребята ведут свои сверхважные мужские

разговоры, обсуждают и строят планы. Уже хорошо, что не ругаются: впервые вспыльчивый проводник и ревнивый к чужой крутизне Кузнец беседуют если не как друзья, то по крайней мере как союзники.

Голоса отдалились, превратившись в невнятное бормотание, и в конце концов Ксанта незаметно для себя задремала.

Ей приснился замечательный сон. Как будто нет никакой Зоны, погонь и перестрелок, все давно позади — а может, и вовсе никогда не случалось. Они втроем с Денисом и Костиком (жив! жив!) посреди недели, когда народу поменьше, выбрались на пляж. Накупавшись до изнеможения, парни затеяли играть в волейбол, звали и Ксанту, но она отказалась наотрез, расстелила полотенце прямо на песке и легла загорать. Пусть солнце позаботится о ее красоте.

Сначала было терпимо, теплые лучи приятно ласкали кожу. Потом стало понемногу припекать, но Ксанта мужественно терпела: красота, как известно, требует жертв. Костик с Денисом не замечали жара, перебрасывались мячом, сопровождая каждый удар азартными выкриками. Она даже позавидовала — ишь, какие выносливые, все им нипочем! Хорошо бы самой не сгореть, а то начнешь потом шелушиться, как старая штукатурка. И в тот момент, когда Ксанта все-таки решила сбежать в тень, мужчины закричали особенно громко, а прямо у нее над ухом прогремел гром.

Подождите, разве сейчас гроза?!

Мощная волна нестерпимого жара раз за разом прокатывалась по телу асфальтовым катком. По лицу градом стекал пот, в сухом горле першило и саднило. Перед глазами плясали цветные пятна.

Громыхнуло снова. И только теперь Ксанта поняла, что проснулась, но дикая пляжная жара из сна никуда не делась, она словно вынырнула в явь вместе с девушкой и окружила со всех сторон, яростно пытаясь удушить, сжечь, испепелить. Как будто кто-то посадил Ксанту на адскую сковороду и развел под ней огонь.

Она еще не успела окончательно прийти в себя, как загрохотал новый громовой удар, продолжительный и нестерпимо громкий. В закрытой комнатке он прогремел так сильно, что Ксанта на мгновение оглохла.

— Бей! Вот она, тварь!

Снова гром, потише и не такой продолжительный, зато сопровождаемый новым каскадом мата. Дениска ругался, как рыночный грузчик, трехэтажные тирады время от времени прерывались короткими грозовыми раскатами.

Ксанта с трудом приподнялась на локтях — в затылке тут же заломило, цветные круги в глазах погасли, сменившись темными пятнами. Жара взяла за горло, высасывая из него последние капли влаги.

Москит и Денис, оба голые по пояс, толкаясь потными плечами у оконного проема, яростно поливали из автоматов подножье башни. Спины у обоих были совершенно мокрые.

— Что случилось?

Сухой и разом потяжелевший язык с трудом ворочался во рту, и Ксанта в первый момент даже не узнала собственного голоса.

Проводник обернулся, отстегнул и бросил на пол пустой магазин. Нашарил на полу разгрузку, пристроил ее на плечо и зло сказал:

— Сбылось гадание, твою мать! Точно как ты говорила — зажало нас. С одной стороны жарка проснулась и шпарит, как пионерский костер. Чувствуешь, да? Тут тебе и пожар, и вред от огня! А свалить отсюда мы не можем!

— Почему?

Оглушительно грохнул выстрел, заставив Ксанту болезненно поморщиться.

— Есть! — вдруг закричал Кузнец. — Снял одного!

— Кабанов в голову бей! А эту, с ногами как у краба, оставь! Она в азарте боли не чувствует, а жиру у нее много. На нее вагон патронов истратить можно, а они у нас не казенные. Может, наестся падали и слиняет! — Москит резким движением вставил новый

магазин в АКМК, передернул затвор. Покосился на Ксанту: — Там, снаружи, до хрена тварей. Кабаны, пара псевдоплотей.

Короткая очередь заглушила его последние слова. Вспышки выстрелов озаряли стрелков, и Ксант видела их напряженные, мокрые от пота, багровые лица. Резкий запах мужского пота мешался с кислой пороховой гарью.

«Неужели и я такая же краснорожая? Фу!»

Она вытерла лоб тыльной стороной ладони. Футболка промокла насеквось, даже плетеные фенечки на запястьях стали влажными и скользкими.

— Очухалась? — через плечо спросил Кузнец.

— Немного, — сказала Ксант и попробовала подняться. Тяжелый молот раскаленного воздуха толкнул ее назад, густая и вязкая от жары кровь совсем не хотела разгоняться по жилам. Все-таки она пересилила себя и встала. Футболка натянулась и прилипла к разгоряченному телу.

Москит несколько раз выстрелил одиночным и явно попал, потому что снаружи донесся хриплый и протяжный вой.

— Минус один, — с удовлетворением сказал ведущий. И добавил: — Бери ствол и помогай, принцесса. Не попадешь, так хоть напугаешь кого.

Денис подхватил «узи», что-то с ним сделал и протянул Ксанте:

— На спуск долго не жми, его сильно водит при длинных очередях. Бей короткими, по два-три патрона. И держи крепче, чтобы от неожиданности не выронить. Знаешь, как отсчитать ровно три патрона? Дави на спуск столько времени, сколько будешь мысленно произносить: «Двадцать два!»

— Справлюсь, — сказала она, принимая оружие.

Пистолет-пулемет удобно лежал в руке, и Ксант, поднырнув под локоть Кузнеца, выглянула на улицу. Пока она спала, сгостились пасмурные сумерки, да и стекающий на глаза пот мешал смотреть, но неистовое мельтешение у подножия башни рычащих, басовито всхрюкивающих тел, разбрасывающих землю копытами, не разглядеть было невозможно.

Подсвинки — самые нетерпеливые или, может, самые голодные — захлебываясь визгом и слюной, яростно бросались на нижние ступени лестницы, однако им нечего было зацепиться за скользкие перекладины. Несколько бурых туш валялись неподвижно чуть поодаль, некоторые еще шевелились, истекая мутной кровью. Здоровенная псевдоплоть, представитель вездесущего местного племени падальщиков, урча и булькая от наслаждения, обгладывала в стороне заднюю ляжку одного из убитых секачей. Цепочка рваных ран на спине твари не уменьшила ее аппетита. В другое время кабаны легко отогнали бы уродливую тварь и сами закусили трупом собрата, но сейчас они были слишком разъярены огрызающейся с вершины башни добычей. Сначала следовало добраться до наглых двуногих, умеющих смертельно жалить издали, а потом уже можно заниматься пустяками.

Позади всех топтались матки припять-кабанов, могучие, тупые, слабоуязвимые звери, уверенные в своей силе. Пары случайных попаданий оказалось недостаточно, чтобы разжечь их слепую ярость, но и уходить они не собирались.

— Стреляй! — тяжело дыша, сказал Москит. — Если мы их через полчаса не разгоним, сваримся здесь на хрен. Жарка нас быстро доконает.

Вспышки и грохот коротких очередей со второго этажа Подлой башни заставили Скай прибавить ходу. Во что это они там ухитрились вляпаться без него?

Выследить группу оказалось на удивление просто. Даже странно, до чего ухитрился наследить бывалый бродяга Москит, особенно в Тихом лесу у Периметра и на Свалке, где сейчас рядом с упавшим вертолетом роились военные. Патрули редко забирались в Зону без прямого приказа, так что у комендатуры явно были и еще какие-то резоны, кроме обычной спасательной операции. Пострадавших в аварии летчиков уже давно вывезли, а солдаты все не уходили — вполне возможно, искали беглецов.

Или наоборот, своим мельтешением прикрывали тылы группы Оксаны Леженды,

мешая возможной погоне выйти на след. Тоже ничего версия. Тогда выходит, что Мортенсена в самом деле тормошат намеренно, чтобы он, ворочаясь в городке, как слон в посудной лавке, перекрыл и Чернобыль-4, и Периметр, лишив каких-то очень серьезных парней возможности действовать по наработанным схемам прорыва в Зону.

И все же группа Москита двигалась по территории слишком громко. Понятно, что ему трудно, что он совершенно неожиданно остался без второго номера — некролог на Пифу немного подзадержался, однако все же упал на ПДА Скай еще до того, как он отправился к Бубне. Но вот зачем, спрашивается, он потащил своих ребят ночевать пряником в Подлую башню, куда сам Скай даже с опытной командой сталкеров полез бы только в самом крайнем случае? Рядом — поле новорожденных аномалий, какая-нибудь одна оторвется, перекроет вход, и все: вторая серия голливудского триллера «Замурованные заживо».

В итоге они таки влипли в какую-то переделку. Издали всех подробностей было не разглядеть, но по какофонии звуков — надсадному вою, хрюканью, бормотанию, грохоту очередей и жалобному визгу — Скай быстро восстановил картину происходящего. Целая стая мутантов осадила башню. Не исключено, что группу выследил контролер, привел свое стадо и запер гостей внутри, как немцев в Сталинграде. С голоду не помрут, конечно, и даже, вполне возможно, отобьются. Но удовольствия определенно не получат. Кабаны — твари упрямые, контролеры тоже.

Огонь со второго этажа башни изрядно проредил мутантов, подсвинки уже не так азартно лезли вперед, трупы сородичей теперь привлекали их куда больше недоступной и огрызающейся двуногой добычи. Но снимать осаду твари не собирались, самки припять-кабанов плотно держали внешний фронт окружения, не давая молодняку разбежаться.

Скай долго разглядывал окрестные кусты и плац военной части в бинокль, но контролера так и не увидел. Может, мозголом хорошо спрятался, а может, уже давно сбежал, бросив свое стадо на произвол судьбы. Почувяв нешуточную опасность, трусливые контролеры обычно убегают без оглядки. А может, его и вовсе не было: нынче по Зоне бродит много голодных кабанов. Зато сталкер заметил, как дрожит раскаленный воздух над задней стеной башни — не иначе жарка проснулась. Если так, то тем, кто внутри, не позавидуешь. Там сейчас температура как в хорошей сауне, а если они оперативно не выберутся на свежий воздух, скоро по округе поползет аромат жареного мяса.

Он дослал в подствольник осколочную гранату, дал длинную очередь по задним кабанам и дернул спуск гранатомета.

Огненный всполох вонзился в самую гущу тварей, глухо бухнул взрыв, разметав изуродованные тела. В очередной раз раненая осколками псевдоплоть обиженно завизжала, закрутилась вокруг своей оси, забормотала что-то невнятное. Потом, переступив острыми костяными копытцами, вдруг отчетливо произнесла: «Пищеваля чепчочка...» — ухватила за окорок труп кабана и, продолжая нести невразумительную чушь, потащила добычу прочь. Озвевшие от боли секачи немедленно бросились следом, пылая жаждой мести. Недоразвитые мозги мутантов слабо разбирались в причинах и следствиях, поэтому, увидев, как дальняя родственница волочет куда-то погибшего собрата, кабаны решили, что именно она его и уделала.

Твари сшиблись в полусотне метров от башни. Припять-кабаны рвали тело псевдоплоти клыками, бодали уродливыми лобастыми мордами, пытаясь сбить с ног и затоптать. Та не осталась в долгу и с невероятной скоростью заработала острыми копытами, в считаные секунды исполосовав нападавшим морды и бока. Нестерпимый визг и хриплый яростный вой, лишь отдаленно похожий на хрюканье, на время заглушили грохот автоматных очередей.

Скай несколькими точными выстрелами завалил одного секача, потом тяжело ранил второго. Наверху его поддержали огнем, положив еще парочку нападающих. Один повалился на бок и замер неподвижно, второй с визгом покатился по земле, сучи ногами в предсмертной агонии. Еще одна очередь достала последнего матерого кабана, повздорившего с псевдоплотью. Он ткнулся мордой в землю и затих. Несколько секунд

псевдоплоть в кровавом угаре еще терзала его, таская по земле, потом, сообразив, что драться больше не с кем, удовлетворенно забормотала: «Тапарасамма! Мурлинап!» Впившись острыми зубками в труп первого кабана, которого она считала своей законный добычей, тварь мощным ударом насадила на правое переднее копыто еще одного, поменьше, и, волоча добычу за собой, задом покинула поле боя.

Скай проводил ее стволом, но, зная, насколько живучи псевдоплоти, стрелять не стал, чтобы не переводить зря боеприпасы. Ушла — и Черный Сталкер с ней. Пусть живет, заслужила: как-никак, отвлекла на себя часть зверя.

Понеся недопустимые потери, остаток кабаньего стада счел за лучшее раствориться в лесу. Скай даже не стал стрелять им вслед — опять же неразумный расход патронов. В Зоне все надо делать разумно и максимально прагматично.

— Эй, бродяги! — гаркнул он, задрав голову. — Спускайтесь, уже можно. Я прикрою, если что.

— Кто говорит? — В глухом голосе Москита, донесшемся сверху, звучала смертельная усталость.

«А хрено там небось, — подумал Скай. — Не парилка даже, а целая промышленная коптильня».

— Скай. Ты меня знаешь, Москит.

Эта информация, похоже, озадачила проводника, потому что он на некоторое время замолчал.

— Чего это ты вдруг решил нам помочь? — наконец крикнул он. — А, Скай? На милосердие пробило? Ты вроде просто так ничего не делаешь. В Зоне все надо делать разумно и прагматично — твои слова?

— Дело есть, — откликнулся Скай. — Да не парься ты там! Если бы я хотел вас тут положить, просто не стал бы вмешиваться. Вы бы и сами скоро загнулись. Жара, пот, тепловой удар, обморок, смерть. — Он прочистил горло. — Вылезай уже, поговорим, устал я тут орать.

Москит спустился первым. Скай бесстрастно наблюдал, как он шипит и ругается, обжигая ладони о раскаленную арматуру лестницы. Наконец проводник ступил на землю, АКМК тут же прыгнул ему в руку и уставился дулом на неожиданного спасителя, несмотря на то что у того автомат мирно висел за плечом.

— Опусти дуру-то, — сказал Скай. — Озверел, радиоактивное мясо? Я вам не враг.

Москит недоверчиво хмыкнул:

— А кто? Только не свисти, что типа случайно шел мимо и заглянул на огонек.

— Вообще-то вольным бродягам следует помогать друг другу, Черный Сталкер велел, — Скай пожал плечами. — Впрочем, насчет «случайно» врать не стану. У меня тут кое для кого весточка припасена.

— Для кого же? Если имеешь что-нибудь сказать Пифе, то ему уже совсем не интересно.

— Знаю, читал некролог. Пусть ему хорошо лежится, бродяге. А сообщение мое для Оксаны Георгиевны Леженды. Слышал что-нибудь про такую?

Москит опустил ствол, но палец со спускового крючка не снял.

Валиющиеся возле башни трупы тварей невыносимо воняли паленой псиной. Мутанты Зоны и так пахнут отвратительно, а тут еще и жарка добавила неприятных ощущений. Лишайная шерсть старого кабана, лежавшего ближе всех к аномалии, уже начала понемногу скручиваться и потрескивать. Неподготовленного человека могло вывернуть наизнанку от одного только зрелища его омерзительных радиационных язв.

Скай был уверен, что Ксанту начнет тошнить, едва она спустится вниз и увидит изуродованные трупы. А стоит ей пару раз вдохнуть... Однако, к его удивлению, девушка вела себя довольно спокойно. Сглотнула пару раз вставший в горле комок, поморщилась, прикрыла рот рукой. Но и все. Ничего больше. И только тогда он вспомнил, что на биостанции Ксанта числилась в старших препараторах. А раз так, то ей, наверное, не раз

приходилось если и не резать мутантов самостоятельно, то, по крайней мере, присутствовать при биопсии. А уж сама природа изнасиловала тварей Зоны и внутри и снаружи куда сильнее, чем способен сделать человек с его пулями и гранатами.

Следом за Ксантой слез Кузнец. Закинул за спину автомат и, вытирая пот скрученной в жгут футболкой, первым делом спросил:

— Ну, что у нас тут?

Москит повернулся к Ксанте, которая все же не собиралась наслаждаться зрелищем живописной горы омерзительных трупов и смотрела себе под ноги:

— Это к тебе. Бродяга по имени Скай. Говорит, что у него для тебя весточка.

Ксантя встрепенулась и даже непроизвольно сделала шаг навстречу Скаю. Денису это не понравилось, и он тоже шагнул вперед, прикрыв ее плечом.

— Только сначала я хочу кое-что выяснить у тебя, Москит, — сказал Скай. — Ты ведь знаешь, кого подрядился вести в Зону?

Девушка вздрогнула и чуть не схватила его за руку. Хорошо, рот не стала зажимать.

— Конечно, знаю, — хладнокровно подтвердил Москит. — Что я, салага зеленый, по-твоему?

— И чья она сестра, тоже знаешь?

Москит фыркнул:

— Спрашиваешь! Только мне глубоко до одного места, кто чей родственник, если правильно уплочено. К тому же Циклоп поручился.

Ксантя отодвинула Дениса в сторону и сказала — чуть смущенно, но решительно:

— Москит, мы хотели потом с тобой поговорить. Уже здесь, в Зоне. Предложить гонорар повыше, какой сам назначишь. А про биостанцию врали потому, что никто не согласился бы вести нас, если бы с самого начала знал куда. Ты бы первый и послал...

— Послал бы, и очень далеко, — согласился проводник.

— Вот именно. Но тут все так сразу закрутилось, что и минутки свободной не было объясняться...

— То есть, как я понимаю, к биостанции вам больше не надо? — на всякий случай уточнил Москит.

— А что они там забыли? — ухмыльнулся Скай. — Видал, какие кланы за ее брата награду выставили? «Последний рубеж» и «Монолит». Эти веселые ребята полгода бодаются за подступы к ЧАЭС, а про Мута давно говорили, что он частенько копает там. Никак что важное узнал? Вот одни ищут, чтобы зарыть информацию вместе с добытчиком, а вторые — чтобы выбить из него полезные сведения.

— Я думал, может, у них с братом встреча на биостанции назначена. Или какой сигнал уговорились оттуда послать... А вы, значит, обормоты, — Москит в упор посмотрел на Ксантю, — просто решили идти напролом в самое пекло. Честно скажу, такой глупости не ожидал от вас. В пекло, понимаешь. Неподготовленные, неумелые, изнеженные городские умники. Без проводника, припасов, оружия и защиты. Если бы я отказался вас вести дальше, узнав про Мута, так все и вышло бы.

— Если ты не согласишься нас вести — да, сами пойдем! — уверенно сказала девушка. — И плевать мне, что там за пекло, ясно?! Гонорар можешь устроить, если это так важно, — неожиданно и абсолютно спокойно добавила она.

— В одиночку я вас даже до Милитари не доведу... — задумался Москит. Похоже, новая цифра гонорара смутила даже его.

— А я тут зачем, по-твоему? — немедленно встриял Скай. — Узнал в городе про вашу группу... кстати, там до сих пор все на ушах стоят... про таинственную посетительницу Мортенсена, про его истерику иочные перестрелки. У меня к Муту должок неоплаченный остался, вот я и решил помочь. Был у нас с ним небольшой, но славный бизнес...

— Ага, — с сарказмом сказала Ксантя. — Я уже поверила. Шел мимо, делать было нечего, решил помочь двум недотепам сгнить к Чернобылю...

— Мимо не шел, твоя правда, специально двинул следом за вами, когда навел справки.

Кто же не любит денежки? Ты, что ли? А чтобы тебе легче было мне поверить... Ну, например, ник Фрау Осень тебе о чем-нибудь говорит?

— Он о чем-нибудь говорит каждому, кто способен залезть в Сеть и сопоставить его с моим настоящим именем.

— А кого Костя в детстве дразнил Оханой? Ну, когда писал твоё имя латинскими буквами?

Опа.

Девушка слегка покраснела. Действительно, был такой случай лет сто назад. Костик как раз начал изучать в школе английский алфавит и дома из вредности написал на стене ее имя через икс. Недели на два бедная Ксанта стала Оханой, пока гадкое имя окончательно не вывело ее из себя и она не расплакалась. Брат женских слез не выносил и немедленно стер обидную надпись.

— Ну как? Подходящий пароль? — поинтересовался сталкер. — Только не радуйся преждевременно. Я Мута месяца три уже не видел и просто хочу помочь его найти. Говорю же, должок за мной остался.

— Ты же не желторотик, Скай, чтобы к ветерану в отмычки наниматься, — прищурился Москит. — Зону топчешь дальше меня, наверное. И что, вот так запросто готов работать вторым номером? Ни в жизнь не поверю.

— Так у меня профиль другой, брат, — смиренно пояснил Скай. — Я никогда никого в Зону не водил, тут все козыри у тебя на руках. Зачем мне влезать не в свое дело?

— Ладно, пусть так. Но у меня будет одно железное условие: раз ты готов быть вторым номером, тогда должен беспрекословно слушаться старшего. Не спорить со мной, не качать права, а выполнять, что скажу. Как тебе такое?

— Справедливо. Но ты верно сказал, что опыта у меня не меньше твоего. Давай договоримся, что изредка я буду давать тебе советы на маршруте — без ущерба для репутации ведущего. Ум хорошо, а два лучше. Согласен?

— Заметано, брат.

Сталкеры на удивление быстро договорились, и дальнейшие переговоры с клиентами взял на себя Москит. Он немного поторговался насчет гонорара, но заметно было, что теперь, с появлением напарника, он почувствовал себя увереннее. Сошлись на тройной цене для него и двойной доле погибшего Пифы для Скай.

В повисшей над окрестностями тишине отчетливо прозвучал далекий тосклиwyй вой.

— Надо уходить, — озабоченно сказал Москит. — На этот могильник скоро соберется целая толпа едоков. И те, кому трупов не хватит, вполне могут попробовать закусить нами. А я этого очень не люблю: вредно для здоровья. Надо отползти хотя бы на пару километров и искать место для ночлега. До темноты все равно далеко не уйдем.

Ксанта кивнула и спросила:

— Раз мы обо всем договорились, можно узнать, как ты нас поведешь?

Ведущий пожал плечами:

— Посмотрим, как фишка ляжет. Тут мы засветились, так что в любом случае с маршрута придется сворачивать. Для начала двинем в обход Милитари, через Мертвый город. Как думаешь, Скай?

— Ты проводник, тебе виднее, — равнодушно сказал тот.

Глава 10

Вечером маленький лагерь долго не мог угомониться. Ксанта с Кузнецом о чем-то шептались, сблизив головы вплотную, — Скай был на сто процентов уверен, что они секретничают на его счет, но прислушиваться не стал. Эти двое сейчас слишком напуганы и обескуражены открывшимися обстоятельствами, чтобы верить подозрительному незнакомцу. Ну и хрен с ними, все равно им деваться некуда. Однако и Москит, несмотря на то что поставил нового напарника на первое дежурство, вряд ли сейчас спит. Только делает

вид, а на самом деле незаметно следит за помощником: как поведет себя, что будет делать? Репутация репутацией, но доверие здесь, в Зоне, — лежалый товар, и сколько бы ни твердили, как свято тебе доверяют, проверять будут долго и тщательно, в полном соответствии с мудрой пословицей.

Ксанта тоже исподтишка следила за Скаем. Очень подозрительный персонаж. Появился неожиданно и удивительно вовремя. А что, если это именно он натравил на башню стаю кровожадных мутантов, чтобы потом, благородным героем и спасителем, втереться к ним в доверие? Неизвестно, правда, каким образом он это сделал, не было подтверждений, что животными в Зоне можно управлять, не будучи контролером, однако слухи о подобном ходили давние и обширные.

Да, пароль он назвал правильный, вряд ли кто-нибудь кроме Костики мог ему рассказать о той старой истории с буквой «х» вместо икса. Только брат ведь мог и не знать, что говорит с предателем. А может... может, Костики вообще пытали и вырвали секреты силой!

Конечно, она не надеялась, что Скай прямо сейчас достанет из кармана рацию, обменяется парой фраз с таинственным собеседником, и все станет понятно. Или, скажем, подаст кому-то условный знак в полночь керосиновой лампой. Вряд ли все будет так примитивно. Но почему-то ей казалось, что он обязательно себя выдаст. Дениска, простая душа, рвался немедленно взять нового второго номера на мушку и допросить с пристрастием, но Ксанта его отговорила. Кавалерийским наскоком ничего не узнаешь, лучше уж пусть думает, что все в порядке, что он умело проник в группу и никто его ни в чем не подозревает. Тогда шпион расслабится и потеряет бдительность. Если же трясти оружием почем зря, то, во-первых, неизвестно, чем все закончится, новый проводник явно не новичок в драке. А во-вторых, лучше уж пусть будет у них на виду, чем крадется по пятам и следит из-за кустов. Кузнец, кстати, считал, что и Москит взял Скай напарником именно по этой причине: известный враг всегда лучше скрытого.

В том, что Скай именно враг, Ксанта ни секунды не сомневалась.

Денис уже хралел рядом. Беспечный, как все мужчины, он заснул, едва они перестали шептаться. Девушка даже позавидовала: как он может столь безмятежно спать после всего, что сегодня произошло? У нее, конечно, тоже давно выгорел адреналин после утренних погонь и вечерней ловушки, слипались глаза и голова налилась неимоверной тяжестью, но спать было нельзя. Никак нельзя.

Наблюдать за неподвижным Скаем оказалось делом непростым, особенно если пытаться делать это незаметно. Вскоре Ксанту начало со страшной силой клонить в сон. Тогда она решила заодно изучить обстановку: пару часов назад, когда Москит привел группу на платформу заброшенного полустанка, ей было уже все равно, где они, зачем и куда идут.

В сумеречной полуночье, правда, мало что удавалось разглядеть, но на западе мерцали странным малиновым светом облака — прощальный привет от давно ушедшего солнца, а сквозь неплотную дымку маячил матово-желтый рогатый месяц.

Москит обмолвился, что раньше платформа называлась «Энергетик», здесь когда-то ходили пригородные поезда из Припяти в Киев. В поселке с таким названием наверняка имели свои шесть соток работники атомной станции, ездили по выходным сажать картошку, смородину и клубнику, толпились в тамбурах с лопатами и саженцами.

Теперь на полустанке царило унылое запустение. Бетонные плиты по краям платформы крошились прямо на пути, рассыпая по шпалам серо-зеленый от сырой плесени цемент. Кое-где уже сиротливо торчали голые арматурины, скрюченные, как артритные пальцы старой прачки. Асфальт поверх плит вздулся и пошел трещинами, через рваные дыры в покрытии пробивались пучки травы, а в паре мест даже небольшие деревца. Станционный домик, где раньше продавали билеты и висело расписание, зиял пустыми провалами окон. В загаженных углах равнодушный ветер намел кучи мусора и серой бетонной пыли. Проводники и Денис немного расчистили место ночлега, но все равно лежать было неприятно.

Сон медленно затягивал Ксанту в свои объятия. Она уже несколько раз проваливалась на пару секунд в тихое забытье, потом заполошно вскидывала голову: заснула!

И тогда она вспомнила об одном незаконченном деле. Гадание. Конечно.

Днем, на привале, она не стала лезть в толкователь, прикинула результат по памяти. Рядом стоял Москит, и ей не хотелось рыться в сумке у него на глазах. Он бы поднял ее на смех. А вечером все сбылось неожиданно точно — и башня, и жар, и опасная ловушка меж двух огней. Правда, сначала не было времени удивляться, а потом не стало и сил, к тому же успех гадания казался теперь такой смешной ерундой после нафаршированного событиями вечера. Раскаленные стены башни, толпа мутантов, ураганная стрельба, гора смердящих трупов и подозрительный сталкер с приветом от Костика...

Книга никак не хотела открываться на нужной странице, Ксантано тихо ругалась, листала толкователь, стараясь не шуметь, и подносила его к самому носу, разглядывая в неверном лунном свете рисунки рун.

Наконец нужный расклад нашелся.

Да, точно, вот он. Автомат, Противогаз и Башня, две Шестеренки, Восклицательный знак, Факел и Гаечный ключ. Гм... «Беспокойная натура приведет вас к новым испытаниям, которые вы сможете выдержать с честью и прибылью, если будете больше доверять подчиненным и постараитесь не делать за них всю работу». Дальше шло подробное объяснение каждой руны, но Ксантано не стала вчитываться.

Странно. Оказывается, комбинация, выпавшая ей днем, имеет совсем другое значение, спокойное и безопасное. Нейтральное и ни к чему не обязывающее, как гороскоп в воскресной газете. Собственно, так и должно быть, когда перевернутых рун оказывается слишком много. Почему же ей подумалось иначе?

Да, Факел в самом деле означает огонь, но совсем при другом раскладе, а тут, в сочетании с Гаечным ключом и двумя Шестеренками, он предсказывает лишь новые свершения на трудовой ниве. Освещает, так сказать, путь к сияющим вершинам рабочего процесса.

Но в тот момент она была на сто процентов убеждена, что вспомнила правильно. Толкование всплыло перед глазами так четко и ясно, словно она прочитала его. Ксантано даже могла бы заключать пари, что ничего не перепутала, — так она была уверена.

И ведь сбылось же. Именно башня-ловушка, жарка, опасности с двух сторон... и никаких подчиненных-бездельников. Хотя беспокойная натура действительно привела ее к новым испытаниям, а доверие проверяется на прочность прямо сейчас.

Засыпая, она в полудреме продолжала размышлять над странными совпадениями в обоих гаданиях — правильном и неправильном. Первое сбылось на сто процентов, даже как-то неуютно становится от попадания в десятку, а второе вроде бы о чем-то предупреждало на будущее, несмотря на явные несуразности про каких-то там подчиненных. Ну, кто у них в группе помощник и подчиненный? А кто главный? Наверное, Москит.

Ведь не она же, правда?

Но утром всех поднял именно он. Выглядел ведущий свежим и бодрым, хотя и дежурил всю вторую половину ночи.

— Подъем, лежебоки! Много спать вредно для здоровья, тем более в Зоне. Это вам насчет подкрепиться, — он раздал всем по запаянной упаковке натовского армейского рациона. — Потом можно в кустики. Только далеко не отходите. И лучше вдвоем: один гадит, второй охраняет. Уж извините, если кому неудобно или воспитание не позволяет. От стыда пока никто еще не умер, а от невнимательности — куча народу. Бывало, что и с голым задом.

Денис немедля осклабился и заржал, как племенной жеребец, так что Ксанте очень захотелось его чем-нибудь стукнуть.

Чуть позже она, морщась и стараясь дышать через раз, ковыряла ложкой в консервной банке тоскливого желтого цвета. Свинина с бобами: предельно питательно, сбалансировано

по жирам, белкам и углеводам. И совершенно несъедобно. Цветом солдатская еда походила на просроченный тональный крем, а вкусом и консистенцией... да на тот же просроченный крем она и была похожа вкусом и консистенцией. Ну и запах от нее исходил не сказать чтобы аппетитный. Запах старого ластика.

— Доедай быстрее, — поторопил ее Кузнец. — Сейчас выдвигаемся уже.

— Не напрягайся, врет он все, — заявил Москит. — Полчаса у тебя еще есть. Банки только не выбрасывайте, надо будет их закопать, чтобы не наследить тут почем зря.

— Почему вру? — обиделся Кузнец. — А чего же вы тогда всё на часы поглядываете?

Скай хмыкнул, повернулся к ведущему:

— Через пять минут?

— Через семь, — ответил Москит. — Утренняя. Точно по расписанию.

— Что — по расписанию? — Ксанта отодвинула ненавистную банку; ложку вытерла платком и спрятала ее в карман.

— Да ерунда, — заверил Москит. — Не обращай внимания.

Скай лишь молча покачал головой.

— Ясно, — сказал Кузнец. — Крутые сталкеры готовят лохам очередной сюрприз. Как жрецы майя к две тысячи двенадцатому году.

— Почему майя? — удивился Москит, не въехав в шутку. Две тысячи двенадцатый год давно уже остался в прошлом, и все ожидания мирового апокалипсиса — вместе с ним.

— Да они тоже становились страшно важными и таинственными, когда выходили на центральную площадь предсказывать затмения. Простой народ писал кипятком от их божественной мудрости и падал ниц...

Ксанта хихикнула, но тут же осеклась. Толкнула Дениса локтем.

— Смотри, — сказала она. — Посмотри на рельсы!..

Проржавевшие железные полосы, убегавшие к горизонту, проснулись от многолетней спячки. По ним катился отдаленный гул, на стыках и костылях зашевелилась ржавая крошка.

— Тут ходит поезд? — изумленно спросила Ксанта.

— Да какой поезд в Зоне! — отмахнулся Москит. — С ума сошла?

Скай флегматично жевал свою порцию, запивая водой из фляги. Сделал последний глоток, аккуратно завинтил крышку и проговорил:

— Года четыре назад военные хотели добраться до атомной станции по резервной ветке. Пригнали мощный тепловоз, прицепили к нему пару спецвагонов, забронировали их, как черепаху, поставили экраны, противорадиационную защиту, огнеметы... Получился самый настоящий бронепоезд.

— И что? — Кузнец не отрываясь смотрел на железнодорожное полотно. Рельсы гудели все громче и уже начали едва заметно подрагивать.

— Да ничего, — равнодушно произнес Скай и замолчал.

— В смысле — ничего? — уточнил Денис, не дождавшись продолжения.

— Связь пропала на втором километре за Периметром, а обратно бронепоезд не вернулся.

— И никто его больше не видел? — удивилась Оксана.

— А никто особо и не пытался, — вступил в разговор Москит, поскольку Скай явно не был расположен поддерживать беседу. — К той ветке бродяги не ходят, слишком опасно там. Непредсказуемое поле аномалий: никогда не знаешь, какие спецэффекты тебя ждут в этот раз. Некоторые вообще утверждают, что там наше пространство с чужим пересекается, откуда к нам вся эта погань лезет мутантная. Пока не разобрались, сколько бродяг полегло! Даже переходить через железку не много найдется желающих, не то что ехать или идти вдоль путей. Вертолеты в том районе постоянно падают. Военные пытались снарядить спасательную экспедицию, но не нашли проводников и отступились. Вроде бы даже спутниковая съемка не помогла. Спутники вообще плохо Зону видят, чудовищные искажения...

— А... а это не он гудит? Ну, тот, пропавший бронепоезд, — поинтересовалась Ксанта,

на всякий случай отодвинувшись от края платформы.

Москит со Скаем переглянулись.

— Нет, — ответил ведущий, — не он. Но почти.

Нарастающий гул двигался с севера, послышались какие-то щелчки и нестройный железный шелест. Если закрыть глаза, то и вправду можно подумать, что они вчетвером, усталые и замерзшие, возвращаются после долгого похода за грибами и, сидя на пригородной платформе, высматривают долгожданную электричку. Ну вот и она, наконец...

— Там на самом деле что-то едет.

— Ага, — с удовольствием сказал Москит. — Сюрприз жрецов майя.

Монотонное гудение вдруг изменилось, тональность звука начала медленно понижаться, пока тот не стал похож на басовитый рык дикого зверя. Невидимый поезд тормозил.

Ксанта почувствовала, как зашевелились волосы у нее на голове. Спрессованный локомотивом воздух дохнул в лицо, смел с края платформы перекатывающийся мусор. Поднятая движением воздуха пыль танцевала в лучах утреннего солнца.

От горизонта до горизонта, сколько хватало глаз, рельсы оставались пустыми и заброшенными.

— Да где же он? — громко спросила Ксанта, не выдержав томительного ожидания.

Гул электродвигателей стих, сменившись бесцветным шипением гидравлики. С грохотом распахнулись где-то совсем рядом автоматические двери. Пахнуло горячим железом и разогретой старой резиной. Ощущения были такими отчетливыми, словно электричка находилась в двух шагах перед ними: вот она здесь, стоит на полустанке, ждет, пока выйдут одни пассажиры и зайдут другие.

Но если доверять зренiuю, возле платформы не было ничего. Лишь дрожал немного воздух над поросшими буйной травой путями — медленно испарялась предрассветная роса.

Глухой металлический голос, спотыкаясь и шипя, неразборчиво объявил что-то по внутренней связи. Наверное, следующую остановку. Или предупредил, что двери закрываются, отойдите от края платформы.

Двери в самом деле закрылись: снова зашипел гидравлический привод, и невидимые створки с грохотом сдвинулись. Травинки на совершенно пустых, заржавевших от непогоды путях слабо колыхались на ветру. Ксанта отчетливо видела, как по ближнему рельсу ползет какое-то насекомое — черная суetливая точка на фоне тусклого железа, — и одновременно слышала и ощущала рядом, дотянуться можно, старую пригородную электричку, какие все еще бегают по маленьkim полустанкам за пределами крупных мегаполисов.

Снова защелкали потревоженные провода, заныли валы двигателей, сначала басом, потом все выше и тоньше: поезд, набирая скорость, уходил к следующей станции.

Потрясенные туристы молчали, проводники снисходительно лыбились, Москит и вовсе жмурился от удовольствия, как сытый домашний котяра. Наконец Ксанта пришла в себя:

— Что... что это было?

— Электричка, — терпеливо пояснил ведущий. — Из Припяти в Киев, она два раза в день тут ходит, утром и вечером. Точно по расписанию, хоть часы проверяй. Только в туман и дождь не слышно. Научники, которые тут копались, говорили, что от сырости какой-то там звуковой хроноколодец нарушается.

— А где она сама? Электричка-то?

— То есть как где? Там, в прошлом. Году в восемьдесят четвертом или восемьдесят пятом. А то и восемьдесят шестом, в апреле двадцать шестого числа.

— Почему мы тогда ее слышим?

— В Зоне на каждом шагу чудеса, — пожал плечами Москит. — Тут если удивляться все время, то удивлялка быстро перегревается и отказывает. Эта штука хоть безвредная, спасибо и на том, обычно-то сюрпризы здесь все больше неприятные.

У Ксанты засияли глаза.

— Да это же самый настоящий временной феномен! Тут надо провести комплексное

исследование. Если это действительно звуковой отпечаток электрички, проходившей тут во время Первого взрыва...

— Не надо, — прервал ее Москит. — Не надо никаких исследований. Все исследования в Зоне заканчиваются горами трупов, уж поверь мне. Особенно если за дело берутся военные. Они тут копались уже, я вроде говорил. Успели выяснить, что под влиянием особых аномалий над платформой образуется звуковой эффект, похожий на гало или мираж. Только в горах зрительный, а здесь звуковой. Откуда он возникает — кровосос его знает. Может, правда из прошлого, может, из-под Киева, а может, и вовсе ниоткуда. Прямо тут образуется, сам собой. Какой-нибудь разряд — бац! — и возникает цепочка шумов и звуков, от которой у нас челюсти отпадают. Псевдоплоть вон тоже иногда что-то разумное бормочет, как попугай...

— Москит, — тихо сказал Скай, — у нас гости. Подожди, не шевели головой. Сто шестьдесят градусов, юго-восток. Пять засечек.

Старший проводник сдвинул обшлаг рукава, глянул на экран ПДА и прошептал:

— Опа! По команде всем лечь! И быстро к краю платформы... Сейчас!

Кузнец и Скай рухнули на землю, как по команде «воздух». Ксанта чуть замешкалась и тут же почувствовала, как тяжелая рука прижала ее к асфальту.

— Сумку и рюкзаки — с собой! — снова зашипел Москит.

Денис уже спрыгнул с платформы, помог спуститься Ксанте. Посадил ее на разбитые ступени обвалившегося моста через пути и велел не высываться. Тут же сверху скатился увешанный рюкзаками и оружием Скай. Протянул девушке позабытый «кузи»:

— Не бросай, полезная штука, пригодится.

Денис, пригнувшись, чтобы его не было видно из-за бетонных блоков настила, пошвырял в промоину пустые консервные банки, подошвами нагреб сверху кучу дерна, накидал сорванной травы. Москит одобрительно кивнул, показал большой палец.

Проводники почти одновременно проверили оружие, залегли за высоким настилом платформы, как за бруствером, разом достали бинокли. Кузнец отстал от них всего на пару секунд, но Ксанта видела, что он собой недоволен. Да уж, мужчины никогда не перестанут меряться крутизной, особенно в момент смертельной опасности. Ксанта никогда не понимала почему. Может, так они скрывают свой страх?...

— Вот они! — сказал Скай.

— Вижу, — отозвался Москит. — Что думаешь?

— Похожи на мародеров, но не мародеры. Маскировка хорошая, но в Зоне недавно.

— Думаешь, по нашу душу?

— Слишком уверено идут. Новички. Явно снаружи и явно не из наших. Да и оружие неподходящее для здешних мест.

— Да, пожалуй. Узнать бы, кто их на нас навел... — проворчал ведущий.

Ксанта навострила уши. Ну-ка, ну-ка, интересно, что ответит Скай.

— Никто не навел, — ответил тот. — Идут по следам и ПДА от самой башни. Мы там хорошо пошумели, слепой не пропустит.

— Все может быть, — сказал Москит. — Вот дерымо! Если нас действительно пасут от самого Периметра... Вояки вроде отстали, так теперь еще какие-то ублюдки упали на хвост!

Скай хмыкнул:

— Следов надо меньше оставлять. Я вас тоже быстро нашел.

— Ты следопыт и разведчик, а эти, сам говоришь, новички. Солдатня им помешала своей возней, вот они и подзадержались. А так бы небось еще вчера до нас добрались. Похоже, что ты, — он уважительно глянул на Ксанту, — дорого стоишь. Кто-то очень не хочет видеть тебя в Зоне живой.

Девушка опешила:

— Как это?

— А так. Сдается мне, твой труп давно уже проплатили. Причем задолго до того, как ты появилась в городе. Чтобы снарядить, организовать прорыв и протолкнуть через

Периметр такую бригаду преследователей, надо дня три, не меньше.

— И что? — спросил Кузнец. — Теперь-то уж точно откажешься?

— Нет, — ответил Москит. — Если взял деньги, работу надо доводить до конца. Но всегда полезно знать сразу, с кем имеешь дело. Тогда по-другому можно стратегию выстраивать, более тщательно.

— Ты же знал, — сказала Ксанта. — Знал с самого начала.

— Но не думал, что все настолько погано.

— Как вообще все пронюхали, кто я такая?! Мне казалось, я приехала тайно, нигде не засветилась...

— Детка, — веско сказал Москит, — как только Мортенсен дочитал твое досье, адъютант тут же слил его всем заинтересованным людям. Как говорили в одном старом фильме, эту страну погубят коррупция, джентльмены... Так, тихо! Собрались!

Преследователи разом высипали на вырубленную просеку с той стороны железнодорожного полотна и открыли огонь. Вряд ли они видели цели, скорее всего, просто стреляли в том направлении, которое указывали маркеры на датчиках движения ПДА, чтобы ошеломить противника, прижать к земле, не дать поднять голову.

Пули защелкали по асфальту, покрывающему платформу, мелкая острыя крошка брызнула во все стороны. Ксанте, вжавшейся в бетон, показалось, что вся мусорная пыль летит прямо в глаза, в рот, за шиворот. И значит, все пули направлены тоже в нее одну, в Ксанту!

Она инстинктивно дернулась в сторону, мечтая лишь об одном — скрыться, убежать, выскочить из-под огня, но Кузнец и Скай были начеку. Они схватили ее за локти, вжали в край импровизированного бруствера. Младший проводник зло рыкнул на нее и что-то сказал Денису. Ксанта не рассыпала, но крепкая рука друга стиснула плечо: все в порядке, мол.

Мосkit уже был из АКМК, в грохоте очередей она едва рассыпала Скай:

— Кузнец! Тот конец платформы держи! Если полезут... — Он тщательно прицелился, автомат отрывисто бухнул одиночным.

— Ого! — сказал Москит, осторожно выглядывая из укрытия. — Лихо. Да ты, брат, снайпер!

— Не жалуюсь, — ответил Скай и выстрелил снова. — И эти пусть не жалуются. Не на пикник пришли.

Глава 11

Кузнец едва не цокнул языком от зависти: Скай и в самом деле стрелял мастерски. Попасть с такого расстояния из АКМК, да еще разбалансированного подствольником, действительно мог только настоящий снайпер, сроднившийся со своим оружием и научившийся давать точнейшее упреждение.

Конечно, непристрелянная пушка в руках профессионала — нонсенс. От этого зависит его жизнь, и, само собой, опытный стрелок хорошо знает особенности своего рабочего инструмента и давным-давно его пристрелял. Ведь характер у стволов, даже у совершенно новых, сугубо индивидуальный: один занижает линию огня, второй уводит чуть в сторону и так далее. Мелочи, когда лупишь очередями от пузза, — и серьезные проблемы, когда бьешь одиночными на большие расстояния.

Можно быть сколько угодно везучим и осторожным сукиным сыном, но тот, кто не умеет правильно стрелять, в Зоне долго не проживет. А Скай ведь не просто снайпер, совсем недавно старший проводник не без уважения назвал его следопытом и разведчиком. И сколько бы Москит ни строил из себя крутого бойца, по негласной сталкерской иерархии Скай должен стоять куда выше обычного проводника, таскающего за Периметр экстремальных туристов. А согласился на подчиненную роль. С чего бы это? Неужели просто чуть заработать захотелось?..

Мысли теснились в голове Кузнеца, как сигареты вмятой пачке — ночью Ксанта

заразила его подозрениями, — а руки сами делали привычную работу. Денис скруто бил короткими очередями, не давая врагам поднять головы, успевая одновременно следить и за обоими проводниками, и за противником, и даже за подругой — как бы снова не ломанулась бежать. Для человека непривычного немудрено потерять голову в такой заварухе. Ксанта ведь при всем своем опыте девушка хоть и решительная, но домашняя, войну видела только по телевизору, а тут третья перестрелка меньше чем за сутки. Есть от чего запаниковать.

Оценив выгодное положение и удобную позицию группы Москита, враги залегли. Они стреляли много и беспорядочно и, судя по всему, не прицельно. Скорее всего, выжидали удобного момента. Может, другой отряд мнимых мародеров прямо сейчас замыкает кольцо окружения. Или просто ждут подкрепления...

А то и чьего-нибудь сигнала.

Кузнец сменил пустой магазин и тут же наился на окрик Москита:

— Бережем патроны!

Пули зудели в воздухе роем раздраженных ос. Фонтанчики бетонной пыли то и дело вздымались прямо перед носом, осыпая залегших за платформой.

— С чего это они решили с нами в окопную войну поиграть? — спросил ведущий. — Ждут подмоги?

— В обход пока не лезут, — отозвался Скай. — Я слежу.

Денис и Ксанта потянулись к своим ПДА. Кузнец с трудом разобрался в незнакомом меню, выбрал датчик движения и от удивления даже присвистнул: на маленьком экранчике светились с полсотни засечек.

Скай на мгновение оторвался от прицела, глянул на него. Сказал печально:

— Что ты там опять ищешь? Датчик сначала настроить надо — на массу, температуру тела и прочее. А сейчас он у тебя всякую ерунду показывает.

У дальнего края насыпи неожиданно вспух грязно-красный всплеск гранатного разрыва. Замшелый гравий полетел во все стороны, облако дыма и пыли на мгновение закрыло обзор. Кузнец резко пригнулся, едва не въехав лбом в бетонную плиту. Ксанта инстинктивно прикрыла руками голову — давешний минометный обстрел оставил в памяти солидный шрам. Осколки хлестнули по зарослям кустов возле насыпи.

— Не бойтесь, не достанут, — громко сказал Москит. — Кишка тонка.

Скай порылся в карманах разгрузки, достал тупоносый бочонок осколочной мины, вложил в подствольник:

— Если боеприпасов у них достаточно, могут попробовать соорудить дымовую завесу. Три-четыре выстрела подряд — и броском к нам, под прикрытием дыма.

— Что предлагаешь? — поинтересовался Москит.

— Рассыпаться вдоль платформы. Возьмем в клещи.

— Есть такое дело. Кузнец! На левый край, Скай с ним. Ксанта — за мной!

Москит тут же метнулся в сторону, потянув за собой девушку. Скай ушел вбок плавным перекатом:

— Не спи, напарник! Давай в темпе. И не высовывайся!

Противник снова открыл ураганную стрельбу, старые бетонные плиты ощутимо вздрогивали от десятков попаданий. За спиной посыпались с кустов срезанные пулями ветки.

В тот момент, когда Кузнец упал на локти рядом со Скаем, очередная граната разметала еще метр насыпи. Осколки с тупым звоном забарабанили по ржавым рельсам, сбивая радужную окалину и рыжие чешуйки окислов. Почти сразу разорвалась следующая граната, потом еще одна...

— Сейчас пойдут на прорыв! — рявкнул Скай прямо над ухом Кузнеца. — Не зевай!

Он оказался прав. У нападавших не было другого выхода — выбить умелых стрелков с хорошей позиции можно только гранатами, для чего необходимо подобраться поближе. А когда противник ведет мощный прицельный огонь, это лучше делать под прикрытием минометов или дымовой завесы. Ну или хотя бы наскоро сымитировав дымовую завесу.

Дым, мусор, ржавая пыль и мелкая крошка висели во влажном утреннем воздухе почти

минуту. Этого нападавшим хватило, чтобы подобраться к насыпи вплотную.

Но к тому времени Москит с Ксантой и Скай с Кузнецом уже успели рассредоточиться вдоль платформы.

Поэтому следующая серия гранатных разрывов лишь сорвала с многострадальных бетонных плит ломкую асфальтовую крошку — в укрытии уже никого не было.

Кузнец от нетерпения еле сдержался, чтобы наугад не полоснуть по диагонали серую дымную завесу. Пальцы на спуске дрожали, под веками жгло от вездесущей пыли, и он на мгновение зажмурился, опасаясь, что зрение подведет его в самый ответственный момент.

Когда он снова открыл глаза, оседающая пыль внезапно вытолкнула из себя коренастую фигуру в городском камуфляже и черной маске с прорезями. Враг рассекал пространство перед собой короткими очередями. Из чего — Денис рассмотреть не успел, потому что коротко и яростно рявкнул автомат Скай. Противник выпустил ствол, схватился за горло и упал на колени. Медленно завалился на спину и больше уже не шевелился.

Следующего «мародера» снял длинной очередью Москит, залегший на другом конце платформы. Первая пуля ударила камуфляжного в плечо, развернула его и выбила из рук странную винтовку с толстым коротким стволом. Остальные отбросили уже бездыханное тело обратно в оседающее пылевое облако.

Больше оттуда никто не показывался.

Злой на себя, что проворонил начало атаки, Кузнец водил стволом из стороны в сторону, надеясь поймать в прицел нового врага. Но когда воздух очистился окончательно, на всем пространстве перед насыпью никого уже не было. Только лежали у самого полотна два неподвижных тела.

Датчик движения ПДА показывал три спешно удаляющиеся точки.

— Уходят, — сказал Скай. — Первого с собой прихватили. Интересно, почему?

— Может, живой еще... — пожал плечами Денис.

— Может, — согласился новоявленный помощник ведущего. — Хотя целил я в голову.

Пошли трупы обыщем, глядишь, что-нибудь интересное попадется.

— А не вернутся? — спросил Кузнец. — Перебьют нас по одному, пока ковыряться будем.

— Двое на четверых? Вряд ли. Мародеры такое соотношение не любят, они больше толпой на одного привыкли. А эти определенно косят под трупоедов.

— Наёмники?

Скай молча покачал головой. Проговорил:

— Пошли, вон Москит уже стойку сделал. Не иначе нашел интересное.

Ведущий вертел в руках ту самую странную короткоствольную винтовку. Кузнец с некоторым удивлением опознал в ней итальянский автоматический дробовик СПАС, оружие редкое и мощное.

— Смотри, Кузнец, аппарат двойного назначения! — бодро поведал старший группы. — Если прижмет стая тварей вроде вчерашней и придется отбиваться, лучше этой штуки нету. Ну, разве что огнемет. В упор бьет наповал, подальше — калечит дробью. Останавливающее действие потрясающее: кого не кладет сразу, того отбрасывает на пару метров. А если цель на двух ногах, да еще в бронике, не надо даже раздумывать, куда стрелять. Лупишь на уровне груди или живота, и враг в соседней канаве лежит в изумлении, оставшиеся ребра пересчитывает. Если от боли сознание не потерял, то несколько переломов или эмболию точно заработал. И бери его тепленьким.

— Кого-то из нас хотели взять живьем? — спросил Денис и посмотрел на Ксанту.

Девушка поежилась.

— Зачем спрашивать о том, что сам прекрасно знаешь? — удивился Москит.

— И что, наёмники из-за Периметра смогли бы выбраться из Зоны с пленником? — недоверчиво прищурился Кузнец. — Как-то слабо верится...

— А кто сказал, что они собирались тащить добычу с собой? Допросить и на месте можно, форсированными, так сказать, методами. А после — в расход...

— Тихо! — перебил Денис и снова оглянулся на Ксанту. Лицо ее застыло, глаза расширились. Побелевшие пальцы изо всех сил стиснули ненужный теперь «узи». — Не надо при ней...

— Ты спросил — я ответил, — безразлично пожал плечами ведущий. — Да и ей полезно знать правду. Твой братишко, подруга, нужен очень многим, и нужен позарез. И если эти крайне нуждающиеся ублюдки будут думать, что у тебя есть способ связаться с ним или условлено место встречи, они не остановятся ни перед чем.

Все молчали. Скай набивал патронами расстрелянный рожок, Москит еще на середине последней фразы присел на корточки, чтобы повнимательнее рассмотреть убитых. Кровь из пробитого горла врага залила воротник камуфляжной куртки и, впитываясь в ткань, быстро темнела: казалось, будто на шее трупа повязан неряшливый темно-бурый платок — почти под цвет черной спецназовской маски. Ведущий брезгливо подцепил ее пальцем за край, закатал грубую ткань на лоб покойника. Покусывая нижнюю губу, пристально вглядился в мертвое лицо. Кряхтя, распрямился: похоже, не опознал.

— Меня... убьют? — тихо спросила Ксанта.

— Мы постараемся этого не допустить, Осень, — сказал Денис и бросил тяжелый взгляд на проводников: поддержите, мол!

— Я взял с тебя деньги, и я тебя доведу, — уверенно сказал ведущий, отряхивая ладони друг о друга. — Скай поможет, а мы, уж поверь, в Зоне ребята не последние. Убогие уроды с дорогими пушками не помешают нам выполнить свою работу. У нас ведь как? Репутация превыше всего.

Младший проводник молча кивнул. Кузнец же сразу заметил оговорку ведущего и теперь надеялся, что ее не поняла Ксанта: убогие не помешают, а если придет кто посерзнее?..

Мосkit толкнул ногой второго убитого врага, перевернул его на спину.

— Рожи незнакомые, в лицо никого не знаю. А ты, Скай?

— Тоже. Давай в карманах посмотрим.

Но им так и не удалось найти ничего, что указывало бы на принадлежность покойников к тому или ином клану. Ведущий собрал оставшиеся гранаты, Скай отстегнул от трофеиного «Калашникова» полупустой магазин, вытащил из подсумка еще два, один протянул Кузнецу:

— Пополняй боезапас. Последнее время он у нас что-то хорошо идет.

К удивлению Дениса, ни Скай, ни Москит мощную итальянскую игрушку не взяли. По очереди покрутили в руках, пощелкали механизмом перезарядки, приложили к плечу. Помощник даже сунул в рюкзак горсть толстеньких патронов из красного пластика с латунным дном. Но сам ствол, массивный, элегантный, необъяснимо притягательный в своей убойной красоте, проводники бросили рядом с трупом.

В ответ на недоуменный взгляд Дениса Москит проворчал:

— Патроны к этой дуре хрен найдешь, а с собой на продажу ее таскать — упаришься. Да и купят ее разве что торговцы, за десятую часть цены — чтобы потом впарить самодеятельному новичку с полными карманами папиных долларов. Опытному сталкеру такая машинка без пользы, хотя и шикарная. Вроде как «Бугатти» на лесной опушке: живописно и пафосно, но совершенно ни к чему. — Он тяжело вздохнул. — Ладно, двинули. Чем быстрее мы отсюда уйдем, тем обиднее будет нашим приятелям, когда они вернутся с подмогой.

Проводники быстро увели своих подопечных от заброшенного полустанка и открытого пространства железнодорожной насыпи. Сначала Скай и Москит шли впереди, переговариваясь на сталкерском жаргоне. Ксанта не разбирала и половины, да и Кузнец, когда она оглядывалась на него, только пожимал плечами. Хотя и та часть их беседы, что она смогла расшифровать, не добавляла ни оптимизма, ни понимания ситуации.

— Уже час прошел, — произнес Москит, — а Че про наших жмуриков молчит. Ни одного сообщения не упало.

Скай отозвался не сразу:

— Ты же сам видел их ПДА. Нет связи — нет некрологов. Че, конечно, красава, каких поискать, но не ясновидящий же, чтобы получать сообщения с машин, не подключенных к сети.

— Наладонники без выхода на Че? Значит, все-таки мародеры? Поснимали с убитых...

— Как вариант. Или у них своя, собственная сеть.

Москит что-то неразборчиво буркнул и надолго замолчал. Ксанта заметила, что с появлением в группе нового помощника грубый и вспыльчивый проводник немного подрастерял задор. Скай уже дважды помог им выпутаться из сложных ситуаций, а его советы и предположения не в первый раз оказывались весьма дельными. Москит не мог не чувствовать в нем серьезного соперника. Но Скай никак не проявлял лидерских качеств и подчеркнуто беспрекословно подчинялся командам старшего. Москит даже не стеснялся откровенно с ним советоваться, а ведь кого другого давно бы уже послал.

Интересно, кто из них усыпляет бдительность другого? Или оба затеяли какую-то сложную психологическую игру?

— Кто такой Че? — тихо спросил Кузнец.

— Местный компьютерный гений, — так же тихо ответила Оксана. — Все сталкерские индивидуальные компы подключены к созданной и контролируемой им сети. Туда стекается всякая информация, и все, что может быть полезным бродяге на маршруте, немедленно идет в общую рассылку. Говорят, этот самый Че очень даже не бедствует.

— Ну да, информация — товар хороший, ходовой, — понимающе кивнул Денис. — Кто первый подсуетился, тот и при деньгах. А о чем это говорили наши чингачгуки? Ну, про некрологи?

— ПДА фиксирует координаты и причину гибели сталкера. Сигнал тут же поступает к Че, а от него в общую рассылку. Вот эти сообщения и называются некрологами. Кланы быстро узнают о гибели своих людей, а остальных такие некрологи уберегут от многих неприятностей в опасных местах.

— Значит, если о Косте ничего такого не приходило, он еще жив?.. — ляпнул Кузнец. И тут же пожалел — ну, кто тебя, дурака, за язык тянул? Проводники же именно об этом и толкуют. Некрологов нет, а трупы есть. Вон, у насыпи валяются, внутренностями наружу.

Он хотел что-то добавить, увести разговор в сторону, отвлечь подругу, но Ксанта уже сама все поняла. Плечи ее поникли, однако глаза остались сухими и голос совсем не дрожал:

— Я тоже очень хочу в это верить, Дениска. Очень.

Час спустя проводники разделились — Москит ушел вперед, а Скай занял место в арьергарде. Идти след в след за ведущим и постоянно чувствовать спиной взгляд второго номера было крайне неприятно, Ксанта то и дело спотыкалась, а Кузнец каждые пять минут непроизвольно оглядывался.

Они не доверяли ему настолько демонстративно и так же демонстративно и неумело пытались это скрыть, что Скай даже развеселился. Детский сад какой, надо же! Впрочем, пусть их. От детского недоверия ничего не изменится. Они все равно придут туда, куда надо ему, а не им. Детишки ввязались во взрослые забавы и пытаются выглядеть большими и мудрыми. Заюшки с барабанами.

Конечно, он с самого начала знал, что его будут подозревать во всех смертных грехах. И даже заранее придумал, как завоевать доверие этой биологической миссис, которая явно играла ведущую роль в их дуэте со здоровяком Кузнецом. Времени остается все меньше, пора начинать.

Москит помог ему сам. Любил, любил ведущий покрасоваться перед клиентами, попугать их ужасами Зоны, удивить причудливыми аномалиями. Любой турист жаждет получить за свои деньги незабываемое зрелище, так вот вам, кушайте. Правда, нынешние ведомые были не совсем туристами, но навыки экскурсовода настолько въелись в подкорку, что Москит уже не мог удержаться.

Здесь, на краю Милитари, когда-то стояла мощная понижающая подстанция —

распределяла полученный от ЧАЭС ток высокого напряжения по мелким районным потребителям. Второй взрыв раскатал ее в блин, но насыщенная электричеством площадка никуда не делась, к тому же все эти годы мощные заземляющие шины уводили излишек энергии в землю.

В итоге получилась опасная и непредсказуемая территория, под завязку заряженная дармовым электричеством. Воздух трещал и искрился мелкими разрядами, короткие молнии то и дело били вниз и вверх, а контактные пары налезали друг на друга, как билльярдные шары в переполненных лузах. Еще со времен самых первых, легендарных сталкеров это место прозвали Огнезмеем. Сюда время от времени легкомысленно забредали новички, кое-кто даже возвращался, а неудачников, запеченных внутри собственных бронежилетов, хоронили военные — у них совсем рядом пролегал маршрут снабжения для исследовательских лагерей на Милитари, и разбросанные трупы, к которым не рисковали приближаться даже слепые собаки, нервировали их до крайности.

Пока Ксанта и Кузнец ахали и наслаждались созерцанием смертоносной, но чрезвычайно красивой пляски разъяненного электричества, Москит прикинул безопасный обходной путь. Старая проселочная дорога была вся исчеркана следами электрических ударов, но рядом тянулась заросшая дренажная канава, по которой можно было пройти совершенно спокойно — если не лезть в воду, конечно.

— Все, собирались, — сказал ведущий. — Не стоит тут долго торчать. Продвигаемся по краю во-он той канавы. Шагом, не торопимся. Кузнец первым. Особо не дергайся, там ничего страшного нет, но в воду не наступай. На дно даже не смотри. Упаси тебя бог поскользнуться. Знаешь, что бывает, если уронить в ванну оголенный провод?

— Пробки вышибет, — ответил Денис.

— Ага. И тебя заодно. Поэтому лучше иди посуху...

— Подожди, — вдруг сказал Скай. — Не надо по канаве.

— Почему вдруг? — вскинулся Москит. — Всегда там ходили. Если идти по краю, ни один разряд не достанет.

— Смотри: трава на склоне пожелтела. А зеленой нет, не наросла. Почему?

Он увлек за собой Ксанту с Кузнецом, встал за бетонным коробом бывшего стокового коллектора метрах в двадцати от начала канавы. Здесь почти не пахло озоном, да и сухой треск разрядов был почти не слышен. Москит отступил следом и настороженно спросил:

— Дальше-то что?

— Смотри.

Скай достал из кармана красный цилиндрик — трофейный патрон от итальянского дробовика. Покрутил в пальцах, подбросил на руке и вдруг изо всех сил швырнул в направлении канавы.

— Какого... — начал Москит.

В воду маркер упасть не успел. Не долетев полметра до воды, он вдруг засветился нестерпимо ярким фиолетовым светом, дернулся и взорвался. Сразу с обоих склонов канавы в него ударили зигзаги ослепительных разрядов, шипение и треск слились с хлопком взрывного возгорания пороха. В центре бело-голубой свистопляски столкнувшихся молний расцвел огненный шар. Пластиковый патрон лопнул, крупная черная дробь брызнула во все стороны. Свинцово-железный дождь вызвал новую серию разрядов, чуть ли не в каждый шарик вонзилась стремительная электрическая стрела, превращая металл в горячие тяжелые капли. Они падали, с шипением проваливались в воду, твердели и уходили на дно. Поверхность дренажа забурлила, от ее радужной пленки вдруг повалил пар, а под ней уже бесновались разбуженные придонные контактные пары. Грохот полутора десятков мгновенно разрядившихся электрических аномалий ударил по ушам, миллионы искр разом блеснули настолько ярко, что на сетчатке остался быстро тающий дымчатый след, как от вспышки электросварки.

— Вот теперь можно идти, — флегматично сказал Скай, и в наступившей тишине его голос прозвучал почти так же громко, как новый разряд.

— Да ты охренел, твою мать! — ярость все-таки проснулась в Моските. — Нас же всех чуть на шаурму не поджарило!..

— Никого бы не поджарило, не гоношишь. Я вас зря отвел назад, что ли? Проверить надо было, отчего трава пожелтела. Ты будто первый раз в Зоне. Там, — Скай махнул рукой в сторону канавы, — мы бы как раз и сгорели. От первого же разряда проснулась бы вся эта иллюминация. Не знаю, как остальные, а вот отмычка точно сгорел бы. Зато теперь сможем пройти.

Москит смотрел на него с ненавистью. Да, ведущий малость облажался, такое иногда бывает; но для чего выставлять его на посмешище? Нормальный второй номер вроде покойного Пифы, если бы ему что не понравилось, подошел бы тихонько и шепнул на ухо: так, мол, и так, старшой, думается мне, что ты облажался. Зачем в полный голос объяснять это туристам, да еще устраивать фейерверк для наглядности?

Скай встретил яростный взгляд Москита кривой улыбкой. Ему нормальные отношения с ведущим явно были ни к чему. Идиот, подумал хотя бы, что от этого и его безопасность зависит!

Едва группа ушла подальше от Огнезмея, Москит объявил привал и перекур. Ксанта подумала, что ему, наверное, и самому сейчас надо прийти в себя и успокоиться. Слишком уж грубо и прямолинейно Скай продемонстрировал его ошибку. При этом одеяло на себя вроде бы так и не потянул, довольствовался ролью помощника. Подозрительный тип, очень подозрительный. Зачем бы это ему раздрай в команде? Кузнец в результате определенно напрягся на Москита, который по невнимательности едва не отправил его на верную смерть. Москит, в свою очередь, крепко напрягся на Ская.

Пока разозленные мужики угремо курили, не глядя друг на друга, Оксана хотела снова погадать, проверить себя. Но потом все же решилась задать вопрос, который мучил ее уже вторые сутки.

— Москит?

— А? — Проводник как раз прикуривал вторую сигарету, и его голос прозвучал невнятно.

— Ты сказал, что Костя... ну, мой брат... Мут... мог что-то узнать. А что? Что именно происходит в Зоне, из-за чего его могли... — Она не договорила.

— Да ничего особенного не происходит, — хмуро пожал плечами ведущий. — Большая война всех против всех закончилась, «Монолит» заперли у энергоблоков, научники свернули кучу проектов — у комендатуры людей не хватает. К Мортенсену собираются прислать комиссию, говорят, что по результатам инспекции в Брюсселе должны решить, усиливать контингент или сойдет. Все как обычно.

— Я слышал, — вдруг сказал Скай, — что воду мутят отмороженные кланы вроде старого «Греха». Их финансирует кто-то из-за Периметра. Отсюда иочные стрельбы, и громкий прорыв, и все, что вокруг вас происходит. Ребята усердно злят Морта, чтобы он двинул свое воинство вглубь Зоны, устроил войнушку и положил кучу народа с обеих сторон. Думаю, без «Монолита» здесь тоже не обошлось, ему на руку любые проблемы у военных сталкеров — пока они заняты, экспедиции к ЧАЭС придется отложить. В общем, снаружи варится какая-то серьезная каша, которая должна закончиться большой резней. Тогда ООН, вполне возможно, придется отозвать контингент и передать мандат миротворцев кому-то еще. А Мут мог что-то узнать насчет этого...

— Кому передать? — удивленно спросила Ксанта. — НАТО и так участвует...

— Частным военным корпорациям, — пояснил Скай. — Они активно рвутся в Зону, в штаб-квартире НАТО уже, наверное, шкаф завели, чтобы их запросы складировать. Благородно донельзя: совместные силы ооновцев и натовцев, мол, не справляются, так что нанимайте нас. Мы на Балканах и в Пакистане и не такое видали.

— Разве они смогут охранять Периметр? — удивился Кузнец. — Если я правильно понимаю, только на патрулирование нужна как минимум дивизия.

— У корпораций достаточно войск. И на патрулирование хватит, и на охрану

миллиардеров. Под такой крышей в Зону на сафари с мутантами толпами попрут богатые буратины, а хабар будут скупать прямо на КПП в промышленных количествах.

— Кстати, именно частники больше всего дружат с наемниками, — невесело сказал Москит, стряхивая пепел. Он все еще злился и на себя, и на Скай, и на Кузнеца, и на весь свет. — Помните утренних мальчиков? В кланах уже в открытую говорят, что отстрел самых опытных бродяг давно проплачен. Мол, чистят Зону ребята. Для себя чистят…

Глава 12

«Похоже, — подумал Кузнец, — это задевает их больше всего: кто-то чистит здесь все под себя и ни в грош не ставит их, великих и ужасных профи, сумасшедших счастливчиков, что научились выживать в Зоне, знают все местные секреты и ловушки, ходят через Периметр, как к теще на блины… Вот беда-то — территорию теперь делят серьезные ребята, а их к пирогу не позвали!»

Ксанта поняла проводников по-своему. Ни один не захотел признать, что в их любимой, вдоль и поперек изученной Зоне происходит нечто непонятное. Тишина и благодать, большая война между кланами кончилась, а что может быть серьезнее? Ну да, мутит кто-то воду по мелочам, так это ерунда и возня детсадовцев в песочнице. Вон как мы их ловко на платформе. Даже версия есть — частные вояки. Очень удобная и непроверяемая, зато на нее что угодно списать можно. То-то Москит так за нее ухватился, стоило только Скаю заинкнуться.

Что ж, можно ведь и по-другому спросить. Бросить кости, посмотреть, что выпадет, да и ошарашить сталкеров предсказанием позаковыристее. Посмотрим, как будут выкручиваться.

Денис и Скай как раз прикурили по второй, когда она закончила размешивать костяшки.

— О, нет, — сказал Кузнец. — Опять ты за свое. Смотри, Скай: весь вечер на арене — победа научного метода над темным суеверием.

— Тебе бы только хихикать, — сказала Ксанта, потрясая коробкой. — А в прошлый раз я, между прочим, все точно предсказала. Все вышло по-моему: и башня, и огонь, и западня.

— Ну да, — согласился Денис. — Накаркала.

Скай вроде бы и не слушал их ленивую перепалку, но Ксанта чувствовала, что он следит за ней очень внимательно. Ну, пусть смотрит, если такой любопытный.

Она выбросила костяшки, зажмурилась и не открывала глаза, пока не стих дробный перестук покатившихся рун.

— Гм… — сказал Москит. — И что все это значит? Про Автомат и Противогаз можешь не объяснять — слышал уже.

Ксанта пересчитала открывшиеся технознаки, слегка касаясь их пальцами.

Десять из тринадцати. Действительно, Автомат и Противогаз… даже два Автомата! Кофейная кружка, Шестеренка, Солнце, Микросхема, Вопросительный Знак, Штурвал и Молния. Интересно…

— Второй автомат — это, наверное, Скай? — спросил Москит.

— Может быть… — ответила Ксанта рассеянно. — Я пока точно не могу сказать. Сейчас, подожди…

Ведущий ухмыльнулся:

— Смотри, брат, тебя тоже посчитали!

— Главное, чтобы не вычли, — серьезно ответил тот. — Из всей арифметики я меньше всего люблю вычитание — если вычитают у меня, конечно. Сам-то я не против поотнимать и поделить.

Ксанта в этот раз твердо решила не заглядывать в книгу.

«Посмотрим, что удастся вспомнить. Составлю толкование сама, а потом сравню истинный ответ с тем, что получилось. Озвучу только первый, потом, если не совпадет,

всегда можно будет откреститься — стояли, мол, над душой, гадала по памяти и перепутала варианты».

От крепкого табачного духа заломило в висках, в голове появился какой-то странный шум. Не то чтобы он мешал, но... Что они такое курят, интересно? Махорочный самосад, что ли?

— В общем, так, — сказала она. — Кофейная кружка — это сотрудник в офисе, помощник, Штурвал — эпохальное решение, Микросхема — новое дело, Солнце — победа, достижение, Вопросительный Знак — что-то непонятное, с двойным смыслом...

— А если, так сказать, все в целом? — напряженно спросил Скай. Он как-то слишком серьезно отнесся к этому гаданию. — Вместе с нашими сталкерскими знаками до кучи?

Ксанта задумалась. Голова, помутившаяся от сигаретного дыма, варить отказывалась категорически, боль и тяжесть с висков уползла в затылок и теперь чувствовала себя там вольготно и безнаказанно.

— Если выражаться языком толкователя, то звучать будет примерное так, — проговорила она, тщательно подбирая слова. — Служебное рвение подчиненных может привести к непредсказуемым результатам, вам придется брать инициативу на себя и проявить свой талант в новой области, которой вы раньше не занимались. А теперь дышите своим табачищем в другую сторону, и так голова раскалывается.

Кузнец, добрая душа, немедленно затушил сигарету, Москит выдохнул дым в сторону и помахал рукой, отгоняя его подальше, однако не преминул уточнить:

— Про табачище — это тоже из толкования?

— И к кому это относится? — тихо спросил Скай. — Кто из нас должен проявить талант?

— Не знаю, — честно ответила Ксанта. — Наверное, я.

Ведущий рассмеялся. Кузнец и Скай улыбнулись.

— Ты неправильно предсказываешь, — сказал помощник проводника. — Надо как в гороскопе: «Завтра вас ожидают многочисленные проблемы и нерешенные задачи, но, умело используя свой опыт и знания, вы сможете добиться успеха в работе». Вот как надо — что бы ни случилось, плохое или хорошее, все окажется верно.

— Тыфу на вас! — Ксанта собрала костяшки с рунами. — Смейтесь, смейтесь, балбесы. Вот как проявлю инициативу — чертям в аду тошно станет!

Москит задрал обе лапы вверх:

— Лучше не надо. Инициатива и служебное рвение у нас тут плохо заканчиваются.

— Тебя послушать, — вступил за Ксанту Денис, — так в Зоне абсолютно все плохо заканчивается.

Ведущий помрачнел, сказал угрюмо:

— Именно так и есть. Ты это... прости, что чуть не отправил тебя в канаву. Не проследил, моя вина.

— Ладно, — пробурчал Кузнец, глядя в сторону. — Проехали. Все живы, все здоровы, никого не убило.

— Ну, если все перекурили и наигрались, пора выступать.

Пока мужчины завязывали рюкзаки и прятали окурки, Ксанта улучила момент и незаметно глянула в толкователь.

Ну вот, опять ошиблась. Перепутала странички с вариантами предсказаний. На самом деле выпавшая комбинация означала спорные перспективы в бизнесе и рискованные начинания, которые принесут плоды и неплохую прибыль. По смыслу немного похоже, но никакого служебного рвения подчиненных и никакой личной инициативы.

Странно. Страницы не соседние, между двумя вариантами полкниги, да и руны совершенно разные. Как она могла перепутать? Не иначе, усталость виновата. Усталость и нервное напряжение.

Одно хорошо: перестало ломить виски и затылок, и наконец-то затих глухой шум в ушах.

К середине дня с севера приползли мрачные серые тучи, и от яркого солнца не осталось и следа. Словно кто-то закрасил небо казенной краской, закрасил неумело, но на совесть, не оставив ни одного просвета. Настроение у всех испортилось, Москит зло порыкивал на ведомых, Кузнец и Скай молчали. Ксанта и не пыталась их разговорить — новый маршрут, по которому двигалась группа, оказался тяжелым.

Гнилая кочковатая равнина поросла бурой осокой, кое-где доходящей до пояса. Острые края длинных, как македонские копья, листьев кололись даже сквозь одежду. Отмершие стебли почернели и сочились какой-то слизью. Ведущий запретил их трогать, и Ксанте пришлось долго копаться в сумке, разыскивая перчатки.

Судя по всему, раньше здесь тянулись колхозные поля, но без должного ухода они быстро пришли в упадок. К тому же с запада то и дело подступала вода — там, за горизонтом, как коротко объяснили проводники, лежало нелюбимое сталкерами легендарное Болото. Закованная в узкие гребенки очистных дамб Припять с каждым годом разливалась все шире, топи надвигались на Милитари, отвоевывая все новые и новые пространства. Ровные, словно по линейке прочерченные ряды полей давно размыло, дренажные канавы затянуло тиной, гниющими водорослями и какой-то зловонной мерзостью, которую Москит велел обходить за километр во избежание несчастных случаев.

Осока расступалась перед людьми неохотно: шелест листьев, хруст раздавленных стеблей, чавканье под ногами сливалось в глухой монотонный шум, от которого Ксанте становилось не по себе. Как будто кто-то нашептывал бесконечную скороговорку на неведомом языке, заглушая все другие звуки.

Она почти не смотрела по сторонам и, когда вдруг боковым зрением почувствовала рядом стремительное движение, очень испугалась. Там, в зарослях, параллельно с ними мелькнула большая и ловкая тварь, очертаниями похожая на человека, но приземистая и распластанная, как лягушка, — словно человек этот пригнулся или встал на четвереньки.

Следом за ней прошуршила другая тень, потом еще несколько — таких же быстрых и ловких.

Ксанта завертела головой, пытаясь рассмотреть врагов. Осока угрожающе шелестела вокруг, и теперь девушке казалось, что за каждым остролистым пучком прячется неведомый и опасный зверь.

Наконец, когда заросли немного расступились, она смогла их увидеть.

Больше всего мутанты походили на людей. Но... не так чтобы очень. На гибких и проворных раскоряченных телах сохранились остатки камуфлированной одежды, а у одной твари на лице — или на морде? — имелся рассохшийся противогаз. Драный хобот болтался из стороны в сторону, а из дыр на месте разбитых защитных очков таращились бесмысленные водянистые глаза. Чудовищно грязную, серую кожу человекозверей покрывали струпья и язвы, нестриженые сальные космы слиплись в большие колтуны. Слюнявые шевелящиеся рты с покрившими губами не издавали ни звука.

И передвигались они необычно. Не на четвереньках — скорее на корточках. Мутанты одинаково быстро бежали и вперед, и вбок, и назад, совершенно по-крабы перебирая руками и ногами. Конечности у них гнулись в любую сторону, словно кто-то заменил кости, суставы и сухожилия податливой резиной. Иногда монстры совершали странные скачки, отдаленно похожие на хаотичные прыжки кузнецов.

«Да это же снорки!» — сообразила Ксанта.

Раньше она слышала об этих тварях, хотя на биостанцию люди Циклопа их не привозили никогда. Говорили, что снорками становятся сталкеры или военные, запутавшиеся на Милитари и потерявшие человеческий облик. Излучение Радара, контролеры и жуткая «черная пыль» выжигали им разум и личность, оставив лишь простейшие навыки и скотские инстинкты. Голод рождал новые повадки, радиация и излучения неведомый природы приводили к мутациям, и снорки — те, что смогли выжить, — с каждым днем деградировали все больше, уподобляясь мерзким, жадным, вечно голодным животным.

По другой версии, странный симбиоз человеческой внешности и нечеловеческого поведения снорков был результатом неудавшегося эксперимента, одного из многих, что проводили военные в закрытой от посторонних Зоне между Первым и Вторым чернобыльскими взрывами. Армия пыталась вывести сверхподвижного суперсолдата; как обычно, что-то пошло не так, тему прикрыли, а жуткие результаты проекта заперли в клетках для дальнейших наблюдений. Эти человекоживотные так бы и перedoшли без пищи и воды, если бы Второй взрыв не разрушил их тюрьму и не уничтожил надзирателей.

Хотя деятельностью научников в погонах сталкерская молва привычно объясняла все, от бюреров и контролеров до едкого тумана и того же Радара, второй вариант казался Ксанте куда более вероятным. Пару раз ей довелось наблюдать инспекцию, что приезжала в ее родной Центр биологических инноваций проконтролировать ход исследований. Количество мундиров с большими звездами на погонах превышало число штатских костюмов. Армия всегда незримо присутствует там, где проводятся самые дорогие, самые опасные и самые перспективные исследования.

Спрашивать вслух, права она или нет, Ксанта не решилась — Москит и без того был на взводе. Еще не хватало, чтобы сорвался. Но в любом случае снорки не считались самыми страшными и свирепыми зверем Зоны, и девушка, заметив, что оба проводника не обращают внимания на суевийных тварей по сторонам, перестала дергаться на каждый шорох. Да, мутанты могли напасть на сталкера-одиночку, подкрасться со спины, наброситься из засады и вцепиться в горло. Особенно стаей. Но четверо с автоматами им явно не по зубам, поэтому они, похоже, не решаются атаковать. Кузый звериный умишко помнит, насколько опасным может быть автоматическое оружие в умелых руках.

Дениска тоже оглядывался на каждый подозрительный звук и провожал стволом каждую стремительную тень. И когда их вдруг стало слишком много, не раздумывая нажал на спусковой крючок.

В утренней перестрелке он сплоховал — не поймал момент появления врагов и не подстрелил ни одного из тех гадов, что угрожали его Ксанте. Она, конечно, ничего не сказала и вряд ли даже поняла, как он виноват перед ней.

Но совесть не заглушишь: в бронетранспортере и в башне он сделал все, что мог, а тут допустил, чтобы любимую подругу защищали другие. И кто — какие-то наемные головорезы!

Похоже, сталкеры не замечали, что мутантов становится все больше и они начинают вести себя агрессивно. Пока зверь лишь сопровождало группу Москита, но если не дать им отпор, они накинутся всем скопом — и тогда уже не отбиться. Так ведут себя шакалы и гиены: долго преследуют жертву, а когда та потеряет силы и бдительность, атакуют со всех сторон.

Вот он, его шанс продемонстрировать им всем, что он тоже не лаптем щи хлебает! Он, черт возьми, бывший морпех!

Мутанты двигались так проворно и хаотично, что он даже не успевал их как следует рассмотреть. Больше всего они походили на обезьян в невообразимых лохмотьях, респираторах и противогазах. Да и хрен с ними! Пусть косят хоть под кенгуру, хоть под осьминогов, старая добрая пуля АКМК со стальным сердечником уделает любую тварь, известную по эту сторону Уральских гор.

И в тот момент, когда сразу два монстра промчались точно перед ним, он выстрелил. Пора было уже начинать зачистку местности.

Длинная очередь срезала мутантов словно косой. Первый отлетел в заросли и с треском ломанулся назад, второй, содрогаясь, покатился по мокрой траве.

Человекозвери в зарослях яростно закричали. Похоже, их тут было больше, чемказалось на первый взгляд. Денис, решив, что вот сейчас-то и начнется массированная атака, не переставая жал на спуск:

— На! Жри! Сдохни, тварь!..

Рядом что-то вопил Москит, но Кузнец бил по зарослям без остановки. Пули с

одинаковым чавканьем входили и в мутную жижу, и в уродливые тела мутантов. Осока, уныло бурая на много метров во все стороны, расцвела ярко-красными пятнами.

Несколько очередей — и несколько тварей неподвижно замерли в гуще травы. Остальные, напуганные грохотом выстрелов и запахом крови, улепетывали без оглядки. Автомат щелкнул и выбросил на землю пустой магазин.

И только тогда Денис услышал надсадный, хриплый крик Москита:

— Не стреляй! Стой, твою мать! Сто-о-ой!

Едва затихли выстрелы, ведущий закашлялся и тоже замолчал. Сорвал голос. Ксанта испуганно переводила взгляд с мертвых мутантов на Кузнеца, а с него — на багровое от ярости лицо старшего проводника.

— Ну и зачем? — лениво спросил Скай, сохранивший ледяное спокойствие. — Это ж снорки любопытствовали. Чем они тебе так не угодили, что ты на них столько патронов просадил?

— Это он нам удаль свою молодецкую демонстрировал, дебил! — сорванным голосом просипел Москит. — Как он наперед крутых сталкеров приметил злобных монстров и одной очередью всех положил, прямо загляденье! Тормоз, мать твою! Была команда стрелять, а? Была или нет, я тебя спрашиваю?!

Похоже, на этот раз он по-настоящему вышел из себя. И если кто-нибудь срочно не вмешается, дело вполне может дойти до драки. Кузнец тоже стоял весь красный от гнева, сжимая и разжимая кулаки, словно разминая кисти перед неизбежной рукопашной схваткой.

— Нет, не было, — глухо проговорил он, едва сдерживаясь, — но твари следили за нами и вот-вот могли напасть...

— Да с какого рожна они стали бы нападать?! Снорки никогда не полезут на четверых! Или ты думаешь, мы совсем зеленые новички и не видим, что вокруг нас творится?! Достал ты меня, парень! Конкретно достал!

Тут Денис наконец сорвался и заорал в ответ:

— Да откуда я знаю, что это за твари?! Ты же про них ничего не рассказал! Вы ведь все из себя такие таинственные, усаться просто! Идете впереди и не оглядываетесь — а мы что должны думать?!

— А я что, подряжался тебе по любому поводу лекцию читать?! Или ты уже забыл, что обязан меня слушаться беспрекословно, а? Так я сейчас быстро напомню!

Ксанта решила вмешаться, пока не началось мальчишечье месиво. Но ее опередил Скай:

— Остынь, Москит. Парень не наш. И не отмычка, а клиент. Пока еще не понял, что ему безопаснее слушать тебя, а не свое самолюбие. Так что проще раз объяснить...

— Да был уже этот раз! И не один! Сколько можно плясать вокруг него!..

— Не кипятись. Он ведь не понимает даже, почему облажался. — Скай посмотрел на набычившегося Дениса, изголовившегося к драке. — Думаешь, проблема только в том, что ты на не самых опасных тварей кучу патронов истратил? Так, Кузнец?

Денис пожал плечами:

— Нет, наверное, раз вы так взъелись. Объясни уж, будь добр.

— В Зоне твой главный помощник и друг — не ствол, а чутье. Осторожность, нюх и развитое чувство опасности. И дисциплина, беспрекословное подчинение старшему, у него ведь не всегда есть время объяснять каждую мелочь. Иногда секунды достаточно, чтобы положили всю группу. Ты же сам армейскую лямку тянул, неужели не понимаешь?

— Да понимаю я все! Просто эти твари...

— Твари тебя волновать не должны! — вмешался Москит. Он уже немного успокоился, остыл так же быстро, как при Пифе. Наверное, отходчивость все же была чертой его характера. И говорил он уже почти нормальным тоном, оскорбительные нотки не то чтобы совсем исчезли, но заметно поутихли. Теперь его тянуло поучать.

«Лучше бы уж орал, как прежде, — подумала Ксанта. — У Дениски терпение тоже не бесконечное. Он ведь как лучше хотел, а нарвался на ураган презрения. Если решит, что его

передо мной опустили — а он обязательно так решит, — то может взорваться. Я же его знаю: сейчас парня потянет на подвиги. Вот только этого нам и не хватало».

— Раз не было команды, то и не стреляй, кто бы вокруг тебя ни прыгал, — продолжал ведущий менторским тоном. — Мутанты — они, Кузнец, разные бывают. Некоторых надо валить изо всех сил, пока ствол не перегреется, а некоторых лучше совсем не трогать, чтобы не разозлились. Да и вообще: начнешь палить на каждый подозрительный шорох — считай, засветился, как новогодняя елка. В итоге к тебе такие твари придут полюбопытствовать, кто это тут шумит, что снорки им и в подметки не годятся. Или птичка патрульная прилетит, с той же целью. Или мародеры решат тебя пощупать. Супермены у нас тут долго не живут, здесь не компьютерная игрушка, если облажаешься, начать уровень заново не получится. Хорошо, если останется что-нибудь похоронить, но даже так не всегда бывает. Здесь главное — выжить, парень, а не доказать свою крутизну. А выжить можно только в одном случае: если научишься свой страх слушать. Или ведущего, если страх слушать пока не научился. И когда кто-то из нас двоих, страх или я, скажет тебе, что надо свалить с тропы и отсидеться в кустах — прыгай в сторону. Целее будешь. А захочешь перед кем повыпендриваться, подожди, лучше потом в Киеве перед девчонками свое геройство распишешь в красках, когда вернешься. Наврешь с три короба, расскажешь, как мутантов от бедра валил пачками. Здесь же без слова ведущего геройствовать не стоит, иначе потом некому о подвигах рассказывать будет...

— Знаешь что? — продолжал заводиться Кузнец. — Возле канавы я тебя уже чуть не послушал! И в башне, когда нас осадили звери, слушал в оба уха, как дурак...

Москит опять стал багроветь, но метастазам конфликта не дал разрастись Скай. Неожиданно он вскинул автомат и почти не целясь дал две короткие очереди в сторону. Раздался жалобный звериный вой, и из зарослей прямо на них выкатился подбитый слепец. Пес обиженно выл и дергал задними лапами, но рассматривать полуодолевшую тварь не было времени, потому что заросли зашевелились.

— А вот теперь огонь! — рявкнул Москит. — Вали гадов! Патроны не экономим!..

Он срезал длинной очередью еще одну слепую собаку. Вокруг выли, ревели и рычали выпрыгивающие из кустов радиоактивные монстры — десяток, не меньше. Они лезли отовсюду, мешали друг другу, нарывались на пули, но на месте выбитых немедленно появлялись новые — еще более уродливые, кривобокие, смердящие гнилью. Словно сама Зона прислала их мстить за расстрелянных снорков.

Позади Ксанты, оставшейся за спинами отчаянно матерящихся и палящих во все стороны мужчин, внезапно затрещали ветви. Она развернулась на сто восемьдесят градусов и увидела в полуметре от себя высунувшуюся из зарослей гротескную морду демона, увенчанную четырьмя кривыми, торчащими в разные стороны клыками. Кричать времени уже не было, поэтому девушка прямо от бедра, даже не вздернув оружия, дала длинную очередь. «Узи» действительно повело в сторону, как и обещал Денис. Ствол оказался направлен слишком низко, поэтому первые пули из почти целиком ушедшей в кусты очереди хлестнули чудовище по ногам и груди. Кабан отчаянно взвизгнул, взмыльнув и едва не достав Оксану страшными клыками. Москит тут же отшагнул назад и всадил очередь в оскаленную морду твари. Переполошившийся Кузнец добавил жару, и нашпигованный пулями кабан упал на передние ноги. Мутант еще некоторое время дергался, яростно пытаясь ползти вперед, без ног, с развороченной грудью — все равно, лишь бы добраться до врага и разорвать его, в то время как Денис и Ксанта продолжали рвать его свинцовым дождем, а Москит снова поддержал Скай, удерживавшего противоположное направление.

— Контролер! — выдохнул ведущий, когда звериный натиск ослаб. — Шел параллельным маршрутом, услышал выстрелы и решил, что мы напали на него. Вот и натравил на нас свое стадо...

Наверное, Кузнец сейчас должен был чувствовать себя последним идиотом. Впрочем, именно так он себя и чувствовал. Но на раскаяние и оправдания не было времени — мутанты снова начали наседать. Теперь они перли с двух сторон. Очередной слепец корчился у самых

ног Ксанты с перебитой спиной, другая тварь выла в стороне, вылизывая распоротый пулями бок. Девушка стреляла не переставая и уже ощущала нешуточный азарт схватки. Да, все эти гниющие тела, смрадные пасти, изуродованная плоть вселяли страх, хоть она и видела мутантов раньше, на биостанции. Но бесконечная череда нападений и перестрелок притупили остроту ощущений, оставив лишь дикий, неконтролируемый адреналин охотника.

Это продолжалось всего несколько секунд — а может, целую вечность. Потом боек «узи» сухо щелкнул, автомат захлебнулся, и сколько Оксана ни давила на спуск, больше ей выстрелить не удалось. Во время боя она, в отличие от опытных вояк-мужиков, патроны не жалела, поэтому магазин быстро опустел. Она принялась в панике шарить по карманам бронежилета — был же, был ведь еще один! — с ужасом глядя, как на оставшегося без поддержки Дениса, тут же загородившего ее собой, с удвоившейся яростью наседают свирепые чудовища. Скай покосился назад, но с его стороны дела были еще хуже, поэтому он не решился бросить Москита, чтобы поддержать Кузнеца.

Выстрелы и вой продолжали сотрясать воздух. Так и не найдя запасного магазина, охваченная отчаянием Ксюша раскачивалась из стороны в сторону, обхватив руками гудящую голову. Она совершенно не представляла, что может сделать в сложившейся ситуации, как помочь ребятам. Голова заболела внезапно и очень сильно, словно специально дожидалась самого неподходящего момента. Мощный тревожный пульс бился в затылке. Мысль о том, что верный Дениска может погибнуть из-за нее, выворачивала сознание, заставляла Ксюшу рычать от бессилия. Она готова была врукопашную броситься на хищных мутантов, душить их голыми руками и рвать зубами, но тело не подчинялось ей — казалось, все физические силы уходят на то, чтобы справиться с невыносимым, оглушительным барабанным боем внутри черепной коробки, спустя несколько мгновений окончательно заслонившим собой реальность.

Наверное, она плакала от отчаяния. Кажется, даже дико кричала, поэтому не сразу поняла, что Москит позади нее орет не своим голосом:

— Уходят! Глядите, уходят!

Ксюша с трудом разлепила глаза, возвращаясь к действительности. Оказывается, она еще и крепко зажмурилась, как последняя дура. Груда искалеченных трупов никуда не исчезла, но живых мутантов поблизости больше не было. Зато в кустах царили панический треск и шевеление — твари, которых собрал невидимый контролер, мчались прочь не разбирая дороги, словно за ними гналась сама смерть. Приказы хозяина внезапно перестали иметь для них силу условного рефлекса, и перепуганные звери, только что захлебывавшиеся от страстного желания разорвать врага в клочья, теперь улепетывали прочь с жалобным визгом.

Скай ловко сменил рожок автомата, поднял оружие стволом вверх. Покрутил головой и озабоченно проговорил, ни к кому не обращаясь, но почему-то пристально глядя на Ксюшу:

— Что же их так напугало-то, а?..

Глава 13

Сначала Ксюша даже не поверила своим ушам. Мутанты, удерживаемые контролером, испугались? Как это? Только что лезли вперед, невзирая на ливень свинца,казалось, вот-вот бешеная живая волна захлестнет людей с головой, и вдруг испугались? С чего бы? Контролер полностью отключает своим рабам инстинкт самосохранения. Может, его зацепило случайной пулей? Или, может быть, трусливый мозгодав заметил поблизости кого-то, с кем не смог бы справиться даже со своим отрядом, и поспешил отступить, оставив территорию более серьезному противнику? Допустим, химере. Химеры обычно не выбредали из окрестностей Радара и Милитари, но если уж выбредали и нападали на сталкеров, то требовалось что-нибудь покруче автомата, чтобы с гарантией остановить эти живущие биологические машины для убийства. Скажем, гаусс-винтовка или станковый пулемет...

Гадать было некогда. Москит оттолкнул издахающего слепца, в агонии подкатившегося ему под ноги, и закричал:

— Уходим! Быстрее, пока они не опомнились!

Кузнец помог Ксанте подняться, выхватил у нее из бокового кармашка проклятый магазин, который она так и не сумела найти, одним движением вщелкнул его в «узи». Потянул девушку за собой. Скай пропустил их, метким выстрелом добил умирающего слепого пса, уже не способного броситься наутек, и побежал следом. Он то и дело оглядывался, но больше уже не стрелял: мутанты совсем потеряли интерес к недавним противникам.

— Вперед! Быстрее! — порыкивал Москит.

Ксантा мчалась за Денисом. Едкий горячий пот заливал глаза, упругие ветви хлестали по рукам и животу, кололи и царапали, норовя попасть в лицо и шею. Сначала она недоумевала, зачем куда-то бежать, если их никто не преследует, но потом сообразила, что от химеры в любом случае надо держаться подальше. Мыслей в голове не осталось, кроме одной, цепкой и злой, похожей на яростный рев проводника:

— Не отставать! Вперед!

Она не знала, сколько продолжался этот сумасшедший бег: минуту, час, вечность. Ксантा думала только о том, как сделать следующий шаг, не поскользнуться и не упасть. Ей даже не нужно было следить за дорогой, надежный Кузнец упорно тянула ее за собой в нужном направлении.

И лишь когда заросли осоки неожиданно расступились, Москит скомандовал:

— Стоп! Привал. Суши весла.

Ноги отказывались держать Ксанту, и она села прямо на землю. Мужчины встали вокруг: Кузнец протянул ей флягу с открученной крышкой, проводники, не опуская оружия, внимательно оглядывались по сторонам. Все четверо тяжело, с присвистом дышали.

— Повезло, — сказал Москит. — Могли бы и не отбиться.

— Еще не вечер, — сказал Скай. — Если стадо недалеко разбежалось, контролер их быстро сберет. И вполне может опять погнать за нами: раз смылись, значит, по его разумению, мы слабее. — Он посмотрел на ПДА. — Ничего не видно, осока весь детектор забила...

— Чего они все-таки испугались? Как думаешь, Скай?

— Может, там был второй контролер? — спросил Денис.

Мосkit фыркнул, но ничего не ответил. Младший проводник молча ухмыльнулся.

— Что?! — неожиданно вспыхнул Кузнец. — Салага опять ляпнул какую-нибудь глупость?

Ксантा поняла, что он чувствует себя виноватым и ждет очередной выволочки. Но stalkеры молчат, и взрывному Дениске в каждом их жесте, чуть ли не в самом молчании чудятся презрительные нотки. А лучшая защита, как известно, — нападение.

— Двух контролеров на одной территории быть не может, — равнодушно сказал Скай. — Не уживаются.

Ксантा встрепенулась:

— Да! Я слышала, они как-то договариваются. Вынуждены договариваться. И делят территории, как самые настоящие уголовники...

— Им и договариваться не надо, — хмыкнул Москит. — Все происходит само собой. У контролеров в присутствии собрата страшно болит голова. Вроде как у тех горцев из старого фильма. И чем ближе они сходятся, тем сильнее. А если рядом встанут, то их больные мозги могут и вовсе отказать. Лопнут, как перекачанные воздушные шарики.

— Тогда почему... — начал было Кузнец, но пожал плечами и замолчал. Видно, не хотел, чтобы его опять высмеяли.

— Я бы и сам хотел это знать, парень, — миролюбиво ответил ведущий. — Глядишь, пригодится как-нибудь в следующий раз, когда придется сойтись с мозгодавом на узкой тропинке.

— Может, химера его вспугнула? — осторожно предположила Ксанта, уже готовая к фонтану сарказма в свой адрес.

— Их здесь не бывает, — пробурчал Москит. — Хотя... — Он задумался.

Скай, помучившись некоторое время с настройками ПДА, вдруг спросил:

— Как у нас с патронами?

Ксанта подумала, что он просто решил сменить тему разговора, но по тому, как разом посерезнели Москит с Кузнецом, поняла: вопрос совсем не праздный.

— У меня последний магазин, — виновато сказал Денис.

— Да и у меня негусто. Не готовились мы с Пифой к таким затяжным боям. — Ведущий исподлобья посмотрел на помощника. — Знаешь поблизости чей-нибудь схрон? Если контролер и правда пойдет за нами, без патронов долго не протянем.

— Сам небось знаешь. Старый арсенал «Греха» недалеко.

— На Коллекторе? Тю! Там давно уже пусто, сто лет как все выгребли.

— Все да не все. Среди наших не так уж много умельцев грешниковские секретки вскрывать. Помнишь, был у них такой бродяга по кличке Нитро? Головастый сапер, с фантазией. Его закладку мало кто мог раскурочить. «Должники» не раз пытались до его схронов добраться, потеряли несколько нормальных парней и отступились. Оно того не стоит типа, проще с собой принести. Но у нас вроде выбора особого нет...

— А ты откуда знаешь? Помогал, что ли? — Москит наморщил лоб.

— Да куда уж мне, — слишком простодушно, чтобы это выглядело искренне, отозвался Скай. — Просто слышал. Знаешь, как бывает: сидишь в чужом баре, наливаешься водкой, у братвы языки развязались — мотаешь на ус...

— Ну да, ну да... Значит, схрон берешь на себя?

Скай немного помедлил с ответом.

— Попробую, чего ж. Только с миной разобраться — полдела, надо еще замок открыть. Пилить нам нечем, подрывать — ну на фиг...

Ксанта переглянулась с Кузнецом и улыбнулась. Тот надменно скривился. Вот он, Денискин шанс! Зачем непременно самоутверждаться стрельбой и мордобоем, когда есть другие таланты? Если все получится, он заслужит уважение сталкеров, да и за прошлые промахи будет переживать куда меньше. Тогда и она сама перестанет за него волноваться.

Вот только... Конечно, дома он на спор разбирал любой замок, любую механическую игрушку. Костик, помнится, однажды брякнул, что, родись Дэн на полсотни лет раньше, быть бы ему классным медвежатником. Но вдруг он не справится?

Нет, об этом лучше не думать. Он должен. Должен справиться.

— Денис поможет, — сказала Ксанта. — Кузнецом его прозвали не только потому, что он такой большой и суровый. Он еще и в слесарном деле понимает, правда, Дэн?

Тот вздернул подбородок:

— Попробую.

Москит заметно повеселел:

— А и правда неплохая подобралась команда! Мастера на все руки... Работаем, салаги!

В первый раз за все время группу вел помощник проводника, но и Ксанта, и Кузнец сразу заметили перемену. Скай шел осторожнее Москита, обходил подозрительные места по широкой дуге и время от времени пропускал вперед Дениса. Просил его дойти «во-он до того дерева», а сам ковырялся с наладонником или с автоматом наперевес внимательно обозревал окрестности. Москит усмехался краешком губ, но молчал, и Ксанта неожиданно поняла, что помощник использует Кузнеца в роли пресловутой сталкерской отмычки.

Да, в этом и состояла разница между ними. Москит, профессиональный проводник, старался сохранить клиентов целыми и по возможности невредимыми, для Скай же главным было довести до цели Ксанту, и неважно, с какими потерями. Но Дениска — равноправный участник похода, а не зеленый ученик сталкера, и он заслуживает лучшего отношения.

Сейчас Ксанта решила не вмешиваться, чтобы не отвлекать проводников от прокладки

опасного маршрута, но дала себе слово поговорить об этом с помощником ведущего на первом же привале. И поговорить жестко.

Сталкеры поглядывали в ПДА, Кузнец и Ксанта постоянно озирались, с минуты на минуту ожидая появления верных слуг оскорбленного контролера. Но никого вокруг не было. Датчики движения изредка фиксировали далекие цели, но не больше чем на полсекунды. Может, и правда кто-то шел следом, а может, ветер качнул ветку или протащил по земле клубок жгучего пуха. Или мутанты пугливо поглядывали из кустов на отряд двуногих, который явно был не по зубам одиночным тварям Зоны.

Путь к заветному схрону оказался не столь уж долгим, и примерно через два часа Скай вывел группу на засыпанную бетонной крошкой строительную площадку. Сваленные прямо на грунт шлакоблоки осели и частично стекли вниз, словно расплавленный шоколад. Ветер намел сверху какую-то строительную мишуру, гниющие листья и прошлогоднюю траву, превратив некогда ровные штабеля в безобразные груды мусора. Проржавевший до остова трубоукладчик уткнулся в землю истлевшей стрелой, разбросал по песку ролики и траки рассыпавшихся гусениц. У дальнего края площадки валялись куски труб и толстенные защитные кольца из армированного бетона, похожие на останки поверженного гигантского робота. Между ними притулился неряшливый строительный домик смятыми листами жести на узких, как бойницы, окнах.

— Это снова Свалка? — спросила Ксанта.

Скай закончил проверять территорию детектором аномалий и ответил:

— Нет. Здесь после Второго взрыва хотели построить дренажный отвод, пытались задержать разлив Болота. Но там дальше сильно фонит, много горячей земли, да и мутанты слишком часто наведывались в гости. В общем, бросили стройку на полдороге.

— А потом здесь окопался «Грех», — добавил Москит. — Все вокруг под себя подмял и гонял честных бродяг, как мух от варенья, пока кланы, объединившись, не устроили ему кровавую баню. Схрон внутри, я правильно понимаю?

Вблизи домик строителей выглядел еще хуже. Он осел на лысые по непонятной причине, давно лопнувшие шины, перекосился и врос в землю. Рыжие разводы испятнали стены, вдоль мокрых дорожек в углах нарости шапки белесой плесени. На скрипучих ржавых петлях доживала последние дни осыпающаяся от ветхости дверь.

— Я пойду первым, — сказал Скай. — Посмотрю, не оставили ли где растяжку.

С минуту стояла тишина, потом что-то зашуршало, и вдруг в тишине звонко и отчетливо прозвучал металлический щелчок.

Ксанта непроизвольно зажмурилась.

— Ложись! — заорал Москит.

Кузнец инстинктивно дернулся к Ксанте, собираясь повалить ее на землю, прикрыть собой от взрывной волны и осколков...

Из-за двери раздался флегматичный голос Скай:

— Все нормально. Я снял секретку, можете заходить.

Внутри пахло гнилью деревом и затхлостью. Либо сами строители, либо уже позже сталкеры вынесли из домика все сколько-нибудь ценное — лишь громоздились в углу какие-то рассохшиеся ящики, да стоял у стены несгораемый металлический шкаф. С петель замка и ручек шкафа свисали оголенные провода, а у массивных ножек валялся смятый кусок какой-то бурой глины.

— Уже разрядил? — проворчал Москит. — Не хочешь, значит, делиться секретами...

Кузнец неожиданно вздрогнул и шепнул Ксанте:

— Видишь... там, на полу? Это ж пластит!

— Нитро красиво все сделал, с любовью, — сказал Скай и кивнул Кузнецу. — Теперь твоя очередь. Только когда замок откроешь, сразу двери не дергай. Могли и внутри сюрприз оставить.

Денис опустился перед шкафом на колени, скинул рюкзак и достал коробку с инструментами. Москит присел на ящики, закурил. Ксанта встала в дверях и, чтобы не

торчать у Кузнеца над душой, даже отвернулась.

Пейзаж снаружи оставлял желать лучшего. Унылый строительный мусор, бетонные короба, плесневелое ржавье, и над всем этим — такое же унылое осеннее небо, грязно-серое, с рваными клоками облаков, похожее на школьную доску, наспех протертую ленивым дежурным.

За спиной вполголоса чертыхнулся бывший морпех.

— Что, Данила-мастер, не выходит каменный цветок? — безмятежно спросил Москит.

— Не будешь мешать — выйдет, — зло ответил Кузнец. — Быстро только сам знаешь что получается.

Среди завалов бетонного лома вдруг что-то мелькнуло. Ксанта, прищурившись, вглядывалась в даль, пытаясь понять, не обмануло ли ее настороженное подсознание.

— Там кто-то есть!

Почти одновременно с ее возгласом запищали хором датчики движения у Москита и Скай. Сталкеры переглянулись и, не тратя время на разговоры, начали действовать. Помощник проводника довольно бесцеремонно отодвинул Ксанту от двери, прикрыл ветхую створку и выставил в щель ствол АКМК. Москит выбил прикладом автомата угол жестяного ставня, загнул вверх оторванный кусок.

— Кузнец, — сказал он, — неплохо бы ускориться. Через пять минут на твой товар собирается толпа желающих.

— Построй их в очередь, — сквозь зубы огрызнулся Денис.

Ксанта на мгновение обернулась: он ковырял замок буравчиком, подсвечивая себе небольшим фонариком, который держал во рту. Она снова выглянула за дверь из-за плеча Скай. Неясная тень бродила в отдалении, время от времени пересекая открытое пространство, но близко к домику не подходила. Казалось, тварь вообще не обращает на них внимания.

— Это слепец, — сказал Скай. — Разведчик. Унюхал нас. Сейчас доложит хозяину, разом вся толпа собирается.

— Почему контролер так к нам привязался? — спросила Ксанта.

— Играется, ублюдок. Они по уровню интеллекта не выше восьмилетнего ребенка. — Второй номер приложил автомат к плечу, прогнал мушку прицела сквозь всю линию огня. — Говорят, среди уголовной швали специально таких отбирали — с предельно низким ай-кью. А потом пичкали химией до судорог, пока окончательно не сделали из них дегенератов. Так что контролеры — всего лишь жестокие дети. Ни запретов, ни морали, ни совести. Одни бандитские понятия и распальцовка, да и те на самом примитивном уровне.

— Он мог и прямой приказ получить... — вполголоса добавил Москит.

— Мог, — согласился Скай.

— От кого? — Ксанта с недоумением посмотрела на обоих. Кто может приказывать хитрому и осторожному мутанту, который способен держать под ментальным контролем дюжину-другую зверей Зоны?..

На площадку внезапно выскочили еще несколько слепых собак и два припять-кабана. Твари визжали и рычали, словно адская свора, захлебывались кровавой слюной. Секачи гнали псов перед собой.

— Вот теперь вся гоп-компания в сбое, — сказал помощник ведущего и выстрелил.

Передний слепец взвыл от боли, перекатился через голову и попытался уползти, но разъяренный кабан за его спиной остановил подранка копытами, поддел мордой и, поставив на ноги, толкнул широкой грудью: вперед!

— Москит, с твоей стороны еще гости, — негромко предупредил Скай.

— Да вижу я!

Ксанта успела только повернуть голову, когда старший проводник выпустил через импровизированную амбразуру короткую очередь. В закрытом пространстве грохот стрельбы нестерпимо хлестнул по ушам, зазвенели по полу горячие гильзы.

— Кузнец!

— Скоро уже! Не мешайте.

Скай был одиночными почти без перерывов. Не обращая внимания на потери, мутанты лезли вперед. Две слепые собаки остались лежать неподвижно, одна, поскуливая, дергала лапами, пытаясь подняться, секач с окровавленной грудью замер, покачиваясь, на расставленных ногах, яростный огонь в его глазах тускнел, сменяясь болью и страхом.

Москит снял очередного слепца в прыжке, почти у самого вагончика, и сквозь дыру в окне внутрь брызнула зараженная кровь, полетели грязь и клочья мокрой шерсти.

Сталкер с руганью отпрянул, на несколько секунд прекратил стрельбу, и в оконном проеме замелькали уродливые оскаленные пасти. Собаки подпрыгивали, но никак не могли зацепиться лапами за жестяную кромку. Ведущий снова нажал на спуск, но автомат лишь щелкнул, выбросив пустой магазин.

— Ксанта! — крикнул Скай. — Давай туда! Мочи!

Девушка подскочила к Москиту, который, матерясь, перезаряжал АКМК, выставила в окно ствол «узи» и, даже не зажмурившись, придавила спуск. Легкий и удобный пистолет-пулемет, к которому она уже понемногу начала привыкать, ожила и задергалась в руках. Злобный рык за стеной сменился жалобным воем, потом что-то упало с глухим стуком, и вой превратился в нестерпимый визг, сопровождаемый сочным голодным урчанием. Прогремела следующая очередь; она никого не задела, однако все же заставила мутантов отпрянуть от огрызающейся огнем дыры.

— Кузнец! — рявкнул Скай. — Мы почти пустые!

— Сейчас! Сейчас!..

Москит оттолкнул Ксанту от окна, сбил высоко подпрыгнувшего слепца одиночным выстрелом в голову. Девушка обернулась к Скаю и похолодела от ужаса: в узкую дверную щель лезло окровавленное кабанье рыло. Помощник ведущего отбивался от секача прикладом. У него тоже кончились патроны, но менять магазин времени не было: раненый, но недобитый секач, матерый и наглый, свирепо пер напролом.

— Скай! — крикнула Ксанта. — Лови!..

Она бросила ему «узи». Младший проводник поймал ствол левой рукой, правой в очередной раз саданул прикладом «Калашникова» по морде противнику и, когда тот на мгновение отступил, расстрелял в упор остаток магазина Ксанты. Отбросил израильскую игрушку в сторону, двумя движениями перезарядил свой АКМК, передернул затвор и добил уже и без того нашпигованную пулями озверевшую тварь.

Едва издохший кабан освободил дверной проем, в дверь сунулось бесформенное рыльце. Выпученный хамелеоний глаз провернулся в глазнице и уставился на Скай. Маленький ротик кривился и дергался, обнажая полуосточенные клыки. Кошмарный мутант ворчал и булькал, словно неисправный радиоприемник. Сквозь мешанину непонятных звуков то и дело пробивались обрывки членораздельной речи: «Гармонбозия! Лебенсмиттельгешефт! Глырбеглиау! Кулане расконор!»

— Плоть! — гаркнул Скай.

— У меня тоже! — откликнулся Москит. — Не впускат их!

Невыносимая вонь заполнила домик, Ксанта с трудом сдерживала тошноту. Скай пнул псевдоплоть подкованным ботинком в морду, перебросил флагок автоматического огня и тремя короткими очередями отбросил от входа ненасытную тварь.

— Кузнец! Что у тебя?

Едва слышное сквозь грохот автоматных очередей повизгивание буравчика прекратилось. Раздался треск, потом отчетливый щелчок.

— Готово! — рявкнул Денис.

— Не открывай! — крикнул от двери Скай. — Там может быть мина! Подмени-ка меня!..

Кузнец схватил автомат, встал рядом с помощником проводника. В два ствола они досыпта накормили упорную псевдоплоть свинцом, мутная кровь залила твари глаза и пасть, она жалобно заблеяла, забормотала и уковыляла в сторону, натыкаясь на трупы мутантов.

— Добей ее! — Скай сунул Денису последний запасной магазин и шагнул к шкафу. Не касаясь ручек, чуть приоткрыл дверцы, посветил внутрь фонариком. Что-то поддел внутри отверткой. Затаив дыхание, Ксанта следила за его точными, умелыми движениями.

— Еще одна плоть! Твою же дивизию! — выругался Москит. — Не отобъемся! Патроны нужны!..

Он выстрелил еще дважды, снаружи гневно завопила псевдоплоть, заскулила попавшая под копыта и клыки раненая слепая собака. Потом все звуки потонули в низком утробном вое, от которого засосало под ложечкой и заныли зубы.

Денис всадил в израненную тварь последние пули, сменил магазин. Истекающая кровью псевдоплоть рухнула под ноги атакующему стаду. Два слепца тут же остановились, впились ей в брюхо и начали терзать умирающего мутанта. Однако приказ контролера опять бросил их на штурм. Псы недовольно заворчали, но послушно кинулись вперед.

— Есть! Схрон полный! Ловите! — Скай бросил Москиту сразу два магазина к АКМК, завернутые в промасленную тряпку, сунул другую пару Денису. — И для «узи» есть, надо же!..

— Поздно, — устало сказал Москит, глядя в проем двери. — Два псевдогиганта. И еще плоти. Тут и вагона патронов не хватит.

Скай коротко глянул на потолок домика, дернул за рукав Дениса, ткнул пальцем вверх:

— Люк на крышу видишь? Высаживай к черту!

Кузнец вытащил ящики на середину, забрался на шаткую пирамиду и изо всех сил врезал прикладом по доскам, крест-накрест перекрывшим заблокированный люк.

В дверь сунулась очередная оскаленная морда. Ксанта даже не успела рассмотреть, кто это был, — помощник ведущего вложил ствол прямо в смрадную пасть и нажал на спуск. Выпихнул ногой обезглавленный труп наружу и метнулся к раскрытом сейфу. Схватил какой-то узкий серебристый цилиндр, сорвал крышку и швырнул в дверную щель.

— Откройте рты! — рявкнул он. — Граната! Зажмуриться!

За хлипкой проржавевшей стеной строительного домика неожиданно взошло солнце. Ослепительная вспышка в миллиарды свечей обожгла сетчатку даже сквозь плотно закрытые веки, так, что захотелось зажмуриться еще сильнее. Одновременно раздался невероятной силы грохот, словно десятка полтора гидравлических молотов разом ударили в землю где-то совсем рядом. Пол вздрогнул и толкнул в подошвы.

Ксанта открыла глаза и увидела, как шевелятся у Москита губы, но не услышала ни слова — в ушах стоял лишь монотонный гул. Девушка затрясла головой, непроизвольно зевнула, и где-то за барабанными перепонками лопнула глухая непроницаемая мембрана.

Сразу же навалились внешние звуки — стоали и ревели снаружи ослепшие и оглохшие мутанты, но громче всех орал ведущий:

— ...за хрен!

— Шоковая граната! — гаркнул Скай. — Светошумовой подарок нашему другу! «Грех» при помощи таких честных бродяг в плен брал. Контролер сейчас в отключке минут на пять, ударная волна на них здорово действует, череп у него — отличный резонатор. Пока стадо приходит в себя, успеем свалить. Через крышу. Эй, Кузнец! Тебе помочь?

— Нет, — тяжело дыша, отозвался тот. — Все готово.

— Тогда лезь первым! Ксанта следующая.

Пока Скай опустошал схрон, Москит подсадил девушку, едва успевшую подобрать «узи». Денис ухватил ее за запястья, подтянул к себе. Чудом не оцарапавшись о рваные края люка, Ксанта выбралась наверх.

С покатой и отчаянно скрипящей крыши открывалась панорама побоища. Все подходы к двери и окну домика были завалены грудами гниющего мяса и растерзанными трупами. В клубах магниевого дыма прямо по лужам крови и шевелящимся телам раненых бродили, шатаясь, выжившие мутанты — два секача, несколько слепых собак и псевдоплоть. Еще одна плоть сидела на земле и мелко тряслась всем телом. Из ее многочисленных ран сочилась бурая кровь, мешаясь с сукровицей и едким звериным потом. Неподалеку гротескным

изваянием застыла огромная бесформенная фигура, похожая на распухшую, перекормленную гориллу, тяжело опирающуюся на непропорционально вытянутые руки. Впрочем, при внимательном рассмотрении становилось ясно, что значительную часть тела этой гориллы занимает гигантская уродливая голова, а ее руки, омерзительно напоминающие человеческие, — на самом деле ноги. Передними конечностями кошмарной твари служили неестественно вывернутые куцые обрубки вроде цыплячьих крылышек.

— Псевдогигант! Папочку охраняет, скотина! — Москит выбрался следом за Ксантой, принял от Скай рюкзак, перебросил через плечо брезентовую сумку с медицинской мелочью из схона. Сунулся в люк: — Скоро ты там?

— Сейчас, — глухо ответил Скай. — Уже лезу.

— Давай в темпе, большой скоро в себя придет.

— Вот и хорошо. Удивим его до судорог.

Еще минуту что-то шуршало и перекатывалось внизу, потом на крыше наконец оказался и Скай. Сталкеры обменялись короткими взглядами.

— Думаешь, на север? — спросил Москит.

— Куда же еще? Через грязную территорию контролер не попрется. Здоровье ему дороже.

— Тогда все разом! Вперед!

Все четверо спрыгнули у задней глухой стены домика. В зарослях по краю строительной площадки никого не оказалось. Ведущий знаком приказал двигаться за ним. Через пару секунд вся группа исчезла в кустах. Оглушенные и дезориентированные мутанты не заметили их бегства, продолжая кружить по площадке перед вагончиком.

— Скоро начнутся горячие пятна, — сосредоточенно сказал Москит. — Следите за ПДА. Если датчик начнет падать в желтую зону, дышите через ворот или рукав. Респираторы в рюкзаке у Пифы остались, ну да что уж теперь. И вот еще что: не разговаривайте. Чем меньше пыли и радионуклидов попадет в легкие, тем лучше.

— А обойти нельзя? — испуганно спросила Ксента.

— Нельзя. Контролер не переносит повышенный фон, побоится за нами идти. Эти гады над своим драгоценным здоровьем трясутся, как Кощей над златом. Да не очень там горячо, не волнуйся. Немного бэров схватим, потом выведем радиофагом.

Далеко за спиной прогремел приглушенный расстоянием взрыв. Ксента и Денис вздрогнули.

Скай усмехнулся:

— Хороший у «Греха» пластит был, не протух. Теперь у контролера, надеюсь, совсем бойцов не осталось. Но лучше не рисковать. Для бешеной собаки семь верст не крюк.

— Но... — продолжала сомневаться Ксента.

— Да не переживай, серьезной дозы набрать не успеем. А пыль с одежды потом смоете, тут недалеко озеро есть, — сказал Москит.

— Озеро — это кстати, — криво улыбнулась Ксента, — больше суток уже не мылась.

— Кстати и помоешься, — кивнул проводник. — Только пить не вздумай...

— Я вообще-то и не в Зоне из луж не пью, — едко заметила девушка.

— ...и вообще к воде сильно не наклоняйся, — бесстрастно закончил проводник.

— А то что будет? — заинтересовался Кузнец.

— Не знаю, — поморщился Москит. — Может, и ничего. Но лучше не экспериментировать...

Глава 14

Ничего себе! Значит, предстоит идти через радиоактивные места, но это не страшно, потому что можно отмыться в озере, к которому лучше не наклоняться и вообще близко не подходить. Они что, издеваются?

Конечно, Оксана не думала, что горячая территория будет как-то отличаться с виду. Но

все равно вздрогнула от неожиданности, когда на обычной, ничем не примечательной поляне датчик в ПДА неожиданно посветел и стал наливаться желтым. Едва слышный отрывистый писк начал раздаваться чаще, а потом и вовсе сменился непрерывным тревожным пульсом. Ксанта почувствовала, как по спине пробежал холодок: радиация!

Невидимая смерть.

Проводники почти одновременно накинули капюшоны и прикрыли лица: Москит — шейным платком, Скай — респиратором. Ведущий знаком приказал Ксанте и Денису дышать через ткань. Она закрыла рот шарфом, Кузнец плотно запахнул воротник. Все четверо ускорили шаг.

Монитор датчика несколько раз возвращался в зеленую область, но сталкеры не разрешали ведомым снимать маски.

Жухлая трава под ногами тянулась без видимых изменений, сухие оставы деревьев по-прежнему горбились вдоль едва заметной тропы, но километра через полтора тревожный сигнал запульсировал совсем нестерпимо, а цветовой датчик загорелся оранжевым.

Ксанта почти физически чувствовала, как на теле оседают опасные радионуклиды. В научном лагере им не приходилось попадать в такие ситуации, и теперь ей казалось, что у нее вот-вот станут выпадать волосы и начнет чесаться пораженная кожа. От нервного напряжения действительно появился неприятный зуд на шее и руках.

Заметив ее испуганный взгляд, Кузнец ободряюще кивнул: все нормально, мол, бояться нечего.

И тут оба проводника, шедшие впереди, внезапно остановились. Сталкеры уткнулись в свои ПДА, потом Москит быстро махнул рукой в сторону. Младший проводник повторил его жест и даже покрутил ладонью: скорее, скорее! Денис вопросительно поднял глаза, но решил, что споры сейчас не ко времени, и бросился в указанном направлении. Ксанта ринулась следом. За спиной тяжело топал Скай, то и дело подталкивая ее в спину.

Снова сумасшедший бег. Некогда думать, некогда сомневаться — только бежать. Легкие горят от недостатка воздуха, хочется сорвать с лица шарф, вздохнуть полной грудью, но нельзя, нельзя...

Когда же это все кончится?

Как оказалось — скоро. Через пару минут Москит остановился, скинул куртку и, отвернувшись от группы, изо всех сил встряхнул ее на вытянутых руках.

— Вычищайте одежду! — приказал он. — Быстро!

Кузнец помог Ксанте, потом занялся собой. Она все еще тяжело дышала, сердце прыгало в груди, понемногу успокаиваясь. Датчик радиации на экранчике ПДА вернулся в зеленую зону.

— Тыфу, — сказал Москит, закончив отряхиваться. — Чуть не вляпались в блуждающее пятно. Оно, сволочь, ползет-ползет, а потом как рванет с места, что твой автомобиль. И привет, четвертая степень лучевой болезни. Лучше уж СПИД — с ним протянешь дольше...

— Откуда здесь такие дозы? — удивился Кузнец. — Взрыв-то сколько лет назад был...

— Долгоживущие изотопы. В Зоне этого дерьяма навалом: кобальт, цезий и прочее счастье. В общем, повезло, хватанули не больше одной двадцатой. А что налипло — отмоем.

— Одной двадцатой чего? Допустимой дозы за месяц? — на всякий случай уточнила Ксанта.

— За год. Мелочевку тут никто не считает. — Москит постучал пальцем по наладоннику. — Все, что вот тут намеряно, — ваше, но не переживайте, лишку индралин выведет, не зря же я кормил вас этой дрянью. Щитовидка у вас пока крепкая, не чета нашей, да и свои законные пять раз вы еще не использовали.

— А вы сколько раз...

Мосkit молча развернулся и пошел вперед, даже не дослушав вопроса. От неожиданности Ксанта умолкла.

— Не спрашивай сталкера о полученных дозах, — печально сказал Скай. — Все равно

не ответит. Не твое это дело.

Заболоченный, местами густо поросший привычной осокой луг прикрывал подходы к озеру со всех сторон. В воздухе уже чувствовалась влажная свежесть, но вместо гладкой водяной поверхности вокруг лишь шуршали заросли да едва слышно бурлил где-то неподалеку невидимый ручей. Ноги проваливались в грязь почти по щиколотку, спасала только плотная шнурковка берцев. Ксанта старалась дышать ртом, потому что время от времени в затхлой жиже вскипали зловонные пузыри, да еще с таким звуком, словно трясина вытаскивала из себя какую-то мерзость. Горло мгновенно сдавливала рвотный спазм.

Проводники взяли в сторону и, оставив позади вязкую луговину, вышли к берегу ручья. Тяжелые армейские ботинки зашлепали по воде, смыvшей с них липкую вонючую грязь. Дышать сразу стало легче.

Озеро оказалось куда больше, чем представляла Ксанта. Она ожидала увидеть что-то вроде маленького лесного прудика, но когда группа вышла на мокрый глинистый мыс, девушка от неожиданности широко раскрыла глаза.

Извилистая береговая линия мешала точно определить размеры, но все равно на скромный, затерянный в глухи водоем озеро походило мало. Кое-где его изгибы выглядели геометрически правильными, рукотворными. С севера тянулся слабый ветерок, и чистая водная гладь подернулась рябью, на берег то и дело накатывали небольшие волны. Темная маслянистая поверхность казалась совершенно безжизненной.

— Большое... — сказала Ксанта.

— Скоро еще больше будет, — со странным злорадным удовлетворением заметил Москит. — Болото прет во все стороны, из него ручьи сотнями, и все это богатство течет сюда, в котлован.

Кузнец с интересом вертел головой:

— Котлован? Здесь что-то строили?

— В Зоне все время что-то строили. До взрыва — крупные производства поближе к станции, а после военные развернулись на всю катушку. Правда, не все успели доделать, что собирались. Но для нас главное, чтобы вода была чистая и без фона. А кто что тут строил — это в общем-то дело десятое.

— Здесь есть небольшая бухта. Вон там, слева. Если кто хочет сполоснуться вдали от чужих глаз... — Скай посмотрел на Ксанту, и та почувствовала, что краснеет.

— От чужих глаз, но не столов, — отрезал Москит. — В одиночку подходить к озеру запрещаю категорически. Пусть вон Кузнец тебя охраняет, вряд ли увидит чего новое.

Ксанта смутилась еще сильнее. Естественно, верный Дениска попытался встать на ее защиту.

— Послушай, ты не мог бы... — начал он.

— Мог бы, — легко согласился Москит. — Я много чего могу. А ты запомни: смотри не на ее прелести, а на воду. Понял? А ты, — Москит указал на девушку, — не стой долго на берегу. Не наклоняйся близко к воде и уж тем более не заходи в нее. Смочи какую-нибудь тряпку и обтирайся. Лучше всего подальше от берега. Ясно?

— Ясно, — решительно кивнула Ксанта. — А что за дрянь там водится?

Мосkit пожал плечами:

— Я же говорю: может, и ничего. Но зачем рисковать зря?

Метрах в десяти от изгиба узкой и длинной, как трубка стеклодува, бухты громоздились несколько поваленных деревьев. Ксанта повесила на гниющие сучки сумку и куртку, велела Денису не подглядывать и расстегнула ненавистный бронежилет. Пропотевшая футболка противно липла к телу.

Девушка осторожно спустилась к воде. Озеро дышало спокойствием и чистотой, ленивые волны пощипывали глинистый берег, лишь непосредственно возле него становясь бурьими и мутными. Недалеко, в соседних кустах, негромко переговаривались сталкеры. Ксанта подумала, что вот они-то наверняка будут за ней подглядывать. На всякий случай,

конечно, для безопасности. Не придерешься.

Ну и пусть. Она решительно стащила через голову футболку и блаженно зажмурилась, чувствуя, как ласкает кожу прохладный ветерок. Мужчинам не понять, как может быть приятно раздеться впервые за трое суток. Им дай волю, они будут неделями спать в одной и той же потной майке.

Ксанта быстро смочила футболку в озере, прополоскала на вытянутых руках и, памятую предупреждение Москита, отступила подальше от края. На берегу выжала одежду и обтерлась мокрой тканью от шеи до пояса. От влажной прохлады по коже побежали мурашки: теперь уже ветер заставил девушку поежиться. Она обхватила плечи руками, накинув футболку на спину. Но долгожданного облегчения так и не наступило: девушка все еще чувствовала себя потной и грязной. Не сказать, чтобы вода здесь была идеальной чистоты.

Озеро оставалось все таким же спокойным и безмятежным, разве что волны побежали чуточку быстрее.

— Осе-ень! — крикнул Кузнец сверху. — У тебя все в порядке?

Ксанта ойкнула и прикрыла грудь правой рукой. Помахала Денису — все о'кей, мол, — и вернулась к воде. У самой кромки прибоя прислушалась и еще раз внимательно посмотрела на воду — ничего. Никаких подозрительных пузырей, стремительных теней в глубине, все тихо, мирно и совершенно безжизненно. Что тут может быть опасного, если фон в норме?

Она присела на корточки, зачерпнула ладонями воду и от души плеснула на себя. Холод ужалил Ксанту тысячью иголок, заставив ее тихо взвизгнуть. Она энергично растирлась ладонями, оглянулась — не переполошился ли Денис от ее непроизвольного писка — и снова нагнулась к воде.

И застыла.

Ее отражение на поверхности неожиданно зашевелилось и потянулось навстречу. Сначала вода немного заклубилась, как закипающий суп, потом по краям рамки, очертившей слепок лица девушки, пробежала судорожная волна, подбросила отражение вверх, словно услужливый невидимка и в самом деле протягивал Ксанте зеркало. Пленка воды вспутилась, помутнела, и из ровной и чистой водной глади начал расти тягучий полупрозрачный бугор.

Она попыталась отпрянуть или хотя бы оттолкнуть внезапно ожившее озеро, но почему-то не смогла даже пошевелиться.

— Ксанта! Не сиди там долго! Тебя же предупреждали!

Девушка поняла, что Кузнец ничего не видит, ее спина скрыла от него странное пробуждение озера и причудливое зеркало. Ксанта снова и снова пробовала отодвинуться, отползти, но тело отказывалось ей подчиняться.

Водяной горб все поднимался, сейчас он возвышался над водой уже на полметра, похожий на толстенную полупрозрачную колбасу. С боков его то и дело срывались капли, которые падали вниз, кипящее основание неведомого организма тоже издавало булькающие звуки, и Ксанта надеялась, что шум привлечет внимание Дениса. Она оставила попытки шевельнуть руками — все равно ничего не получалось, вместо этого девушка прилагала все силы, чтобы сместиться назад, перенести центр тяжести с носков на пятки и опрокинуться на спину.

Столб живой воды висел перед лицом, нервно поводя из стороны в сторону бугристым концом с размытыми осколками ее собственного отражения. Больше всего он походил сейчас на щупальце глубоководной морской твари вроде осьминога, которая изучает пойманную жертву, пытаясь понять, что же это такое досталось ей на обед.

Внезапно по краям густого и плотного, как глицерин, гибкого водяного ствола зазмеились тоненькие отростки. Быстрые и стремительные, словно жгутики гигантской инфузории, они заметались вокруг головы Ксанты. Некоторые тут же рассыпались пулеметными очередями сверкающих капель, но на их месте немедленно вырастали новые.

— Что за хрень?! Москит! Скай!!! Сюда!!!

Кузнец закричал во весь голос, спрыгнул с мыса и помчался к берегу.

Как раз в этот момент Ксанте удалось немного откинуться назад, одеревеневшее тело не смогло удержать равновесия, и она медленно завалилась на спину, так и не разогнув ног, словно по-прежнему сидела на корточках.

Прозрачный столб тут же сунулся вперед, вытянувшись из воды еще на полметра. Жгутики схватили девушку за волосы и рванули к себе. Бугристый конец монстра вспучился неровной сферой и с шумным плеском заглотил Ксанту почти до плеч. Теперь со стороны казалось, будто она зачем-то сунула голову в пластиковую трубу и опустила противоположный конец трубы в озеро.

— Ксанта!!!

Со стороны песчаного пляжа гигантскими прыжками летел Скай. Денис на бегу передернул затвор автомата и несколько раз выстрелил в сторону озера. Пули прошли прозрачную колонну насквозь, не причинив водяной твари никакого вреда. Шагнув вперед, он прицелился еще раз, но споткнулся о корни поваленного дерева и с руганью покатился вниз по склону.

Ксанта в панике заметалась, закрутила шеей... точнее, так ей показалось. На самом деле она, как и прежде, даже не пошевелилась. От недостатка воздуха уже шумело в голове, сердце стучало все медленнее, легкие требовали кислорода. Но вокруг ее головы мутно переливался густой серебристый пузырь жидкости, и, когда девушка попыталась судорожно вдохнуть, в горло хлынула вода. В груди захлюпало, бронхи скрутило судорогой, однако парализованная Ксанта не смогла даже откашляться. Она хрюпала и едва заметно подергивалась в прозрачных тисках, а вода понемногу проникала все глубже, заполняя легкие. Сознание ее помутилось, и откуда-то сверху опустилась наконец спасительная темнота.

Денис с ужасом увидел, как его подруга обмякла, как ожившая водная гладь удовлетворенно колыхнулась и потянула жертву за собой, в спокойную и уютную глубину. Он судорожно вскинул автомат и нажал на спуск, но услышал лишь глухой щелчок — при падении АКМК щедро хлебнул песка. Кузнец матерился, глотая слезы, тупо дергал затвор, тряс автомат, снова и снова тянул спусковой крючок, уже ни на что не надеясь.

С шумным плеском в воду влетел Скай. Он вцепился падающей лицом вперед Ксанте в пояс и дернул на себя. Тело девушки немного подалось назад. Тогда сталкер выхватил из ножен десантный штык-нож и с хладнокровием профессионального мясника отхватил почти полметра вытянувшегося водяного жгута. Торчащий из воды кусок забился, словно хвост ящерицы, а отрезанный ломоть выплюнул голову Ксанты и с шумом обрушился на зеркальную поверхность озера миллионами капель, словно кто-то выплеснул ведро воды. Не теряя ни секунды, Скай крепко ухватил безвольно обмякшую девушку под мышки и выволок на берег.

Она не шевелилась. Каблуки армейских ботинок прочертили в песке глубокие борозды, когда помощник ведущего тащил ее прочь от голодного озера. Там, на поверхности, метался в бессильной ярости короткий обрубок водяного столба.

Скай опустил Ксанту на песок. Обнаженная по пояс, она привлекла бы не один заинтересованный мужской взгляд, но сейчас ему было не до глупостей. Розовая кожа девушки стремительно приобретала синюшный оттенок, приоткрытые веки с намокшими, слипшимися ресницами не шевелились. Из приоткрытого рта сочилась вода. Проводник сдвинул брови, положил ладони между соблазнительными округлостями грудей и с силой нажал. Потом еще раз, быстрее и сильнее. И еще раз. Наконец высокая грудь с набухшими сосками дрогнула и начала судорожно вздыматься. Девушка вырвалась из рук Скай и, перекатившись на бок, мучительно закашлялась, пытаясь выплюнуть из легких остатки воды.

Подлетел ошелевший Кузнец, облапил ее, прижал к себе.

— Что... что это... было? — Ксанта с трудом выговаривала слова, выталкивала их из себя вместе с очередной порцией мокрого кашля.

— Да какая разница. Ушло к дьяволу — и ладно, — равнодушно проговорил Скай. —

Главное, что цела осталась.

— Говорил же я не наклоняться к в-воде... — подоспевший последним Москит от негодования даже начал заикаться, как Пифа.

— Подожди бурлить, брат. — Скай поднялся навстречу. — Видишь, хреново ей. Не до нотаций сейчас.

Кузнец набросил Ксанте на плечи мокрую футболку, присел рядом. В глазах Дениса застыло такое страдание, что девушка не смогла выдержать его взгляд и секунды.

— Как ты, Осень?..

— Нормально... — прохрипела она и только теперь вспомнила, что скорчилась полуголая перед тремя мужчинами. Она поплотнее закуталась в футболку, прикрылась руками.

Сталкеры переглянулись и, как показалось Кузнецу, выдохнули с облегчением.

— Ну, раз о прелестях вспомнила, — авторитетно заявил Москит, — значит, все в порядке. Но слушаться старшего все-таки полезно. Для здоровья. Не всегда рядом окажется умелый парень с ножом. Как ты догадался, Скай? Видел эту мерзость раньше?

— Не видел. Но могу спорить, что эта штуковина — дальний родственник зеркального пятна. А его, говорят, военные пытались однажды ковшом вычерпать на землю. Подогнали экскаватор, пошумели у берега... Получилось громко и зажигательно, но пятно в самом деле загнулось. Другой вопрос, что глубоко в болото технику не загонишь...

— Полезно иногда байки слушать, — заключил Москит. — Но самому в них лучше не попадать. Ты отобъешь сообщение Че или мне заняться? Надо предупредить других бродяг.

Скай лишь молча отмахнулся. Поскольку старший группы не стал возражать и торопливо застучал по экранчику ПДА, Денис сообразил, что за сообщение о новой опасности сталкеру явно полагаются какие-то бонусы.

Неловко шагнув к Скаю, он сунул ему широкую ладонь:

— Спасибо, брат. Спасибо, что спас Ксанту.

— Сочтемся, — вяло ответил Скай, но руку пожал.

Когда через полчаса Ксанта, опираясь на локоть Дениса, попыталась подняться, в глазах у нее тут же потемнело, и она с трудом удержалась на ногах. Ведущий пробурчал что-то про себя и объявил повторный привал:

— Пусть сначала в себя придет. В таком состоянии топать по Зоне — все равно что слепому на рельсах танцевать. Может, и получится, но некрасиво и недолго.

При каждом вздохе в груди все еще клокотало, и время от времени Ксанта снова начинала судорожно, с надрывом кашлять, но страх захлебнуться утих — она уже могла спокойно, без предательской дрожи в коленях смотреть на воду.

Верный Дениска сидел рядом и возился со своим автоматом, у берега сталкеры чистили одежду от радиоактивной пыли. Ксанта наблюдала за их уверенными движениями и вдруг поймала себя на мысли, что так и не поблагодарила Скай за спасение. Никак не могла подобрать подходящие слова.

Ее отношение к помощнику проводника понемногу менялось. Ксанта все еще подозревала его во всех грехах, но немногословность Скай и его ровный, спокойный характер, не в пример взрывному Москиту, импонировали ей. Не единожды он спасал всю группу, а теперь вот, не раздумывая, бросился ей на помощь, хотя это и было смертельно опасно. Может, зря она ему не доверяет?

А если не зря? Если он как раз и делает все для того, чтобы усыпить ее подозрительность? Червячок сомнений грыз Ксанту изнутри, она не знала, кого слушать — интуицию или совесть.

А может, он тебе просто нравится как мужчина, а, подруга?

Ко всему прочему Скай пару раз беззастенчиво использовал Дениса в роли отмычки. А ведь не далее как сегодня утром сам говорил Москиту: не ори, мол, на парня, он не бессловесный салага у тебя в услужении. Другой статус. Получается, для него в группе

важна только она, Ксанта? И ради ее безопасности он готов рискнуть не только вторым клиентом, но и собой. Вот только почему? Просто потому, что она очень выгодная клиентка — или ценный приз, за который кто-то обещал Скаю солидную награду?..

Но позже, когда группа вышла на очередную широкую просеку, Скай опять повел себя как последняя сволочь. Ксанта как раз расспрашивала Москита о территориях на их маршруте:

— А почему лес — Рыжий?

— Во время пожара на станции туда отнесло много горячего пепла, — степенно пояснял ведущий. — Во всех смыслах горячего, понимаешь? Старые посадки частично выгорели, частично облучились. Больные деревья потом подчистую вырубили ликвидаторы, но и подлесок уже был заражен — из земли снова полезли деревья с рыжей хвоей. Военные не раз собирались все сжечь, но тут случился Второй взрыв, и им стало не до того. В общем, красота неописуемая, сама увидишь...

Шедший впереди Скай остановился на краю просеки и поднял руку.

— Не знаю насчет Рыжего, а до Железного леса мы уже добрались, — проговорил он.

Москит встал рядом, и оба принялись изучать детекторы аномалий. А Кузнец с Ксантой во все глаза смотрели на открывшийся им нереальный инопланетный пейзаж.

Это была еще одна линия электропередачи — в свое время их много построили вокруг мощной и производительной Чернобыльской станции. Ровные просеки рассекали лес во всех направлениях, могучие железные опоры поддерживали провода, которые несли полученную в реакторах ЧАЭС энергию. Некоторые линии действовали до сих пор, как, например, на памятной подстанции Огнезмей. Но здесь изоржавленные и изъеденные временем опоры не выдержали. Кое-где они лежали вдоль просеки, вытянувшись, словно павшие рыцари. Другие вышки повалились друг на друга, обрушив многотонную массу ржавого металла на еще крепких соседей. Груды скрещенных ферм и бетонных противовесов напомнили Ксанте остовы неведомых механизмов, вроде тех, что они видели на Свалке.

И все это печальное кладбище старого, отжившего свое железа поросло буйными зарослями жгучего пуха. Порой отдельные невесомые комки отрывало ветром, они уносились вдали по просеке, задевая свисающие со стальных профилей косматые патлы ржавых волос. Это были две непонятного происхождения аномалии Зоны, нарастающие на металлических поверхностях. Здесь они пировали на грудах железного лома вперемешку, только пух предпочитал ровные и гладкие площадки побольше, а рыжее мочало волос свешивалось даже с провисших уцелевших проводов.

— Вроде чисто, — сказал Москит. — Спит.

— Надо проверить, — покачал головой Скай. — Если разбудим, мало никому не покажется.

— Пожалуй что. Ладно! Всем отойти! — Ведущий увлек Ксанту с Денисом подальше от края, приказал присесть на корточки. — Если заметите хотя бы один разряд, падайте носом в землю. Они обычно поверху бьют, у земли не достанет.

— Кто бьет? — спросила Ксанта. — И кто спит?..

— Тише!

Скай достал из кармана несколько маркеров, осторожно и аккуратно разбросал полукругом перед собой. Ксанта, поняв, что для расспросов сейчас не время, затаила дыхание в ожидании мощного электрического разряда.

Ничего не случилось.

За длинные вощенные нити младший проводник вытянул обратно часть маркеров. Снова кинул, теперь уже в обход рыжих зарослей, покачивающихся на ближней металлической ферме.

— Эй, Кузнец! — негромко сказал он. — Давай-ка сюда. Прощупаем дорогу...

Однако! Уже даже не стесняется, чуть ли не открытым текстом!..

Тем не менее Денис закинул за плечи автомат и молча шагнул к Скаю.

— Медленно пройди вперед во-он до того куста. Видишь? Иди осторожно. Чуть

почувствуешь покалывание под кожей — сразу отступай, но тоже очень осторожно. И что бы вокруг ни происходило — не шуми. Разбудишь полтергейста, костей не соберем.

— Что за полтергейст? — спросил Кузнец сухо, но чуть дрогнувшим голосом.

— Как начнет тобой о железо стучать, сразу поймешь — что! — вполголоса огрызнулся Москит. — Не сучи руками, он на движение реагирует. И на шум. Проскочим, пока спит. Только надо по одному...

Его слова стали для Ксанты последней каплей. Прямо у нее на глазах сталкеры деловито посылали Дениса на смерть. Иди проверь, мальчик, спит акула или рыщет в поисках добычи. Если рыщет, отступай назад, только очень осторожно...

Она поднялась на ноги и сказала:

— Никуда он не пойдет!

— В самом деле! — тут же оживился Кузнец. Ему не хотелось выглядеть трусом, но теперь, после ее поддержки, качать права было вполне допустимо. — Почему я? Мы вроде платим за безопасность и за проводников, а вы то и дело гоняете меня аномалии разминировать! За что вы денежки-то получаете?!

— Наш пацанчик, кажется, наложил в штанишки, — злобно ощерился Москит. — Ты хочешь, чтобы я вперед пошел? Или Скай? Нет, ты скажи, не стесняйся!

Они уже стояли друг напротив друга, глядя исподлобья и инстинктивно сжимая кулаки. Скай вклинился между ними, посмотрел Кузнецу прямо в глаза:

— Послушай меня, брат. Ситуация предельно простая. Как ты думаешь, далеко вы уйдете без проводников?

— Да при чем тут...

— Именно при том! — рявкнул ведущий. — Отвечай!

— Подожди, Москит, — снова влез Скай. — Пусть скажет все, что думает. А мы послушаем.

— Проводники должны сами искать безопасный проход, а не нащупывать его с нашей помощью! — огрызнулся Денис. — Мы за это заплатили! Согласна, Ксант?

— Конечно, — сказала она. — Я слышала про все эти ваши штучки с отмычками, но сейчас, по-моему, не тот случай...

— Слышала? Молодец. — Скай говорил все так же размеренно и спокойно, словно школьный учитель, растолковывающий теорему Пифагора. — Тогда ты должна понимать, что если проводники начнут рисковать головой в сомнительных местах, то в конце концов эти самые проводники могут закончиться. Вы же не сможете контролировать, как мы проходим маршрут, вы не умеете. И тогда вы останетесь в Зоне вдвоем. Как тебе такая перспектива?

— Но почему все время он? Почему ты постоянно посылаешь вперед Дениса? Давай я пойду! — выпалила Ксента. — Или вам сталкерский кодекс не разрешает брать в отмычки женщин?

— Да запросто! — буркнул Москит. — Просто мужчины традиционно идут впереди. Общество у нас, у славян, такое — отсталое, замшелое, варварское. Бережем самок. Но если, конечно, у парня очко играет, то вообще-то сейчас времена всеобщего равенства...

— Я не трус, понятно?! — взвился Денис. — На себя посмотри!..

— Тихо ты! — Скай ладонью зажал Кузнецу рот. Тот начал было яростно вырываться, но сразу сообразил, в чем дело, и затих. — Не ори, а то полтергейст точно проснется! Шепотом выясните, кто у вас трус, а кто нет. А пока выясняете, я двинул на трассу. ЧАО. — Он отпустил Кузнеца, развернулся и неторопливо зашагал между поваленных мачт линии электропередачи, зорко поглядывая по сторонам.

Денис, мгновенно присмиревший и пристыженный, тряхнул головой:

— Да я же...

— Молчи уж. Тебя просили помочь, между прочим, твоей же подруге, а ты предпочел за нее спрятаться. Смелчак, что и говорить. — Москит двинулся следом за помощником, не отрываясь от детектора аномалий. — За нами держитесь, след в след, герои. Скай, левее

прими...

Где-то глубоко в лесу злобно каркали вороны, но над просекой висела тишина. Ксанта посмотрела на побагровевшего от ярости Кузнеца и побрела следом за проводниками. И краем уха уловила, как Москит вполголоса сказал Скаю:

— Скоро этот клоун здорово нарвется, помяни мое слово. Боюсь, до места мы этот балласт не доведем...

Помощник промолчал. Ксанта посмотрела на них, но лица проводников казались непроницаемыми — ни единой эмоции. Она даже подумала, что ей почудилось. Возможно, потому, что она уже была готова услышать нечто подобное.

Но не от Москита. Нет, совсем не от него.

Глава 15

Ксанта заметила, с каким виноватым видом Кузнец следит за Скаем, который осторожно, но быстро и умело нашупывал безопасный проход через Железный лес. Как бы Денис не бросился очертя голову через просеку, не попытался обогнать проводника и с честью сложить голову ради любимой женщины, не влип в какую-нибудь гадость. С него сейчас станется. Взгляд у него был такой же, как сегодня утром, после расстрела снорков. Москит позабочился. Любимый мужской способ создать проблемы ближнему: взять на слабо.

— Они правы, Дэн, — Ксанта взяла его за руку, — но ты же не виноват. У сталкеров свои порядки и понятия, выработанные практикой, не нам с тобой лезть в чужой монастырь со своим уставом. Он здесь выживают годами, а мы пришли и ушли. Нам тяжело их понять...

— Я пойму, если мне объяснят по-человечески, — буркнул Кузнец. Он немного расслабился, на его скулах перестали играть желваки, но все равно здорово психовал.

— И еще я очень благодарна, что ты пошел со мной, — добавила она на всякий случай. — Без тебя мне было бы в сто раз тяжелее, морпех. Наверное, я бы вообще не справилась.

Денис хмыкнул, но заметно повеселел. Из его глаз сразу испарилась самоубийственная тоска, которой Ксанта так опасалась. Теперь там поселилась привычная мужская самоуверенность. Тоже не бог весть что, но все же гораздо лучше, чем тоска.

Она хотела еще что-то добавить, но тут от края Железного леса махнул рукой Москит.

— Чисто! Спит. Идите сюда, только как можнотише, — ведущий говорил едва слышно, так что смысл его фраз они скорее угадали, чем разобрали.

Скай стоял почти посередине просеки. Когда Кузнец с Ксантой подошли, он лишь искоса глянул на них и промолчал. И слава богу. Москит — тот бы точно не упустил случая съязвить что-нибудь или прочитать очередную нотацию. Пусть даже шепотом.

Она не сразу поняла, что жуткие металлические заросли остались позади. Железный лес пропустил их беспрепятственно — обошлось без электрических фейерверков, и даже таинственный полтергейст, о котором то и дело с опаской вспоминали проводники и который явно обитал где-то здесь, не стал им препятствовать. Ну, должно же и им когда-то везти, не может всю дорогу стоять сплошная стрельба.

На противоположной стороне просеки, в небольшом перелеске, Москит внезапно велел всем залечь.

— Сцена вторая, массовая, — проворчал он. — Те же и разъяренные горожане на площади.

— За нами кто-то идет? — встрепенулась Ксанта.

— Сейчас увидим. — Москит сосредоточенно изучал показания датчика движения. — Мне тоже любопытно, зачем бы эта толпа...

— Покричать? — спросил Скай.

Девушка не поняла вопроса: то ли второй номер слишком тонко пошутил, то ли в его

словах был определенный скрытый смысл. Судя по всему, второе, потому что Москит понял напарника с полуслова:

— Не стоит. Сам проснется.

— Кто? — встриял неугомонный Дениска, которому упорно до всего было дело. Постоянные стычки с ведущим так и не научили его помалкивать. — Этот ваш полтергейст?

Старший проводник ухмыльнулся:

— Он, родимый! Раскрой глаза пошире и не хнычь потом, что злые дяди сталкеры не показали тебе всех красот и чудес Зоны. Скай, эти ребята прут через лес так, словно у них забег в мешках на детском утреннике. Не давешние ли стрелки с полустанка? С подкреплением? От счастья, что наткнулись на наш след, забыли про осторожность...

— Похоже, — лениво проговорил помощник ведущего, беря поляну на мушку. — Такие же неисправимые оптимисты.

Действительно, преследователи шли по Зоне слишком смело, слишком самоуверенно, как будто им незачем было бояться аномалий и мутантов. Костик как-то говорил Ксанте: чем больше людей в отряде сталкеров, тем больше они привлекают постороннего внимания и тем чаще подвергаются атакам как со стороны мародеров, так и со стороны тварей. Да она и сама уже не раз в этом убедилась: их всего четверо, а группа не вылезает из погона и перестрелок.

Этих было семеро. Наверное, они считали, что тяжелое вооружение и высокая численность — непобиваемые козыри, и потому шли громко, не особо заботясь о маскировке. А может, просто слишком торопились, пытаясь догнать группу Москита. Ксанта напомнила себе, что она все еще ценный приз.

Москит с сомнением пробормотал:

— Слишком уверенные ребята. Непуганые. Один даже с пулеметом. Надеюсь, что на станции мы положили их проводника... — Он поморщился. — Хотя я бы на это особо не рассчитывал.

Просеку бывшей ЛЭП незнакомцы взялись форсировать, словно на ней рос не Железный лес, а самый обыкновенный. Разбились на двойки и рванули вперед короткими перебежками, последний прикрывал. Пока первая пара броском проскочила примерно половину пути, бойцы из второй и третьей настороженно водили стволами по сторонам. Пулеметчик занял позицию у поваленной березы, искривленной мутациями на манер колена канализационного слива.

— Почему непуганые? Вон как двигаются, любо-дорого посмотреть, — с одобрением сказал Кузнец. — Профессионалы.

Москит хмыкнул:

— Здесь не полигон и не Татры, морпех, весь этот профессионализм движений — что мертвому клизма. Цирковые номера только на арене хорошо смотрятся, а на деле по хрена, как действовать, лишь бы выжить. Да и когда голова забита таким вот балетом, можно прощелкать что-нибудь действительно важное. А в Зоне если чего упустил — считай, труп.

— Они видят нас на радаре, — сказал Скай. — Точнее, последние отметки датчика движения. Сейчас мы стоим на месте, поэтому засечки плывут. Ребята вполне обоснованно подозревают засаду, все-таки прошлый раз их кое-чему определенно научил. Вот и действуют, как привыкли в таких ситуациях. Но здесь все куда сложнее, и опытный проводник должен был им это пояснить...

Кузнец приложил к плечу автомат.

— Даже не думай, — сквозь зубы предупредил Москит.

— Не думать что?

— Стрелять без команды. И вообще стрелять не думай — здесь, я имею в виду.

— А как же... они? — Кузнец дернул подбородком в сторону просеки.

— О них позаботятся, потерпи. А если кто прорвется, мы со Скаем примем в два ствола. Дыши глубже, парень, расслабься, сегодня ты уже достаточно нагеройствовал.

Вторая двойка преследователей двинулась следом за первой на середину просеки, и в этот момент ветер сильнее, чем раньше, дернул заросли жгучего пуха. Одна из мохнатых

гроздей оторвалась, воздушный поток потащил ее вдоль металлической мачты, цепляя спутанные бороды ржавых волос. Пара влажных сосулек рыжей дряни хлопнулась об землю, далеко разбрзгав активную органику. Один из преследователей отпрыгнул в сторону, спасаясь от брызг кислоты, и наткнулся на остов источенной, насквозь проржавевшей опоры ЛЭП, которая стояла опасно накренившись.

От толчка массивная опора дрогнула и медленно, с протяжным металлическим скрежетом, больше похожим на предсмертный стон, начала заваливаться набок. В какой-то момент показалось, что она таки нашла точку опоры в новом неустойчивом положении, но потом сила гравитации все-таки победила, и огромная металлическая конструкция тяжело повалилась, выворачивая из земли забетонированные опоры. Она ударила о грунт с такой силой, что тот ощутимо подпрыгнул под ногами.

— Ну, вот и все, — выдохнул Москит. — Разбудили. Даже кричать не понадобилось.

— Где? — спросила Ксанта. — Где он?

— Не туда смотришь. Левее.

Из глубины Железного леса, оттуда, где фермы особенно густо поросли ржавой паклей волос и жгучим пухом, вдруг новогодней штихой взмыл над травой нестерпимо яркий огненный шар. Сиренево-белый, весь в сверкающей броне мелких разрядов, очерчивающей вокруг него правильную призрачную сферу, он напоминал внушительную шаровую молнию. В шипении ежесекундно рождающихся и умирающих искр можно было расслышать натужные нечеловеческие завывания, какие-то стуки, а один раз даже послышался безумный детский смех, от которого на спине и руках у Ксанты тут же высypали мурашки. Или просто показалось?..

Полтергейст передвигался стремительно. Сначала он заметался между серыми стойками Железного леса, потом, безошибочно определив источник обеспокоившего его шума, искрящимся метеором рванул к нашумевшему бойцу. Тот попробовал было отмахнуться прикладом, но лишь впустую рассек воздух. Слепящая сфера с шипением и треском ударила его в грудь. Он закричал, когда с металлических частей снаряжения посыпался водопад искр, а камуфляжная куртка вспыхнула. В мгновение ока полтергейст сжег на вопящей жертве все, что могло гореть, а потом подбросил в воздух обугленную головешку, лишь отдаленно похожую на человеческую фигуру. Капли расплавленного металла еще не застыли на земле среди догорающих ключьев одежды, когда шар протащил мертвое тело с десяток метров и со страшной силой удариł его о бетонный фундамент одной из опор ЛЭП.

Раздался сухой треск, безвольная черная кукла — брошенная марионетка, — перевернулась в воздухе и повисла на нижнем перекрестье железных ферм одной из мачт.

Ксанта, высунувшись из кустов, во все глаза наблюдала за разворачивающимися драматическими событиями, пока Кузнец не утащил ее обратно в укрытие за ноги. Она много слышала про полтергейстов, Циклопу в свое время был сделан заказ от биологической станции, но его люди не смогли раздобыть даже труп — эти мутанты попадались довольно редко и изловить одного из них было почти невозможно.

Кто-то из преследователей открыл ураганную стрельбу. Грохот очередей привел в себя остальных бойцов, ошеломленных произошедшим, и они поддержали напарника огнем. Тщетно. Пули не причиняли полтергейсту никакого вреда — а может, он просто так быстро метался по полю боя, что никто не успевал как следует прицелиться.

Следующий наемник, осмелившийся потревожить покой хозяина Железного леса неуместной пальбой, получил такой же сокрушительный электрический удар и обмяк, выронив автомат, но не упал — полтергейст подхватил его, волчком закрутил вокруг вертикальной оси, так что было отчетливо видно, как безвольно мотаются из стороны в сторону обмякшие руки и ноги. Потом сиреневая сфера рванула к краю просеки и на огромной скорости воткнула человека головой в дерево. Сила удара была такова, что крепкий тополь не выдержал и надломился. Посыпались сломанные ветви, и вместе с ними к корням дерева скатился исковерканный труп с разбитым вдребезги черепом и сломанным

позвоночником.

Пулеметчик, пытаясь поймать ускользающую цель, выпустил несколько коротких очередей, а потом пронзительно вскрикнул, вздернутый в воздух, и невидимая сила принялась методично колотить его о поваленное дерево. Но полтергейсту, висевшему в нескольких метрах от него, быстро надоело возиться с неподвижным телом, и он отбросил человека в сторону, словно капризный мальчишка наскучившую игрушку.

Боец из последней пары рванул огрызающегося огнем напарника назад к зарослям, из которых они только что вынырнули. Они даже успели сделать несколько шагов, прежде чем искрящаяся сфера накрыла обоих. Первый боец пролетел через всю просеку и рыбкой нырнул за поваленную березу, где еще шевелился изувеченный пулеметчик. Второму повезло меньше. Полтергейст подхватил его на бегу, так что тот еще пару раз без толку махнул ногами в воздухе, придал ему ускорение и с омерзительным чавканьем надел вонящее тело на торчащую из бетонного основания ржавую балку. Толстый стальной швеллер вышел у несчастного из спины, и человек повис в полуметре над землей, как жук, наколотый на булавку энтомолога. Рыжий от окислов конец балки теперь окрасился кровью и жирно блестел в лучах заходящего солнца.

Двоим преследователям все же удалось перебраться через гибельную просеку. Пока полтергейст расправлялся с их коллегами, третья пара прыжками пересекла открытое пространство. До спасительного края леса, где залегли Ксанта с сопровождающими, оставались считанные метры, когда Скай, все это время державший просеку на прицеле, коротко выжал спусковой крючок.

Враг в последний момент разглядел притаившиеся в зарослях фигуры, повел стволом, но выстрелить не успел. Одиночная пуля с хряском вошла ему в плечо, едва не швырнув бойца на землю. Он выпустил оружие, зажал ладонью рану и — надо отдать ему должное — промолчал, лишь со свистом болезненно втянул воздух сквозь зубы. Не закричал и даже не застонал, понял, видно, что полтергейст реагирует на звуки. Электрический шар встрепенулся, почуяв выстрел, но в этот момент второй наемник на полном ходу налетел на замершего напарника, едва не сбив его с ног.

— Какого дьяво... — панически заорал он.

— Заткнись! — простонал раненый.

Поздно. Смертельный шар скользнул к ним, сопровождаемый оглушительным шипением и треском искр. Бойцы шарахнулись от него, словно перепуганные воробы. Полтергейст отшвырнул в сторону раненого, и сталкеры с Кузнецом разом вжались в палую листву, уткнувшись лицами во влажную прель, всем телом ощущая присутствие совсем рядом энергетического сгустка невероятной мощности, от которого волосы на загривке и руках вставали дыбом. Лишь Ксанта не опустила головы. На мгновение она встретилась взглядом с последним оставшимся на ногах наемником, в глазах которого полыхнул ужас, — а потом шар снова отступил на середину просеки, дернув человека за собой, словно болонку на поводке. Дважды перекувырнувшись через голову, тот полетел в переплетение поваленных металлических мачт. Потревоженные ржавые волосы закачались, и сразу три пучка, сорвавшись, упали бойцу на плечи и голову. Органическая кислота стала стремительно разъедать камуфлированную ткань и незащищенную кожу, бедняга закричал и заметался, срывая с себя жгучее мочало. В результате едкая органика попала и на кисти рук, прожигая их до костей. С головы несчастного стали падать пряди его собственных волос, пораженная кожа лица начала закручиваться и отваливаться жуткими лохмотьями.

Ксанта судорожно слотнула и отвернулась. Денису тоже было не по себе, но он заставлял себя смотреть — надо учиться, надо привыкать к тому, что в Зоне опасным может быть все, даже самая безобидная с виду вещь. К тому же эти люди — враги и вряд ли пощадили бы его самого, доведись ему попасть к ним в плен. Они не убили бы его сразу, нет, сначала заставили бы позвать Ксанту или выдать ее...

— Вот и все твои профессионалы, — мрачно проговорил Москит вполголоса. — Похоже, они тут надолго застряли. — Он покосился на замерших клиентов и добавил: — Мы

все люди взрослые, но на всякий случай уточню, что ни помочь им, ни добить их мы не в состоянии. — Он подождал, не начнет ли кто-нибудь возражать, и удовлетворенно резюмировал: — Ладно, хватит наслаждаться зрелищем. Двинули...

На ночевку пришлось спускаться в какой-то глухой, провонявший плесенью и гнилью деревом погреб. Перед самым привалом проводники посовещались, и Москит сказал:

— Ночью может быть выброс. Отсидимся. Есть тут рядом неплохое местечко — погреб под домом обходчика. Саму хату давно раскатало по бревнышку, а подпол остался. Солидный дядька был хозяин, на века строил.

Кузнец лишь кивнул, а Ксанта спросила:

— Откуда ты знаешь? Ну, что будет выброс?

Ведущий хехекнул:

— Порченая шкура чешется. Хороший сталкер, девушка, всегда чует выброс заранее.

«Сам сказал, — подумала Ксанта. — Никто тебя за язык не тянул. Теперь-то я вас точно разговорю».

Погреб оказался просторным, в углу имелась даже самодельная железная печка-буржуйка. Конструкция нехитрая: старая бочка и уходящая в стену залатанная труба из водосточного желоба, зато при минимуме затрат всегда будет свет и тепло.

Мужчины натаскали сухих веток, Скай разжег огонь, и в мрачном подземном склепе сразу стало уютнее. Вход закрыли специально припасенным кем-то из прежних постояльцев куском жести, подперли для надежности парой камней.

— Недолго осталось. Если кому надо по-маленьку, терпите до утра. Ночью да во время выброса на улице делать нечего, — сказал Москит и сел у огня. Положил на колени автомат.

Расправившись с натовским сухпаем, Ксанта сначала следила за тем, как ведущий разбирает и чистит оружие, а потом придумала себе дело. Все равно до выброса не заснуть.

Она снова решила погадать. На этот раз вообще не заглядывая в цитатник, без проверки. В крайнем случае можно будет посмотреть потом, когда все уже случится.

Прошлое гадание в ее интерпретации вроде бы снова сбылось. Хотя... Дениска в самом деле проявил «служебное рвение» и изрядно налажал со спорками. Но вот с инициативой в новой области дела обстояли хуже. Сначала мутанты разбежались сами, вроде бы сами... Никто так и не объяснил, почему они вдруг бросились наутек. А потом, в осажденном строительном домике, всех выручил Скай и немного — Кузнец. Значит, предсказание относилось к кому-то из них? Вряд ли. Тактические находки помощника ведущего и Денискин слесарный талант никак нельзя было отнести к новым знаниям. Скорее наоборот — отточенные годами профессиональные навыки.

Ладно. Посмотрим, что получится теперь.

В прерывистом отсвете печного огня костяшки с рунами мерцали весьма загадочно. Запасенные сучья сгорели быстро, и сейчас в окошке поддувала тлели оранжевые угольки. Наверное, буржуйка сожрала немало кислорода внутри погреба, потому что голова у Ксанты постепенно наливалась гудением и тяжестью.

— Нельзя приоткрыть дверь на минутку? — попросила она. — Дышать нечем.

Москит даже не соизволил оторваться от своей любимой огнестрельной игрушки. Пробурчал что-то и выразительно постучал пальцем по лбу.

— Не стоит, — мягко сказал Скай. — Все сюда все равно не поместятся.

— Кто? — глупо спросила девушка.

— Мутанты. Они не хуже нас чуют выброс и сейчас пытаются спрятаться. Не стоит их приглашать.

Нельзя так нельзя. Сказали бы прямо, зачем издеваться-то?

Сначала гадание не получилось: рука дрогнула, и руны просыпались на землю. Какие-то перевернулись, какие-то нет, но Ксанта смотреть не стала. Раз сорвалось, лучше бросить заново. Для чистоты эксперимента.

Зато на второй раз выпала комбинация на загляденье, целых четырнадцать костяшек.

Фух, как душно! Аж в голове стучит.

Если память не врет, получается следующий расклад: снова офис и подчиненные, подстава, внезапный уход и неопределенность. И перспективы не самые радужные. То есть, выражаясь языком воскресного гороскопа: «Кто-то из подчиненных пытается вас подсидеть, внезапный уход одного из членов команды станет для него сигналом. Постарайтесь найти предателя раньше, иначе вероятны серьезные потери в бизнесе».

Ну, да, конечно. Как будто она всего этого не знала раньше.

Только что еще за «внезапный уход»? Гибель? Кого-то из группы убьют? И, может быть, предатель как раз и будет убийцей...

— Кузнец! — неожиданно сказал Москит. — Ты у нас вроде слесарь? И в оружии толк знаешь. Не поможешь? Что-то у меня со стволом, почистить почистил, а все равно клинит. Пружины, что ли, заедает, мать ее...

Денис, польщенный оказанным доверием, взял из рук ведущего автомат, споро разобрал его, и они вместе склонились над разложенными деталями.

«Вот и хорошо! — подумала Ксанта. — Пока все расслаблены, самое время...»

Стены погреба вдруг дрогнули и заходили ходуном. При этом она не почувствовала подземных толчков, вообще никакой вибрации. Просто кто-то взялся трясти картинку перед глазами, словно в дешевом 3D, когда излишне продвинутый оператор пытается отразить душевые метания главного героя и изображение начинает мерзко плавать. Одновременно с оптической тряской снаружи послышался глухой надсадный вой — так обычно плачет зимой ветер в щелях плохо подогнанных окон. Звук зудел на одной ноте и затихать явно не собирался.

— Выброс, — зевнув, сказал Скай. — Теперь можно спать хоть до утра. Бесполезняк куда-то рыпаться.

— Брат рассказывал, что после него все в Зоне меняется, — сказала Ксанта.

Она внимательно наблюдала за проводниками и заметила, как оба встрепенулись. Ну, еще бы! Впервые вспомнила Костика сама, без долгих расспросов и захода издалека на нужную тему. Если не прерывать, глядишь, и расскажет что-нибудь полезное...

На их интерес Ксанта и рассчитывала.

— Не все, но многое, — сказал Москит. — Новые ловушки, новые аномалии, да и зверя добавится... Но основные точки, конечно, останутся на месте. Станция никуда не денется, если тебя это волнует.

— А люди меняются? Если выброс так корежит Зону, то что происходит с людьми?

— С теми, кто успел спрятаться, как мы, — ничего. А если выброс застигнет на поверхности... — Он щелкнул пальцами. — Тем не повезло. Никто еще не выжил.

— Прямо так и ничего? А если сталкер пережил сто выбросов? Двести? Если он в Зоне два, три, пять лет? Что с ним может случиться?

Ведущий хмыкнул:

— А-а, вон ты о чем. Наслушалась баек про Клеймо Зоны?

— Хочешь сказать, это все выдумки? А вот Костя так не считал. Он сто раз мне рассказывал, насколько непростой становится жизнь сталкера вне Периметра. О том, как вам тяжело вернуться к нормальной жизни, как смотрят на вас обыватели. Как угрожают, преследуют и даже пытаются убить, считая ходячими радиоактивными могильниками и чуть ли не исчадиями ада. А Клеймо...

— Да нет никакого Клейма! Все это дешевые байки для салаг и журналистов! — Москит хлопнул ладонью по колену. — При чем тут обывательские страхи?

— Нету? Правда? А то, что вы пару часов назад синхронно почуяли выброс, — это как? А чувствительность к аномалиям? Сколько уже раз вы оба нам говорили: нутром, мол, чую, что-то здесь не так, — хотя детектор ничего не показывал?

— Ну и что? Обычное чутье. Любой охотник с опытом может похвастать тем же самым. Он настолько изучил все повадки зверя, что многое понимает подсознанием, интуицией, инстинктом. Так и мы...

— И что, помогают ему лесные повадки в обычной жизни? Вы здесь тоже крутые парни, чингачгуки и рэмбо, а там, за Периметром, превращаетесь в больных, измученных калек. И каждый новый день начинается с привычного вопроса: что еще выкинет изжеванное Зоной тело? На что среагирует? На полнолунье? Калибровку антенны сотовой связи по соседству? Магнитную бурю?..

Москит угрюмо промолчал, и Ксанта поняла, что удачно ткнула в больное место.

Вместо ведущего добродушно ответил Скай:

— А из наших никто далеко от Периметра не уходит. Потоптал Зону, поднял немного на карман, пропил в Чернобыле-4 — вот и вся история. Потому комендатура особо и не стремится чистить город. Мортенсен прекрасно понимает, сколько отмороженных бродяг хлынет в Киев, Харьков, Москву, а то и в Европу швыряться деньгами. И чем это кончится.

— Это в любом случае ничем хорошим не кончится. Ваш легендарный герой, Дима Шухов, почему в конце концов на Зоне прописался? Потому, что где бы он ни поселился, через месяц-другой соседи узнавали всю правду о его дочке, да и о нем самом тоже. И всеми возможными способами его выживали. Если не получалось — поджигали квартиру. А если и это не помогало, темной ночью вламывались в дом с факелами, вилами и резинострелом. Дочку Шухова отравили. Тогда он и поклялся вынести из Зоны всю гадость, какая там есть, чтобы те, кто сидит снаружи, досытая нажрались радиоактивного дерма и стали такими же, как он. Два месяца Рэд таскал за Периметр всякую запретную пакость, пока его не поймали свои же и не замуровали в Саркофаг. Вот так. Тот же Доктор, вторая ваша бесспорочная легенда — он и замуровал.

Скай попытался что-то возразить, но она не дала ему рта раскрыть:

— Накрепко! Раствор, говорят, хороший был. Строители Саркофага оставили, он тридцать лет так иостоял свеженьkim. Будто ждал.

— Слушай, подруга, — угрожающе проговорил Москит, — тебе-то что за дело до наших болячек? Или ты нас со Скаем в экстры записываешь?

— Экстры хоть на заднице не сидят, многие пытаются что-то делать. А вы все, обычные сталкеры, которых большинство, предпочитаете свои болячки заливать водкой! Но это сейчас проходит, когда вам по двадцать-тридцать лет и вы еще молоды и почти здоровы. А что будет потом? Когда придет время уходить на пенсию? Ваше старище, первые сталкеры, теперь управляют кланами. Вы думаете, вам повезет так же? Кланов на всех не напасешься. Так что придется жить в обычном городе, среди обычных людей. Кто из вас готов к такому испытанию, а?

— Да как-то не тянет пока, — флегматично проговорил Скай. — Бывал я и в Киеве, и в Москве, и в Праге. Спокойная жизнь нашему брату противопоказана, сразу хочется назад, во все это дермо.

— А потом тем более не потянет. Особенно после того, как законопослушные соседи узнают о вашем прошлом.

— Я не понял, нам-то ты что предлагаешь? — спросил Москит. — Штурмовать Саркофаг? Да упаси меня Черный Сталкер от такого счастья.

— Помогите моему брату, — горько сказала Ксанта. — Ему и тем людям, с которыми он работает. Пока вы считаете его сумасшедшим изгоем, пока фыркаете при одном только упоминании его имени — ничего не изменится. И Монолит останется там, где и раньше.

Москит молча смотрел в огонь. Скай жевал щепку и задумчиво смотрел на Ксанту. Ей даже стало неуютно от его взгляда.

— А кто такие экстры? — вдруг спросил Денис.

Девушка кивнула на разгоряченных спором проводников:

— Такие же вольные бродяги. Только уже не совсем люди.

— Как это?

— Зона поработала над ними и подарила им необычные способности. Видеть будущее, управлять энергией и металлом, контролировать мутантов... Или просто чувствовать аномалии, ощущать грядущую опасность, предсказывать поведение врага. Досужие

журналисты прозвали такие изменения Клеймом Зоны. А Костик считал, что Зона просто конструирует людей будущего. Вот так, Дениска.

— Значит, мы со Скаем тоже экстры? Выбросы предчувствуем? — спросил Москит и угрюмо посмотрел на Ксанту. Потом неожиданно подмигнул: — Вот уж не ожидал когда-нибудь такое услышать. Тем более от тебя.

— А что во мне не так?

— Ну, как же — ученая дамочка, экспериментатор и исследователь, Зону знает, а верит всяkim слухам. Прямо смешно. На что только вам гранты выделяют?

Скай шевельнулся, бросил щепку в огонь.

— Откуда вдруг у Димы Шухова дочка? — проговорил младший проводник. Кузнец не сразу понял, о чем это он, но потом сообразил: да это же он о той легенде, которую рассказала Ксантa. — Он же совсем молодой был, когда погиб.

— Не знаю насчет дочки, — буркнула девушка, — но остальное так и было.

— Да не было так, — равнодушно произнес Скай. — Чепуха какая. Откуда ты эту версию взяла? Книжку приключенческую прочитала или немцы рассказали? Доктор — лучший друг Черного Сталкера, а замуровали его ребята, которые вместе с ним шли к Монолиту. Доктор, наоборот, спасти его пытался...

— Ты-то откуда знаешь, как было, а как нет? — вскинулась Ксантa.

— Потому что Черный Сталкер мне сам однажды свою историю рассказывал, — безучастно проговорил помощник ведущего и надолго замолчал, глядя в огонь.

Глава 16

Низкий стонущий звук выброса стих только под утро. Ксантa перестала вздрагивать и просыпаться каждые пять минут и даже смогла немного подремать, пока неугомонный Москит не объявил побудку.

Желудок отказался принимать очередную порцию натовского рациона. Поэтому она отдала свой термопакет Денису, который охотно умял добавку, а сама позавтракала парой хрустких галет из сухпая. Есть хотелось куда меньше, чем спать.

— Сидите пока тут, — сказал ведущий. — Мы со Скаем вылезем и осмотримся. Что бы вы ни услышали — не высовывайтесь, сидите тихо, как мышки.

— А что мы можем услышать? — немедленно поинтересовалась Ксантa.

— Допустим, мат и выстрелы.

Кузнец хмыкнул.

— Или крики о помощи нашими голосами, — добавил Скай. — Псевдоплоть неплохо умеет копировать короткие фразы. Да и контролер с изломом... разговаривают... — последнее слово он произнес с явным сомнением.

Сталкеры проверили оружие и по одному выбрались наверх. Ксантa уже ожидала бешеной пальбы, но снаружи стояла тишина. Разве что изредка долетали обрывки фраз, из которых ничего нельзя было разобрать — проводники переговаривались вполголоса, причем на своем профессиональном жаргоне.

Кузнец подобрался ближе к входу. Металлический щелчок передернутого затвора гулко отозвался в подвалной тишине. Ксантa вздрогнула.

— На всякий случай, — сказал Денис. — Мало ли.

— Потерпи, Дэн, сказали же не высовываться... — Она чуть не добавила «не геройствуй», но вовремя прикусила язык. Для него это будет как красная тряпка для быка. И так сидит на взводе, обижается, как маленький мальчик, которого взрослые дяди не взяли погонять в футбол.

— Да я ничего. Знаю свое место и не рыпаюсь.

Точно, обиделся. Чем бы его отвлечь?

— Слушай, — неожиданно сказал Денис, — а что вчера за болтовня была про Клеймо Зоны? На самом деле такая штука есть или это очередные приколы наших чингачгуков?

— Как тебе сказать... — начала Ксанта почти с облегчением: тема подходящая, надолго хватит. — Костик раньше много рассказывал о Клейме. Мол, в байках сталкеров так называются паранормальные способности — сверхчустье, интуиция, умение на глазок определять степень радиоактивности, — которые в той или иной степени проявляются у всех, кто часто ходит за Периметр.

— В байках? — переспросил Кузнец. — Значит, на самом деле ничего такого нет? Или как?

— Не знаю, Дениска. Сначала Костик был уверен, что нет. А потом... потом он стал говорить об этом с меньшей охотой. Особенно после того, как наш Центр открыл в Зоне станцию. Наверное, не хотел меня пугать, а может, и сам потихоньку начал в это верить.

— Значит, местные страшилки — Черный Сталкер, Доктор, Оборотень и прочие — это просто экстры с Клеймом Зоны?

— Нет. Они — призраки Зоны. Вроде бы все они добрались до Монолита, и тот исполнил сокровенное желание каждого из них. Но исполнил так, что мало не показалось. Их нельзя убить, им подчиняются местные феномены, при желании они способны быть неуловимыми. А экстры... те, на ком Зона оставила свою печать, — они пока еще люди. По крайней мере, внешне. Но, если верить сталкерским байкам, человеческая часть отмеченных Клеймом постепенно отмирает, и они превращаются в нелюдей. Говорят, первым из тех, кто прошел по этому пути до конца, был некий Синий Генерал. На самом деле он, конечно, не генерал, а капитан какой-нибудь или майор; правда, никто не может точно сказать, в каком подразделении он служил. По легенде, командование отправило его с секретным заданием вглубь Зоны, он не вернулся, и все подумали: погиб. А потом выяснилось, что он потерял человеческий облик и стал Синим Генералом...

— Мозги он потерял, — мрачно сказал вернувшийся Москит через щель в двери. — Радаром выжгло напрочь. Стал он действительно нелюдем, но не экстрай каким-то там, а просто жестоким, отмороженным ублюдком. Захватил территорию, объявил ее закрытой и всех честных бродяг, кто пробовал к нему сунуться, казнил. И лучше не спрашивайте меня как. Лезьте давайте наверх, чисто.

Сначала Ксанта даже не поняла: может, проводник вывел их через какой-то другой выход? Так все переменилось со вчерашнего вечера. Буйная поросль одичавшей смородины прижата к земле, ветви обломаны, а часть кустов даже вырвана с корнем, словно через них прорывался неуправляемый трактор. Вдоль всей поляны, вывернув пласти сухой почвы, протянулись неровные борозды, деревья почернели и лишились половины листьев. На северной их стороне, обращенной к станции, горбились какие-то рыжие нарости, похожие на сморщеные воздушные шарики.

И тишина. Ни единого звука, только шуршала под ногами развороченная земля да позывкало оружие.

— Тихо как, — сказала Ксанта.

— Сразу после выброса зверье по норам прячется, — пояснил Москит. — Если бы не море новых аномалий, гуляй по Зоне, как по Крещатику.

Первые минут двадцать Ксанта и Кузнец то и дело крутили головами и даже время от времени принимались спорить, что именно из окружающего пейзажа могло измениться под воздействием выброса. Москит пару раз прикрикнул на них, но потом плонул и дальше шел молча.

Так могло продолжаться долго, но на краю очередной оплывшей дренажной канавы группа наткнулась на первый труп.

Мосkit подал знак остановиться, Кузнец, увлеченный шутливой перепалкой, отреагировал не сразу и едва не наступил на растерзанное тело. Ксанта ойкнула и отшатнулась.

Человек лежал в гниющей траве, раскинув руки, словно его тащили несколько метров, а потом бросили. Вместо лица у него чернел страшный кровоподтек, череп казался сплюснутым и ненастоящим. Выцветшее армейское обмундирование было порвано на груди

и животе. В прорехах ткани бурая корка запекшейся крови скрывала поврежденную плоть — какая-то тварь явно пыталась поужинать, но ее спугнул выброс.

— Кто... кто это? — сглотнув, спросила Ксанта. — Солдат?

Москит ощерился, но ничего не сказал. Скай ответил за него:

— Нет, конечно. Это боец клана.

— А почему... он без снаряжения?

— Лучше спроси: какого клана? — сказал Москит. — Тогда поймешь. Это монолитовец.

— С чего вы так решили? — спросил Кузнец. — Есть какие-то клановые знаки?

— Есть. На рукавах, повязках или на банданах. А у этих, — Скай кивнул на труп, — эмблема всегда на броне. Большинство бойцов «Монолита» ходят в экспериментальных экзоскелетах. Дорогая штучка, поэтому его и сняли. Либо свои, либо те, кто завалил парня. Как думаешь, Москит?

— Похоже. А завалили грамотно — из оптики в голову, — одобрил ведущий. — Пуля тяжелая, даже шлем не выдержал — видишь, что от башки осталось. Интересно, кто это решил с «Монолитом» поссориться?

— Да мало ли желающих... Что, у Саркофага одни невинные овечки обитают? Если воякам дадут добро, они первыми возьмутся за этих ребят. Или тот же «Последний рубеж». С монолитовцами у них давние и очень серьезные терки...

Москит задумчиво посмотрел на труп.

— И некрологов от Че не было... Убрали парня очень вовремя, в самый выброс или сразу после него. Кто-то под шумок разжился неучтенным боевым костюмом. Паршивые дела.

— Да уж, хорошего мало, — согласился Скай.

Следующий убитый попался им на пути совсем скоро.

А потом и еще двое — на изрытой небольшими воронками поляне. Внешне ямы были похожи на следы выброса, вроде тех странных борозд, что Ксанта с Кузнецом видели у самого убежища, но Москит вдруг насторожился и приказал принять в сторону.

— Думаешь, вляпались в растяжку? — спросил Скай.

Ведущий не ответил, только скривился.

— «Монолит» кого-то искал, — продолжал Скай. — Бойцы клана шли по следам и наткнулись на...

— Засаду? — закончил Кузнец.

— И не одну. Кто-то сработал очень четко, почти по учебнику. Снайпер, растяжки, все как положено...

— Хватит языком трепать! — неожиданно рявкнул Москит. — Смотри в оба, брат, не то напоремся на ловушки. Или «Монолит» прискакет, пылая жаждой мести...

Скай пожал плечами:

— Не прискакет.

— Это почему?

— Потому.

Москит выглянул из-за плеча помощника и присвистнул, проследив, куда он смотрит. Кузнец и Ксанта подтянулись за ним и тоже увидели.

В залитых кровью зарослях сваленные друг на друга неряшливой кучей лежали мертвые тела. Не менее десятка. Размозженные ударной волной, с оторванными конечностями и скатанными в тугой ком внутренностями. Было похоже, что победители наскоро обыскали убитых и сволокли их в одно место. Может, хотели похоронить, но что-то помешало. Тот же выброс, например.

В любом другом случае над подобной бойней кружила бы омерзительная туча мух, но в Зоне стояла тишина. Только бил наповал сладковатый, тошнотворный запах разложения. От первого же взгляда на трупы желудок у Ксанты сжался и ухнул вниз, в животе проснулось что-то живое и немедленно запросилось наружу.

Она зажала рукой рот и отвернулась. Хотела сделать шаг в сторону, но ведущий остановил ее:

— Стой! Не отходи никуда. Даже на миллиметр!

— Но... мне... — глухо пробормотала Ксанта, борясь с накатывающей тошнотой.

— Вываливай здесь. Мы привычные.

Денис тоже отвернулся от побоища, подхватил подругу под локоть, и в этот момент ее вырвало. Вытирая рот платком, она спросила:

— Что... что это?

— Война, — ответил Скай за Кузнеца. — Война между кланами. Мы почти на границе Мертвого города, тут все время кто-нибудь бодается. Но чтобы так круто... Не соврал, значит, Хемуль, когда сказал, что «Последний рубеж» взялся за «Монолит» по-взрослому. Давно пора было, между прочим...

— Уходим, — сказал Москит. — Быстро валим отсюда. Не хватало еще, чтобы нас здесь застукали.

Ведущий заметно нервничал, и Ксанта в кое-то веки была с ним согласна. Про «Монолит» она не раз слышала от Костики, и того, что она уже знала, хватало с лихвой. Кстати, Дети Саркофага были в числе тех кланов, что назначили цену за информацию о Муте. Столкнуться с ними над трупами их собратьев — хуже ничего не придумаешь.

Мосkit погнал их прочь от места бойни. Лишь через час они все-таки вышли из опасного леса и, миновав заросший проселок, увидели справа от себя пару дряхлых деревянных домишек и несколько полуразрушенных фундаментов.

— Здесь еще до первого взрыва дачный поселок был, — поведал Москит. — Нарезали участки персоналу станции, чтоб растили картошку, смородину да огурцы. После аварии домики пару лет стояли заброшенными, пока их отказники не оккупировали. Никак они не соглашались из тридцатикилометровой зоны уезжать, от патрулей прятались, схронов накопали... чисто лесные братья. Потом, когда власти окончательно махнули на них рукой, повыползали на свет. Поселок обустроили, мало-помалу жизнь какая-то началась. Урожай, говорят, растили знатные: клубника что твой помидор. А вторым взрывом все к ядреной матери перепахало на полкилометра вглубь. И фонит до сих пор не по-детски. Отказники, правда, выжили. Некоторые. Кое-кто их видел даже, потом, правда, три дня заикался. Поэтому в поселок мы не пойдем, а вот дальше, в лесу за окольцем — тихо и почти безопасно.

Они не успели отойти от края леса и сотни метров, как Москит неожиданно сказал:

— А вот и оно. Отличное mestечко для привала.

Слова старшего проводника, судя по всему, удивили не только Ксанту с Кузнецом, но и Скай. Помощник, правда, промолчал, лишь вопросительно посмотрел на командира. А вот Денис, разумеется, не удержался:

— Зачем это? Лучше уйти подальше, сам же говорил...

— Мы уже добрались до верхних уровней, — сказал Москит, — скоро потребуется специальное защитное оборудование. — Он махнул рукой: — Там, в стороне от нашего маршрута, Мертвый город. В городе темные — сталкеры-торговцы, они живут в Зоне. Придется кое-что докупить. Мы ведь с Пифой думали, что к биостанции идем, противорадиационных костюмов не захватили. Да и противогазы у него в мешке остались. А без защитного снаряжения нам крышка.

— Мне говорили, что темных разгромили военные... — сказала Ксанта.

Скай не вмешивался. Казалось, его полностью устроило объяснение ведущего. И он вроде бы даже с ним согласился.

— Что солдатня может сделать с темными одним рейдом? — Москит закинул за плечо автомат, перевесил армейский мешок и тоже пристроил его поудобнее. — Прячутся по подвалам по всему городу.

— А почему мы не можем пойти все вместе?

Проводники переглянулись. Скай пожал плечами.

— Что? — напряглась Ксанта. — Что я опять не так сказала?

— Это темные, понимаешь? Одни Хозяева Зоны знают, что у них на уме. — Помощник ведущего присел у забора, положил автомат на колени.

— Четыре стволова всяко лучше, чем один, — вмешался Кузнец. — Темные, светлые — по барабану. Оценят возможные потери да и побоятся нападать. Не полные же они отморозки. А тебя одного...

Резкий щелчок заставил его споткнуться на полуслове. Скай спокойно отсоединил затворную раму, собираясь чистить оружие.

Этот щелчок сбил с мысли и Москита, который уже явно готов был снова наорать на Дениса.

Ксанта поняла, что пора вмешаться.

— Он не виноват, Москит, это я спросила, почему мы не можем пойти вместе. Объясни, пожалуйста, что в этом такого страшного. Разве так не безопаснее?

Скай пристально посмотрел на нее, и на мгновение Ксанте показалось, что он читает ее мысли, как раскрыту книгу. Она отвернула взгляд, изо всех сил надеясь, что внезапно всплывшие подозрения в его адрес не отражаются у нее на лице.

— Темные, во-первых, отморозки самые что ни на есть, — почти спокойно проговорил Москит. — Но дело не в этом. Вчетвером у нас будет совсем мало шансов уйти оттуда. Сдается мне, прошло довольно много времени с тех пор, как они в последний раз видели женщину.

Ксанта ойкнула.

— А физиология у них непростая — мутации на клеточном уровне, все дела. Понимаешь меня? Молодец. Все еще считаешь, что пойти всем вместе — хорошая мысль? Может, передумала? А ты, Кузнец?

Денис молча отвернулся.

— Тогда сидите тут и не чирикайте, салаги, задолбали уже спорить не по делу. Скай, присмотри.

Помощник кивнул в ответ: не вопрос, мол, присмотрю. Так и продолжал сидеть, как сидел, разбирал автомат и даже не посмотрел вслед ушедшему командиру. Но датчик движения в ПДА несколькими быстрыми касаниями перенастроил — это Ксанта заметила.

Может, стоит поговорить с ним? После неожиданного ухода Москита она окончательно запуталась в подозрениях и не знала уже, кому и чему верить.

Она сделала пару шагов к проводнику и замерла в нерешительности. Или сначала погадать? Вдруг руны подскажут правильный выход?

— Не отходи никуда, — сказал Скай, не поднимая головы. — Неспокойно в Зоне. Лучше нам сидеть на месте, пока Москит не вернулся...

«Это еще почему? — подумала Ксанта. — Чтобы нас тут взяли тепленькими, да?! Всех сразу?»

Вот что: надо посоветоваться с Дэном. Он, конечно, парень простой, далекий от интриг, но подозрения и у него имеются. Вдруг он заметил что-нибудь такое, что она упустила? И его мысли станут последним камнем в фундамент стройной теории?

Кузнец разминал в пальцах сигарету и никак не мог решиться: выкурить сейчас или приберечь на потом. Всего три осталось. Не ожидал он, что спасательная экспедиция так затянутся.

Ксанта присела рядом.

— Как ты думаешь, куда он ушел?

— Кто, Москит? За противорадиационными костюмами, куда же еще. Или ты думаешь, нас продавать? — Денис взял сигарету в рот, примял губами фильтр, но с сожалением вынул. — Вряд ли... Он хоть и не самый приятный мужик в общении, спору нет, я уж раз пять собирался ему в морду съездить, но дело свое знает. Если бы хотел, давно мог бы нас угробить или подставить, но мы до сих пор живы и на свободе.

— Ага, особенно в башне у него удачно получилось. Если бы не Скай, из нас отличный шашлык вышел бы!..

— Тише! Не кричи, услышит.

— Пусть слышит! Мы же про Москита говорим, а не про него.

— Да? А может, как раз про него? Что, если это он или его друзья притащили к башне ту кодлу мутантов?

— Он мне на озере жизнь спас! — прошипела Ксанта.

— Ну и что? — возразил Денис. — Откуда ты знаешь, может, он просто боялся потерять ценный приз? Скажи, тебя не удивляет, почему именно он всегда первым замечает погоню, засаду, атакующих тварей?

— Он же все-таки следопыт... — неуверенно сказала она. — Это его работа.

— Ну да. Только из-за этих нападений мы все время идем туда, куда нужно ему. Москит только думает, что ведет группу, а на самом деле...

— Кхм.

Скай приблизился так внезапно и тихо, что Кузнец едва успел проглотить окончание фразы.

— Я отойду, — сказал помощник ведущего. — Ненадолго. Живот скрутило. Не скучайте тут без меня.

Морпех сделал ручкой: пожалуйста, мол.

Когда Скай исчез в кустах, Денис с Ксантой вполголоса спорили еще некоторое время, и парень уже решил, что ему так и не удастся ее переубедить. Однако Фрау Осень вдруг прервала очередную реплику на середине и озабоченно посмотрела на часы.

— Слушай, его уже двадцать минут нет!

— Сказал же человек — живот скрутило...

— Очень кстати, правда? — От ее голоса Кузнецу стало не по себе. — А если они договорились бросить нас здесь?

— Что за чушь ты несешь?

— Я уже не знаю, кому верить. Они оба ведут себя подозрительно.

Кузнец бросил обратно в пачку так и не прикуренную сигарету и медленно, словно потягиваясь, привстал. Будто невзначай осмотрелся.

— Эй, Скай! — позвал он. — У тебя там все в порядке?

Кусты молчали.

— Черт! Куда он мог деться? Да еще так незаметно!

— Надо вокруг посмотреть. Правда, он сказал никуда не отходить...

— Да мало ли что он сказал! — Денис зло мотнул головой. — А если бы он предложил тебе приставить к голове ствол и нажать на спуск, а? Что бы ты сделала?

Они обыскали поляну и быстро убедились, что вокруг нет не только самого младшего проводника, но даже следов его присутствия. Как будто он улетел или растворился в пространстве.

— Скай! — снова негромко позвала Ксанта.

— Ты бы еще «ау» крикнула! — рассердился Кузнец. — Ясно же, что он не отзовется!

— А как еще его найти?

— Думаешь, надо его искать? Это ведь мы потерялись, не он. — Денис покачал головой. — Ладно, подожди, сейчас залезу на дерево и осмотрюсь.

На втором сучке Кузнец понял, что это была плохая идея. Влажный мох на ветвях скользил под ребристыми подошвами армейских берцев, некоторые сучья покрывал подозрительный рыжий налет, и Денис осторегался за них хвататься. В общем, тот еще акробатический номер.

— Что видишь?

Ксанта смотрела на него снизу, задрав голову. Кузнец едва не выматерился от души: один идиот в самом центре Зоны, пыхтя и отплевываясь, лезет на дерево, вторая идиотка за ним наблюдает, а кто при этом глядит по сторонам — бог весть. В самый раз сейчас

выскочить из кустов какой-нибудь голодной твари.

— Вокруг смотри! — рявкнул он. — Придет серенький волчок и ухватит за бочок!

Что она ответила, Денис не рассыпал, да и не очень-то и пытался, полез выше. Но когда во время небольшой передышки он снова глянул вниз, Ксанта, как примерная девочка, прилежно вертела головой, выисматривая опасность. Даже «узи» свой взяла на изготовку.

Затея с деревом действительно оказалась не слишком разумной. Ну что, в самом деле, можно разглядеть с пятиметровой высоты в гуще леса? Да, Денис почти сразу заметил несколько подозрительных зарослей на севере — отличное место для засады. И слишком ровный, как будто вычерченный по линейке ряд подсыхающих на солнце луж: наверняка какая-нибудь поганая аномалия. И без всякого дурацкого Клейма понятно, никакого чутья не надо. На юго-востоке сквозь частокол деревьев виднелся просвет, где-то там, за спиной остался разрушенный дачный поселок.

Но Ская нигде видно не было. И не только его. Ни единой живой души, стремительной тени или хотя бы качнувшейся ветки, примятой травы... Ничего. Вокруг все словно вымерло.

Впрочем, сам Кузнец ничего путного от своей акробатики и не ожидал. Полез наверх лишь для того, чтобы отвлечь Ксанту. Ну и себя чем-то занять, потому что искать профессионала, при желании способного не оставлять следов, — дохлый номер, тем более в этой сумасшедшей Зоне.

— Ну, что там? — снова не выдержала Ксанта.

— Ничего. Подожди, сейчас спущусь.

Она вздохнула.

— Ничего не видно, — повторил он внизу, отряхивая руки. — Обычный лес. Только пустой и мертвый.

Оксана поежилась. Денис мысленно отругал себя: не мог подобрать нормальный синоним!

— Да, Костик говорил мне — в Зоне почти не осталось обычных зверей и птиц, — сказала она. — Только вороны и крысы, да и те уже какие-то странные. Остальных всех мутанты сожрали...

— Что будем делать? Если скажешь «смирно ждать», предупреждаю: я против.

Кузнец не считал их положение аховым. Конечно, остаться в Зоне без проводников мало кому покажется приятным сюрпризом, но он почему-то был уверен, что сталкеры бродят где-то рядом. Затеяли какие-то свои игры, возможно, проверяют друг друга, но уж бросать клиентов точно не станут. Один — из-за денег, второй... Да и второй, скорее всего, из-за них же, вопрос только в том, кто именно будет ему платить.

— Надо связаться с Москитом, — сказала Ксанта.

— Как?

— Через ПДА. Не зря же нам их раздали. Там есть возможность отсылать личные сообщения, я знаю. Не думаю, что это такая уж сложная опция, разберемся.

— Не стоит, — тихо сказал знакомый голос у них за спиной. — Москит сейчас движется к Мертвому городу. Там снайперов, как ворон на помойке. Не думаю, что ему поможет выжить неожиданно запищавший сигнал вызова.

— Скай! — Ксанта едва не подпрыгнула от неожиданности. — Ты где был?!

— Ходил тут в кустники. Я же предупредил.

— Не было тебя там, — напряженно проговорила она. — Мы тебя звали...

— Я ушел подальше. Не хотелось поляну загаживать. Нам тут еще Москита дожидаться.

— Москит велел тебе присматривать за нами, а ты ушел! Да нас тут сто раз могли сожрать!

— Вряд ли. Место здесь спокойное, к тому же я был рядом.

Кузнец хлопнул ладонью по цевью АКМК:

— Слушай! Хватит нам тут заливать! Где ты был, а?! Какого хрена?..

Скай даже не посмотрел на него. Сказал равнодушно:

— Отдыхайте. Москит вернется часа через два, не раньше.

И снова присел на прежнем месте у дерева, положил на колени автомат, опустил голову и как будто даже задремал. Словно и не уходил никуда.

«Интересно, откуда он знает? — подумала Ксанта. — Следил? Ой, прав Дениска: какого хрена? Что тут происходит? Что за игры вокруг нас? И кто мы в ней, черт возьми — ферзи или пешки?»

Денис дважды порывался пойти «поговорить со Скаем по-мужски», но Ксанта его удержала. Вряд ли из этого выйдет толк... И вообще сначала надо дождаться Москита. Кузнец распалялся все сильнее и, наверное, плонул бы на все уговоры, но тут вернулся старший проводник.

Вопреки всем сомнениям Ксанты, он действительно тащил на плече кипу из трех армейских противорадиационных костюмов, издали напоминавших обвисшие человеческие тела. На шее у Москита болталась связка десантных противогазов — незатянутые ремни казались щупальцами неведомой твари, подбирающейся к незащищенному горлу сталкера.

«Бр-р, — подумала Ксанта. — Мало мне реальных ужасов, так еще и всякий бред в голову лезет».

Глава 17

Ведущий продемонстрировал, как пользоваться защитным снаряжением, опытный Кузнец только нетерпеливо кивал. Он же помог Ксанте подогнать ремни противогаза, поудобнее перетянул липучки костюма — теперь его можно было надеть в считанные секунды.

Москит привязал свой ПЗК к рюкзаку, проверил крепления. Скай тоже управился быстро: у него, в отличие от остальных, защитное снаряжение было с собой с самого начала. Всего и делов — достать, перепаковать и держать под рукой. Денис с Ксантой провозились дольше, младший проводник хотел им помочь, но девушка отказалась наотрез. Не нужно ей было от него никакой помощи. Лучше полагаться на свои небогатые навыки, чем терзаться, не учил ли предатель тайком какую-нибудь пакость с ее снаряжением.

Скай пожал плечами. Москит сделал вид, что не заметил ее странного поведения. Сказал только:

— В Мертвом городе фейерверк и карнавал, аж стены трясутся. В восточных районах, что ближе к Болоту, кто-то отчаянно воюет. Там раньше темные все контролировали, но потом их оттуда выкурили, как ос из гнезда. Не представляю, кто там может бодаться — не из-за чего, полгода назад вояки разбомбили весь сектор в бетонную пыль.

— Почему? — не утерпела Ксанта.

— Темные — беспредельщики, всех достали конкретно со своими pointами. Но военные туда не сунулись бы просто так, с темными у них вооруженный нейтралитет. Военстали знают, что темные вне Зоны жить не могут, поэтому стараются с ними без нужды не связываться — может, из-за понимания чужой беды, а может, из-за того, что четко осознают: загнанная в угол крыса, которой нечего терять, может очень сильно укусить. А темные, по слухам, как-то связаны с Хозяевами Зоны. Так что едва ли там бомбили темных, тем более после недавнего рейда — скорее «Монолит», удерживающий территорию ближе к Радару.

— Монолитовцев кто-то недавно здорово покрошил, — напомнил Скай. — Помнишь же, сам видел. И вряд ли военные, не стали бы они с них броню снимать. А если не военстали, то кто же еще можетбросить вызов «Монолиту», а главное — что-то им реально противопоставить? Только «Последний рубеж»...

— В общем, бог его знает, из-за чего там опять веселье, но нам в любом случае лучше держаться от города подальше. Пойдем через горячую зону в обход Рыжего леса. А носить в тех местах дырявое снаряжение Минздрав не рекомендует.

— Пряником на Милитари? — спросил Скай. — Не слишком ли рискованно? Может, лучше переждем?

Ксанта даже дышать перестала. Ну-ка, что ответит старшой? И будет ли помощник оспаривать его решение? Если Скай исчезал, чтобы вызвать подмогу, ему нужно во что бы то ни стало задержать их здесь подольше, пока не явится группа захвата. И что-то подсказывало Ксанте, что в этот раз бойцы окажутся посеребренее, чем в предыдущие два раза. Кто-нибудь из местных жителей, привыкших ежедневно смотреть смерти в глаза. Темные или монолитовцы — вот кто это будет. Или «Последний рубеж».

— Не стоит сейчас лезть на Милитари, — ровно проговорил Москит, изучающе глядя на Ская. — Там нас точно прищучат, а лес краешком обойдем, много хватануть не успеем, не волнуйся.

Ксанта тоже напряженно смотрела на помощника ведущего. Тот молчал.

— Готово, надевай, — вывел ее из оцепенения Кузнец, помогая вдеть руки в лямки рюкзака.

Проклятье! Она чуть не выругалась — за всей этой возней она упустила удобный момент поговорить с Москитом, предупредить его насчет Ская: проводник уже скомандовал выдвигаться.

Но Кузнец в ответ на ее жалобу только пожал плечами:

— Побыстрее уйдем с этого места — и хорошо. Кое-кто серьезно обломается. А поговорить еще успеем, не мельтеши.

Поход через зараженную территорию в памяти Ксанты почти не отложился. Она готовилась к нему и переживала, запугав себя ожидаемыми ужасами. Да и недавний забег с шарфом в роли кляпа был еще свеж в памяти. На деле же все оказалось куда менее драматично — как только шкала датчика радиации рванула из зеленого сектора, проводники велели скоренько переодеваться.

При помощи Кузнеца она натянула на себя ПЗК, влезла в душный противогаз и накинула капюшон. Липучки прижали прорезиненную ткань к телу, фиксируя баходы и перчатки.

Идти было не слишком удобно, и в первые минуты Ксанта больше смотрела под ноги, чем по сторонам. Потом, когда приоровилась, начала поглядывать вокруг, но ничего интересного на глаза так и не попалось: все тот же лес, мрачный, сырой и темный, в котором кроны охряно-бурых сосен смыкаются где-то над головой, а земля усыпана грязно-коричневым ворохом гниющих игл. Тревожно попискивал счетчик, похрюкивали при дыхании фильтры, остальные звуки начисто отсекал плотно зашнурованный капюшон.

И совсем не было вокруг зеленого цвета — ни единого кустика, листочка или травинки. Ксанта сначала грешила на повышенный фон, но потом вспомнила, что так почти всегда и бывает в сосновом бору. Она хоть и спец по мутагенной флоре и фауне, но разве разберешь на расстоянии десяти шагов, да еще через мутные, запотевшие окуляры, нормальная ли омела выросла на трухлявом пне или размер и странная форма — последствия радиации? Шевели ногами и ни о чем не думай!

К собственному изумлению, через сотню шагов она действительно втянулась в монотонный ритм движения и даже немного задремала на ходу — как лошадь в походной колонне. Потому, наверное, она и не слышала хрюкающие, приглушенные противогазами переговоры сталкеров. Проводники удивлялись, что им до сих пор не встретился ни один мутант. То ли недавний выброс загнал тварей в норы, то ли вся живность подалась туда, где остался могильник, привлеченная запахом еды.

А цветовой индикатор упорно полз к правому краю монитора. Минут через сорок он пожелтел, как лимон, а еще спустя час зловеще замерцал оранжевым. Кузнец и Ксанта не знали, что группа идет сейчас по безжизненной территории к западу от Милитари, которую сталкеры меж собой называют Золой. Здесь почти не встречались аномалии, да и мутанты попадались нечасто. Впрочем, самые опасные звери Зоны, люди, тоже редко забредали в

Золу. Пустой сектор, изрядно зараженный цезием-137 еще после Первого взрыва, и сейчас регулярно попадал под выбросы, поэтому фон здесь стабильно оставался высоким.

Постепенно лес начал редеть, и стали попадаться пробившиеся из-под густого ковра сосновых иголок чахлые зеленые стебельки. По краю бора густо рос нездоровий желтоватый папоротник. Ребристые стрельчатые листья клонились к земле, покрытые множеством черных точек. Ксанте как биологу странно было видеть столь влаголюбивое растение на самой границе сухой почвы бора, в таких местах папоротники обычно не приживаются.

Идти стало тяжелее: отмершие стебли путались под ногами, цепляли бахилы ПЗК, противно скрипели по прорезиненной ткани. Ксанта поначалу даже морщилась — звук был неприятный до зубовного скрежета, как железом по стеклу. Под стать невеселому, таящему невидимую опасность пейзажу испортилась и погода. Мелкие злобные тучи постепенно съели солнце, и теперь пасмурное небо давило на подсознание, омрачая и без того не слишком радостное настроение.

Они шли без остановок, и понемногу датчик радиации вернулся в зеленую зону. Москит остановился, распустил шнурковку капюшона и велел раздеваться. Его голос звучал глухо и смешно, как в старом армейском анекдоте про слоников.

Кузнец сбросил перчатки, стащил противогаз. Хотел что-то сказать, да так и застыл с резиновой маской в руках.

Далеко на востоке, за краем горизонта вдруг мелькнула оранжевая вспышка. Секундой позже она превратилась в слепящее зарево. Померкла и погасла, но тут же следом за ней сверкнула новая. И еще две — как будто заблудившийся великан подсвечивал себе путь гигантским динамо-фонариком.

— Что за...

Остальные обернулись и тоже удивленно замерли. Некоторое время все четверо стояли молча, наблюдая за огненной вакханалией.

— Это Зона шалит, да? — наконец нарушила тишину Ксанта.

— Кто бы знал, — ответил Москит. — Может, и она, родимая, развится. Хотя скорее всего это дело рук человеческих.

Скай уже скатывал костюм в герметичный пакет. До ближайшей лужи или, если не повезет с чистой водой в Зоне, до дезактивации за Периметром.

— По краю Милитари тянется зона технопаузы, — продолжал Москит. — Там отказывает вся электроника, да и механика готова взбрькнуть в любой момент. Рации, ПДА, компакты и прочие красивые игрушки дохнут напрочь. И я слышал, некоторые кланы из тех, что постоянно ковыряются на старых военных складах, приспособили для связи оцинкованную кровлю ангаров. Нечто вроде гелиографа.

— Ну да, — проговорил Кузнец, наблюдая, как очередная вспышка расцвела розовым и ослепительно-белым, а потом рассыпалась ворохом искр, словно в небо плеснули раскаленным металлом и он растекся по облакам расплавленными каплями. — Или там просто кто-то кого-то очень не любит.

— Или контактные пары играют, — безмятежно проговорил Скай, не отрывая взгляда от вспышек. Показалось Ксанте, или он действительно разглядывал их слишком сосредоточенно, словно пытался обнаружить в их чередовании какую-то закономерность? То, что это не морзянка, она поняла сразу. — Зарядило их после выброса по самые гланцы, вот и...

Москит сдвинул противогаз на затылок, почесал потный лоб.

— Ну его к дьяволу, ребята, возьмем-ка еще западнее. Неохота мне встречаться с крутыми парнями, способными на такую иллюминацию. Совсем неохота.

— Можно подумать, в Припяти сплошь добряки сидят, — сказал Скай.

— Конечно, там своего веселья хватает, — рассудительно заметил ведущий. — Но оно все знакомое, проверенное, ничего похожего на этот фейерверк.

— Как скажешь. Я не против.

Последние слова Скай заставили Ксанту встрепенуться. Она легонько толкнула локтем

Дениса. Тот кивнул и, помогая ей избавиться от защитного костюма, прошипел:

— Ну что, видишь теперь? Он даже для виду не поспорил. Конечно! Он ведь явно тащит нас по определенному маршруту, и такой крюк ему на руку. Наверняка прямиком в объятия к своим дружьям.

— Что вы там шепчетесь? — сказал Москит. — Аккуратнее со снаряжением, оно горячее. Выверните наизнанку и скатайтесь. Только к наружной стороне не прикасайтесь.

Оставив Дениса возиться с костюмами, Ксанта подошла к ведущему и тихо, почти не разжимая губ, проговорила:

— Можешь отослать Скай? Разговор есть.

Проводник удивленно поднял бровь, но не фыркнул и не послал ее куда подальше, как опасалась Ксанта. Подвигал бровями, помолчал, потом крикнул помощнику:

— Скай! Поищи-ка нам в округе какой-нибудь водоем или лужу почище. Наши туристы так ловко, как ты, с защитой не управятся. Надо хотя бы ополоснуть, чтобы лишние бэры на собственном горбу не таскать.

Помощник молча кивнул, бросил на Ксанту внимательный взгляд, от которого у нее зачесались кончики ушей, и двинулся вперед.

— Ну? — Москит почесал небритый подбородок, когда он скрылся в зарослях. — Что у тебя там? Только скоренько.

— Мы думаем, что Скай — предатель! — выпалила она. — Он куплен «Монолитом»!

Ведущий протяжно и разочарованно вздохнул — так и знал, что опять какие-то глупости.

— Скай куплен?.. Да на кой хрен он сдался «Монолиту»-то? За нами следить?

— Да, — серьезно ответила она. — За нами. Точнее, за мной.

Ее тон был таким серьезным, что Москит заинтересованно поднял взгляд.

— Готов слушать? — холодно спросила она. — Так вот: все, что ты раньше знал про Мута, — ерунда. Художественный свист и дешевое гонево...

Подошедший Кузнец ухмыльнулся, заслышиав знакомые интонации.

— На самом деле Костик работает на военных сталкеров. У него приказ: разведать подходы к станции, заручиться поддержкой кланов, нащупать слабые стороны «Монолита». Он стал у вас тут чем-то вроде агента влияния. Завербовал многих экстр, потом привлек на свою сторону «Последний рубеж». Знаешь таких?

— Кто же не знает? — буркнул Москит. Он разом потерял как минимум половину своей привычной самоуверенности, став непривычно задумчивым и тихим. — Те еще ребятишки, почище «Монолита» беспредельщики будут...

— Это вы так между собой считаете, вольные сталкеры-бродяги. А они ведут с «Монолитом» целенаправленную войну на уничтожение, мстят за своих погибших товарищей. Военстали за них, только не афишируют это дело. В общем, Костик нашел подходящих союзников. Понимаешь теперь, почему и те и другие назначили такую цену за информацию о нем? Плохие ребята спят и видят, как бы заполучить заложников, чтобы было о чем поторговаться с Мутом. И есть ли у них лучший вариант, чем я?

— Ну, хорошо, хорошо, — ведущий говорил совершенно серьезно, не дразнил и не высмеивал. Видимо, выданные Ксантой подробности, которые едва ли мог знать случайный человек, прозвучали для него убедительно. — Про Мута ясно, хотя, конечно, лучше бы вы мне сразу все рассказали, ребятишки...

— Тогда ты отказался бы нас вести, — резонно заметила Ксанта.

— И не болтался бы в двух шагах от Припяти в компании двух полуумных со шпиономанией, — с готовностью кивнул Москит. — «Монолит», «Последний рубеж», экстры — вся эта каша далека от простых бродяг вроде меня. Нам бы чуть хабара да живыми вернуться, вот и счастье...

— Ну да, а Зона для вас — дом родной, и если удастся ее уничтожить, ты лишишься работы и станешь жутко переживать! — Ксанта дерзко вздернула подбородок. — И тебе наплевать, что при каждом прорыве десятками гибнут мальчишки-контрактники, что

приходится держать здесь целую армию за счет Евросоюза и ООН, что ежегодно тысячи людей уезжают отсюда моральными и физическими калеками!

— Ты меня громкими лозунгами-то не жалоби, — проговорил Москит, однако без особой уверенности. Наверное, и ему, как Костику, по ночам снилась треклятая Зона, и он тоже просыпался с криком в холодном поту. Скрупулезно, как скряга, считал набранную дозу и прятал подальше от себя самого пухлую медицинскую карту...

— Ладно, — сказал он тихо. — Пропади она пропадом, сволочь! Была б моя воля, собственными руками порвал бы в клочья. Что бы там ни делал Мут, не мое это дело, но я взял деньги, чтобы вас довести, и я вас доведу. Так что вернемся к тому, откуда начали. Каким боком Скай может относиться к «Монолиту»? Он старый следопыт, его многие в Зоне знают...

— Ему и не надо быть с ними. «Монолит» мог его просто купить, — глухо сказала Ксанта.

Денис поддержал ее:

— Вспомни: два отряда загонщиков, пылающий местью контролер, лес, полный трупов, перестрелка в городе, о которой ты рассказывал, вспышки на Милитари. Не знаю, кто, «Монолит» или нет, но нас целенаправленно куда-то загоняют. Заставляют идти вполне определенным маршрутом, а уж куда он ведет — даже гадать не хочу. Смотри сам, ты у нас спец.

Москит вскинулся, посмотрел на Кузнеца в упор — не издевается ли. Но нет, тот говорил совершенно серьезно.

— Он же не всегда со мной соглашается... — пожал плечами ведущий.

— Скай только вид делает, что спорит, — ответила Ксанта. — И не настаивает никогда: типа я помощник, моя хата с краю. В итоге мы идем, куда ему нужно. И сдается мне, нас там ждут не дождутся.

— А как же пароль? Ну, тайное детское имя, кличка эта...

— Кроме того, что Скай когда-то встречался с братом, пароль ничего не доказывает. А мог и просто в баре услышать, если, скажем, следил за Костиком. Или собирал информацию о нем. Мой ник за полчаса ловится в Сети, я его не прячу. Так что липовый пароль, сталкер. Фуфло.

— В общем, не думаю, что тут завязан «Монолит», но ведет парень себя и правда немного странно. Словно выжидает чего-то. — Москит глянул в ПДА. — Ладно, закрываем базар, он идет к нам. Вы меня не слишком убедили, но подумать есть над чем. Попробую устроить ему вскоре небольшую проверку, а вы — не вмешивайтесь, что бы ни происходило.

— Лучше бы ты нас предупредил непосредственно перед началом. Мне что-то в последнее время перестали нравиться сюрпризы, — сказала Ксанта.

— Я и сам пока не знаю, как она будет выглядеть. Придумаю ближе к делу. Вот еще что: через Припять пойдем низом.

— Как это?

— Через дренажную систему и дождевые коллекторы — там безопаснее. Стало быть, если Скай нас сдал и в городе нашу команду кто-то ждет, ему предстоит нехило обломаться. Я ходил там, знаю кое-какие хитрые проходы: сможем обойти любые засады. А если Скай захочет выкинуть какой-нибудь фортель, ему придется полагаться только на себя — коллеги не помогут. Вот мы и посмотрим на его поведение.

Из-за деревьев появился Скай, как всегда спокойный и невозмутимый.

— Нашел. Вон там небольшой прудик, вода в нем вполне чистая.

Москит подмигнул Ксанте и сказал:

— Молодец. Рукопожатие перед строем.

А она с сожалением подумала, что теперь уж точно не успеет погадать. Ну ладно, будь что будет.

Ксанта боялась, что Скай все поймет по их лицам или поведению. Да, конечно, он выглядит совершенно безмятежным и неэмоциональным, словно египетский сфинкс. Как будто ничего не подозревает, но кто знает, как оно на самом деле... Он все-таки опытный следопыт и, значит, человек наблюдательный.

Впрочем, на изменение маршрута он отреагировал без удивления и, когда Москит объявил, что поведет их низом, лишь пожал плечами:

— Наверное, там и вправду безопаснее. Тебе виднее, ты все-таки проводник. Я в Припяти гость нечестный.

Пруд, который нашел Скай, оказался чистым скорее в переносном, чем в прямом смысле. Заросший мерзкой клочковатой тиной, целиком покрытый гниющей ряской, выглядел он отвратительно. Для остроты ощущений, словно их и так было мало, от воды несло затхлостью и прелой листвой, а над поверхностью слабо колыхалась полупрозрачная дымка.

— К такому пруду я и в простом лесу на километр не подошел бы, — шепнул Кузнец. — Не то что в Зоне.

— Особо выбирать-то не приходится, — поморщилась Ксанта. Ей водоем тоже не понравился, тем более что и случай на озере все еще был свеж в памяти.

Но Москит подошел к берегу без всякой опаски, провел над водой ПДА и удовлетворенно сказал:

— Чистая, почти нет фона. В самый раз барабанло прополоскать. Только зелень руками не трогайте, палками оттолкните подальше. Как бы там внутри новорожденное зеркальное пятно не спряталось.

Дезактивационные процедуры прошли без эксцессов. Ксанту, конечно, мучило от запахов, да и Кузнец дышал через рот, но закончили быстро. Москит на всякий случай проверил радиации костюмы датчиком и один заставил перемывать, а в конце похвалил «туристов»:

— Молодцы. С учетом того, что навыков у вас нет, справились на твердую четверку.

Денис только отмахнулся, но Ксанта заметила, что ему приятны слова крутого сталкера. Вообще после недавнего разговора по душам между ними и старшим проводником протянулась какая-то незримая ниточка взаимного доверия. По крайней мере, ей нравилось так думать.

Мелкий косой дождь дождал их за несколько километров от городской черты. Город пах неизвестностью, тайной и смертью. Даже отсюда ровные ряды обветшавших и местами разрушенных кварталов выглядели так, что сердце противно екало в груди.

Всем очень не хотелось туда идти. Очень.

Москит положил всех в поросшую подорожником размытую канаву и долго изучал город в бинокль. Скай пристроился рядом — проводники о чем-то долго совещались, но из-за шума тысяч дождевых капель Ксанта смогла расслышать лишь отдельные фразы.

«...не стоит соваться... засветимся...»

«...есть проход внизу... обычно мало кто ходит...»

— Так, — Москит повернулся к группе. — Припять — поганое место, здесь и аномалий хватает, и твари лютуют, и нашего брата сталкера встречают недобро. Поэтому зевать не стоит. Кузнец, тебя это особенно касается! Иначе получишь пулю или вляпаешься в такое дермо, что потом придется тебя щетками от асфальта отскребать.

— Да ясно все, — сказал Денис. — Не дурак, понимаю.

— Точно? — с сомнением спросил ведущий. — Ну, посмотрим. Вперед, короткими перебежками! Во-он до того пакгауза. Там залечь.

— И не пересекайте проспект, — добавил Скай. — Даже за обочину не заступайте. Там часто роятся трамплины, стукнет в лоб — мало не покажется. Или подбросит на пару метров, все нутро отшибете.

— Не стоит, в общем, соваться, — резюмировал Москит. — Кузнец, вперед! Скай следующий.

Сначала все было спокойно — перебежка за перебежкой они приближались к мертвому городу. Ну, разве что Дениска один раз поскользнулся и заступил все-таки за край дорожного полотна. Сработавший трамплин его практически не задел, лишь подбросил в воздух комья грязи и окатил всех холодным душем из ближайшей лужи.

— Влево! — зарычал Москит. — Я же предупреждал: осторожнее ходим, под ноги глядим! Спецназ, твою мать!

Потом некоторое время они двигались без происшествий, только дождь стучал по капюшонам, брызгая в лицо мелкой холодной взвесью. А еще медленно расплывались на коленях мокрые пятна, потому что ведущий то и дело орал:

— Пригнулись! Ниже, вашу мать! На полусогнутых!..

Ничего, впрочем, после этого не происходило — а может, потому и не происходило, что вовремя и низко пригибались.

На пустыре перед пакгаузом Москит снова приказал залечь. Когда-то здесь гоняли в футбол юные жители Припяти, и даже за сорок лет буйная травяная поросль не смогла скрыть лысые проплешины. Сейчас они раскинулись от дождя, и бывшее футбольное поле превратилось в липкое грязевое болото. Ксанта упала на живот, чувствуя, как намокают куртка, и хотела уже возмутиться, но тут началось.

Сквозь монотонный шум дождя отчетливо прогрохотал пулемет, и стремительная дорожка пулевых попаданий с чавканьем пробежала недалеко от них.

— За угол! — заорал Москит и, подхватив Ксанту под мышки, швырнул ее к обшарпанным кирпичам пакгауза.

Вовремя. Вторая очередь прошлепала по грязи аккурат через то самое место, где они только что лежали.

— Скай! — гаркнул ведущий. — Заметил стрелка?

— Вроде да. Похоже, у него тепловизор, просто так в дождь он нас на таком расстоянии хрен разглядел бы.

— Ядрена матрена! — Москит сплюнул. — Хорош подарочек. Вопрос на засыпку: кого он тут пасет? Не нас ли?

Младший проводник пожал плечами. Ксанта с Денисом многозначительно переглянулись: кого же еще ему тут пасти!

— Патруль темных, может быть, — пробормотал Скай.

Ведущий повел группу в обход — через сплошные завалы бетонных блоков и рухнувших панелей типовых семиэтажек, через груды строительного мусора, ржавых железных арматурин, покореженной и разбухшей от влаги домашней мебели.

— Этот квартал взорвали еще в восьмидесятых, — бросил на ходу Москит. — А потом расчищали бульдозерами. Прокладывали дорогу для тяжелой техники, Саркофаг собирать...

Скай вдруг замедлил шаг, покрутил головой.

— Так мы в бассейн идем, что ли? — подозрительно спросил он.

Ведущий проворчал, не оборачиваясь:

— Ну да. А ты что, кабацких баек боишься?

— Да не то чтобы очень...

— Что еще за байки? — спросила Ксанта на ухо Москиту, когда они затаились за очередной горой бетонных обломков.

— Да ерунда, — отмахнулся тот. — Очередные пьяные страхи пьяной братвы. Я сто раз там ходил, ничего такого не видел.

— А что мог увидеть?

— Да ничего не мог! Пусто там, разве что бюреры вдали прошуршат. Внизу надо аномалий стеречься, а не страшилок выдуманных. Нет там никакого Альбиноса, врачи это все! Пошли.

Раньше Ксанта ни про каких альбиносов не слышала и немного встревожилась. Костик

не раз говорил, что большинство сталкерских баек в конце концов оказываются не такими уж небылицами.

Но бояться было некогда. Стремительный бросок через расчищенный перекресток закончился новым грохотом очередей и новым падением лицом в грязь.

Больше, правда, неведомый стрелок им не мешал — видимо, группа вышла из сектора обстрела. Похоже, это и правда был какой-то стационарный пост темных сталкеров, лупивших во все, что движется. Но короткие перебежки все чаще заканчивались долгими паузами, когда приходилось ждать сигнала, лежа в мокрой холодной грязи. Мысли в голове закончились, и Ксанта надолго забыла и про альбиносов, и про все остальные кошмары Зоны. Лишь хрипел в ушах осточертивший голос ведущего:

— Вперед, живо!.. А теперь залегли!

Но все неприятное когда-нибудь кончается. Спустя минуту, час, а может, и вечность Москит ткнулся плечом в угол полуразрушенного закопченного строения и махнул рукой: чисто, все ко мне.

Кузнец потащил Ксанту за руку — она уже выбилась из сил, ноги заплетались, и его помощь оказалась как нельзя кстати. Они добрались до стены одновременно со Скаем. И хором выдохнули.

— Рано расслабляться, — заметил Москит. — Нам еще войти надо.

— Куда? — спросил Денис. Запыхавшаяся Ксанта смогла только кивнуть.

— А вот сюда, — ведущий ткнул пальцем себе за спину. — Нам нужен бассейн спортсекции, а он — во дворе. Так что сначала придется пройти через школу...

Денис посмотрел вверх — выщербленные пулями кирпичи крошились от времени. Высокое окно, когда-то заложенное наглухо, чернело от копоти — совсем недавно его пытались выбить выстрелом из подствольника. Да и вообще по стене кто-то палил от души, бывшая школа выглядела так, словно десантная рота штурмовала ее как минимум неделю.

— Там что, штаб клана? — спросил Кузнец.

— Был, — признал Москит. — Только не штаб. И не клана. В Припяти у военных сталкеров долгое время была промежуточная база. Склад, место для отдыха и точка эвакуации. Конечно, на такой приз многие зарились. В итоге военных отдали к этой самой школе и там вырезали до последнего. Но держались они долго.

— Ну так и чего бояться, раз никого не осталось? — поинтересовалась Ксанта.

— Бояться надо не тех, кто там был, а того, кто есть сейчас, — мрачно отозвался ведущий. — За мной, смертнички!

С этими словами он нырнул за угол. Остальные бросились за ним и оказались в узком школьном дворике, заросшем и захламленном донельзя. Недавний пожар превратил в головешки деревья и останки скамеек. У покореженных ржавых прутьев бывшей ограды лежали оконные рамы, школьные парты, куски жести и даже бетонные балки.

— Они еще и баррикады пытались строить... — протянул Кузнец.

— Я же тебе говорю, военстальы долго сидели в осаде. Оружия у них имелось на целую дивизию. Громко было. Ну вот, — неожиданно заключил Москит, — чистенько вроде.

За разговором он терзал детектор аномалий. Датчики не показывали никакой подозрительной активности.

— Значит, так, — проговорил ведущий. — Входим и в темпе двигаемся через все крыло. Скай — замыкающий. Если будем действовать молниеносно, нас могут и не заметить. Ни на что не отвлекайтесь, кто бы за вами ни шел. Свет ни в коем случае не зажигать! Ясно, Кузнец?

— Да ясно все. Что, тех снорков всю жизнь будешь мне поминать?

— Хорошо, когда что-то можно поминать всю жизнь, значит, жизнь длинная. Радуйся, — съязвил Москит. — В общем, без самодеятельности. Потому что там внутри стрелять крайне не полезно. И ни в коем случае не включаем свет!

— Почему? — поинтересовалась Ксанта.

— Потому. Смертельно опасно.

Сорванная взрывом самодельная железная дверь, согнутая почти на девяносто градусов, валялась посреди школьного вестибюля, мешая проходу. Вслед за ведущим группа по одному перебралась через гармошку смятых металлических листов и осторожно двинулась в неуютную темноту.

Ксанта то и дело оглядывалась на последний, казалось, квадрат света в этом мире, который становился все меньше и меньше. Под ноги часто попадалось что-то мягкое и податливое, она спотыкалась, судорожно перешагивала препятствие, заклиная себя не смотреть вниз.

От главного коридора в стороны отходили какие-то смутно различимые проходы. Наверное, классы или технические помещения с выбитыми дверями. Думать о том, что там внутри, совершенно не хотелось. К тому же в некоторых проходах что-то едва слышно пошумливало — видимо, те самые бюреры, которые, по словам ведущего, изредка вдали прошуршат.

Москит уверенно шагал вперед, ни на что не обращая внимания. Да и Скай держал автомат стволом вниз, словно не чувствовал вокруг никакой опасности.

Но в темноте, в глубине чернильных проемов, тем не менее все время как будто что-то двигалось, шевелилось, принюхивалось. Слишком слаженно, слишком размеренно. Стадо крыс так не смогло бы, даже дрессированных. Только если нанизать их на длинную веревочку и дергать, чтобы они шевелились все одновременно — сотни лапок, хвостов и хитрых глаз-бусинок. Иногда из глухой космической черноты и вправду что-то взблескивало, словно любопытный грызун пытался разглядеть или вынюхать незваных пришельцев. После каждого такого высверка шорох и шевеление усиливались.

Это были крысы. Или снорки. По крайней мере, Ксанте было спокойнее так думать. Но время от времени ей начинало казаться, что на самом деле в старой школе скрывается многооногое и многоголовое существо: гигантское, неповоротливое и очень опасное.

Впитав все ее страхи, бесконечный школьный коридор все-таки закончился. Перед высоким окном военные сложили солидную баррикаду, но сейчас от нее мало что осталось. Выбитые стекла торчали из рамы, словно гнилые драконы зубы — грязные и закопченные до полной потери прозрачности.

Москит осторожно выглянул в заколоченный крест-на-крест проем и швырнулся наружу несколько маркеров.

— Детектор чист, — шепотом сказал Скай.

— Вижу. — Ведущий рывком перебросил свое тело через остатки заграждения, упал на колени и прижался плечом к стене.

Ничего не произошло. Правда, рядом, в глухой тьме, опять зашевелилось нечто — зашевелилось и даже, как показалось Ксанте, разочарованно вздохнуло. По коридору пробежал легкий ветерок с едким гнилостным запахом.

— Вылезайте, — с явным облегчением в голосе проговорил Москит.

Следом за ним выбрался Денис, помог Ксанте, потом появился Скай.

— Фух, — сказал он. — Броде пронесло. Сторож сегодня ленивый был.

Ведущий мрачно сплюнул:

— Выжечь там все надо. Вернулись бы вояки да спалили эту тварь из огнеметов. А то хрен знает, сколько она там будет сидеть и не захочет ли однажды вылезти!

— Ну вот! Я же слышала! — восторжествовала Ксанта. — Значит, там действительно кто-то был. Что еще за Сторож такой?

Сталкеры переглянулись. На этот раз ни один из них не торопился давать разъяснения.

— Тебе так важно знать? — пробурчал Москит. — Научный зуд покоя не дает? Далеко не все стоит исследовать, девочка. Некоторые вещи лучше оставить неизученными. И даже не вспоминать о них. Подальше от греха...

— Сторож появился в школе почти сразу, как оттуда ушли кланы, грабившие базу военстталкеров, — нехотя проговорил Скай после паузы. — Никто не знает, как он выглядит, потому что ни один бродяга в здравом уме не станет зажигать там фонарь, чтобы

посмотреть. Лично я думаю, что это несколько крысиных волков со своими армиями. Знаете, что такое крысиный король? Это несколько крыс, запутавшихся хвостами. Такой живой клубок не может выбраться из норы и обречен на голодную смерть, однако остальные крысы почему-то начинают носить ему еду. Возможно, у нас здесь произошло что-нибудь похожее, только крысиным королем стали несколько крысиных волков. Точнее, не королем, а Сторожем. И теперь все это здание набито их серыми армиями, которые не могут покинуть своих вождей.

— Может, и так, — проговорил Москит. — А может, ни черта и не так. Проверять дураков нет.

— А почему он Сторож? — спросил Кузнец. Никогда еще он не видел проводников такими... не то чтобы испуганными, конечно, просто... не вполне уверенными в своих силах.

— Потому что стережет! — отрезал Москит. — Сидит, как Кащей из сказки, на сокровищах и никого близко не подпускает. Говорят, от военных там еще много чего осталось, но больше никто на их имущество особо не заряжается. Три группы пропали, желающих сразу поубавилось. Однако, если просто пройти здание насквозь, не зажигая света, он обычно никого не трогает...

В повисшем молчании слышался лишь легкий шелест дождя и такой же легкий шорох в школе за спиной.

— Может, пойдем уже? — тихонько сказала Ксанта. Стоять возле распахнутых в темноту дверей, в которой обитал Сторож, было очень неуютно.

— Передумала исследовать? — буркнул ведущий. — Ну, то-то. Пошли, раз так. Нам вниз.

Она не могла даже представить, что вход в подземный дренаж города, о котором говорил Москит, будет таким неожиданным. Кузнец даже присвистнул, когда увидел, а у Ксанты сильно защемило сердце.

Это действительно был бассейн. Детский бассейн школьной спортивной секции. Советская власть ничего не жалела для энергетиков и щедро платила им за риск облучения. Далеко не в каждой столичной спецухе был тогда собственный бассейн, а тут, в Припяти, местная школа могла похвастать настоящим водным центром.

Сорок лет назад огромный, как ангар, зал с широкими окнами наполняли детские крики, смех, свистки и команды тренеров. Сейчас здесь царила застарелая разруха. Бассейн был завален мусором и пробковой трухой, прыжковые вышки рухнули на кафельный пол, а огромные часы над входом остановились навсегда. Проржавевшие стрелки тоскливо обвисли, указывая на полустертого, а циферблат секундомера вместо секунд демонстрировал пустые грязно-рыжие таблички. Окна, заложенные по моде тех времен мозаикой из двухслойных стеклянных квадратиков, зияли пробоинами. Толстенные плитки лопнули от перепада температур из-за акустических ударов от близких выбросов, некоторые были раздроблены пулями и осколками. Мелкая стеклянная крошка искарилась и хрестела под ногами, как снежный наст на морозе. Влажный от дождя сквозняк гонял по полу листья и обрывки полусгнившего картона. Венчал запустение выцветший от времени до бледно-розового цвета лозунг: «Быстрее, выше, с...»

Кузнец хмыкнул. Дописал в уме последнее слово, наверное — в соответствии со своим нехитрым армейским юмором.

— Вниз, — напомнил Москит.

Выщербленная лестница вывела их к длинной анфиладе технических помещений, тренерских и тренажерных залов. По пути попалась детская раздевалка с ровными рядами металлических шкафчиков. Крашенные казенной серой краской, они оказались неподвластны времени, лишь кое-где проглядывали неряшливые ржавые пятна. На некоторых дверцах белели выцветшие наклейки — дети оставались детьми даже в городе атомщиков илепили на свои шкафчики белочек и зайчиков. Теперь от них остались лишь грязные корявые силуэты.

Удивительно, но в большинстве помещений все еще горел свет. Три энергоблока

закачивали в Зону немыслимое количество энергии, и все, что еще могло работать в подземельях, работало — в отличие от школьных коридоров, где плафоны, видимо, просто побили во время ожесточенных перестрелок. Некоторые лампы перегорели, кое-где стеклянные колпаки полопались, однако везде что-то тлело, искрилось, мерцало — мучительно, вполнакала, но все-таки пытаясь освещать глухие подземные катакомбы.

Даже на самом нижнем этаже, в бойлерных и насосных, гулко ухали склеротические трубы, обтянутые асбестовой фольгой, с потолка капала подогретая вода, стекая по жутким сталактитам известковых отложений. Эти давно умершие помещения, словно зомби, продолжали жить и после смерти.

— Смотрите под ноги, — велел Москит. — Очень внимательно. Чуть что покажется не так — замрите! Здесь иногда зыбь попадается. Редкая мерзость, да и заметить ее непросто, на солнце еще можно разглядеть, а в полутьме вляпаться легче легкого. Если вдруг покажется, что пол немного серебрится или над ним посверкивают небольшие металлические искорки, замрите. Это она и есть.

— И как зыбь действует? — спросил Кузнец.

— Наступишь — узнаешь, — сварливо ответил ведущий. — Мало не покажется, уверяю. В зыби структура любого вещества теряет устойчивость, оно растягивается, растекается, словно масло на сковородке. А под твоим весом — прорвется. Ухнешь по пояс, а все материалы, что зыбь успела в себя затянуть, тут же начнут смешиваться. И ты в том числе.

Ксанта закусила губу. Вначале ей показалось, что это и есть та самая проверка, о которой говорил Москит. Но ведущий говорил без тени иронии или намека, да и Скай слушал его вполуха: похоже, прекрасно знал о странной аномалии.

— Смотрите внимательно, — буркнул старший проводник. — Вон тот проход — наш. До него совсем не вредно будет дойти целыми и невредимыми. Собрались.

Все четверо пристально изучали разбитые кафельные плитки перед собой, но первым на редкую аномалию наткнулся Денис.

— Вот она! — неуверенно проговорил он, уже готовый к очередному шквалу насмешек. — Здесь серебряный налет!

— Детектор тоже засек, — сказал Скай. — Нашли, старшой.

— Тогда аккуратненько, по стеночке, — распорядился Москит. — И не пробуйте перепрыгнуть! — поспешно предупредил он. — Воздух, ребята, он тоже состоит из молекул и неплохо смешивается с другой материей...

Честно говоря, никакой зыби Ксанта так и не увидела. Прошла по крайней кафельной дорожке, прижимаясь к ржавым трубам, испачкала куртку, но серебристый налет не разглядела, сколько ни пытались. Однако у Кузнеца заметно дрожали руки, а старший проводник все утикал и утикал обильный пот, пока она не добралась до безопасного места.

Железная лесенка в сливной коллектор совсем не выглядела надежной. Хорошо хоть воздух, поднимавшийся снизу, не пах практически ничем, кроме стоялой воды. Канализация в брошенном городе давным-давно не работала.

В большой дренажной трубе по щиколотку плескалась мутная жидкость — дождевой слив исправно выполнял свою функцию, хотя давно уже никому не был нужен.

— Влево. Там бывшие отстойники и ливневые карманы, — сказал Москит.

— А через большой дренаж не ближе? — поинтересовался Скай. — Или не хочешь светиться?

— Нет, глубже лучше не спускаться.

— Радиация? — понимающе спросила Ксанта. В гулкой пустоте трубы голоса казались чужими и неестественными.

— Там прямой слив в Припять. Иногда из реки такое заглядывает, что лучше даже и не знать. Слышала про Сома? Так тот Сом — мелочь по сравнению с настоящими сюрпризами фарватера. Концентрированная жуть, особенно когда бельмами слепыми из-под воды вот так вот глянет...

Ксанта сглотнула и больше не допытывалась.

Плеск шагов разносился далеко во все стороны. Иногда казалось, что сзади или спереди кто-то идет, так сильно металось по тоннелю многоголосое эхо. И с каждым метром становилось все темнее — известное дело, свет в канализацию проводить незачем.

— Эх, — вполголоса заметил Денис, — тепловизор бы сейчас...

— Зачем это? — отозвался Скай.

— Ну... мутантов смотреть. Мало ли...

Москит хмыкнул:

— Хватит блажить, Кузнец. Любой бродяга тебе скажет, что это штука для сталкера практически бесполезная. Не всякий монстр теплокровный, да и излучений тут полно всяких, ни черта не разберешь. Кровосос вообще вон с температурой окружающей среды бегает, пока свежатинки не попробует. Тогда да, пару часов сверкает в инфре, как новогодняя елочка. Но как переварил — опять стал невидимым. Даже военные сталкеры, у которых со снаряжением полный порядок, недолго бродили с тепловизорами. Быстро сообразили, что только лишний груз таскают...

После небольшой паузы, во время которой Денис переваривал информацию, ведущий продолжал:

— И тогда уж сразу, пока ты новую идею не родил. Прикреплять фонарик к стволу, как в боевиках показывают — в нашем случае развлечение для полных идиотов. Луч света в темноте всякую мерзость приманивает. Слетаются, как мотыльки. Так что держи лучше ушки на макушке и ствол под рукой. И датчики движения настрой на максимальную чувствительность. Впрочем, толку от тебя...

На следующем повороте трубы стало совсем темно. Москит и Скай вышли вперед, датчики движения у них на запястьях непрерывно постукивали. Ровный, как метроном, звук успокаивал расшатанные нервы, однако внезапно его размеренная пульсация ускорилась.

— Что-то есть, — тихо сказал Скай. — Двадцать семь метров.

— Оно за поворотом, — шепотом отозвался Москит.

Сталкеры синхронно передернули затворы.

— Движение!

— Вижу.

— Идет к нам!

— Вижу!

— Слишком быстро! Это Альбинос!

— Твою же мать, а!

Скай вдруг сорвал с подвязки рюкзака коротенькую трубку, дернул за свисавший с ее торца шнур и швырнул трубку вперед. С шипением и треском вспыхнул оранжевый огонь на конце фальшфейера. Сливной тоннель озарился ярким мерцающим светом, над головами людей задергались гротескные тени.

Денис хотел съязвить что-нибудь на тему фонарика для полных идиотов, но не успел, потому что из-за угла внезапно вылетела молниеносная тень.

Мутант передвигался так быстро, что сливался в сплошную полосу собственных отражений, словно на плохой фотографии с большой выдержкой, и разглядеть его в подробностях было невозможно. Моргающий свет фальшфейера делал его движения еще более дергаными и изломанными, как будто в лучах стробоскопов танцевал фокстрот гальванизированный труп. Однако огненное свечение на мгновение ослепило обитателя катакомб, и он замер в конце коридора, выпрямившись во весь рост, — двухметровое двуногое чудовище, отдаленно напоминающее человека.

Москит, Скай и Ксанта сразу распознали его как подвид одной из самых опасных тварей Зоны — кровососа. Только пигмент кожи у этой твари был не серый, как обычно, а бледный, с синими прожилками, как у древнего старика. С плеч и бедер подземного монстра свисали свалявшиеся в колтуны пучки грязно-синей шерсти — то ли собственной, то ли космы какого-то местного мха. Четыре коротких щупальца вокруг рта хищно извивались,

исследуя воздух в поисках добычи. На кистях и груди кровососа пузырилась кровавая пена — хладнокровная тварь стремительно разогревала мышцы перед атакой.

Денис видел кровососа впервые и заметно испугался. Пальцы его застыли в миллиметре от переключателя.

— Альбинос! — гаркнул Скай, дернул стволом и нажал на спуск.

В узком замкнутом помещении грохот АКМК ударил по ушам, словно боксерская перчатка. Рикошеты визгливо чиркали по стенам. Ксанта так и не поняла, попала ли хоть одна пуля в цель, однако разъяренная стрельбой тварь внезапно угрожающе вскинула руки, взмыла дурным голосом и бросилась вперед.

— Стелс! — закричал Москит. — Режим стелс! Да стреляйте же, вашу мать!

Приближающийся Альбинос замерцал, словно изображение на неисправном мониторе, и вдруг пропал, будто его выключили. Ошарашенные Кузнец и Ксанта изумленно таращились в полумрак, потеряв цель, так и не сделав ни одного выстрела, в то время как оба проводника лупили длинными очередями в пустое пространство в конце коридора — и пару раз оттуда донесся болезненный всхрюк, на уровне глаз чудовища мелькнуло что-то полупрозрачное.

Режим стелс, вспомнила девушка. Атакующий кровосос способен становиться невидимым для сталкера. До сих пор было неясно, как он это делает, — ученые склонялись к мысли, что он просто наносит специфический пси-удар и зрительные нервы перестают передавать в мозг его изображение. Однако подтвердить или опровергнуть эту гипотезу было сложно, потому что ни один живой кровосос в руки ученых еще не попал.

Пустота в середине коридора взмыла. Москит со Скаем продолжали зигзагообразно поливать проход свинцом, и мутант наверняка поймал уже несколько пуль, однако его невероятная живучесть и регенерация позволяли ему продолжать атаку в такой ситуации, когда другой хищник уже давно отключился бы от болевого шока и страшных повреждений.

Кузнец протиснулся к Москиту и, видимо сориентировавшись, в чем дело, тоже открыл пальбу в пространство. Несколько одиночных выстрелов канули впустую, он потянул рычажок автоматической стрельбы, и в этот момент что-то полупрозрачное и мутное мелькнуло рядом с его головой. Чудовищный Альбинос выбрал себе первую жертву.

С самого начала схватки в голове у Ксанты судорожно бился ставший уже привычным за последние дни барабанный бой. Голова вдруг стала пустой и огромной. Девушка отстраненно почувствовала, как резко начало утомляться время. Она отчетливо видела, как медленно, словно улитка, в затворной раме автомата Дениса ползет торчащий наружу затвор, как из ствола тугим облачком вырывается вытесненный пороховой газ, как в замедленной вспышке из автоматного дула выпрыгивает пуля, вторая, третья... и все они уходят в противоположный конец коридора, мимо чудовищной фигуры, которая неторопливо поднимает руку и протягивает ее к горлу бывшего морпеха...

Ужас и ненависть захлестнули Ксанту. Она хотела броситься к Дениске и отпихнуть его в сторону, но словно завязла в огромной прозрачной капле смолы. Ее тело, в отличие от сознания, по-прежнему подчинялось законам того, человеческого мира, где вылетевшую из автоматного ствола пулю увидеть невозможно, а могучий кровосос в несколько раз быстрее самого тренированного морпеха.

Ксанта представила, как Дениска вдруг вздрогивает, бессильно обвисает на пробивших его насекомые когтях огромного зверя, голова парня запрокидывается, и из судорожно сжатого рта толчками выплескивается кровь...

В голове что-то щелкнуло, и чудовищное напряжение разрядилось невероятной силы криком, заполнившим ее черепную коробку, все ее естество:

— Не-е-е-ет!!! Стой, мр-р-разы!!!

Несмотря на то что из ее горла не вырвалось ни звука, чудовищная тень вдруг замерла с протянутой к Кузнецу рукой, уставившись на нее. А потом девушка поняла, что в самом деле оглушительно кричит. Действительность вернулась к привычной скорости, пространство снова наполнилось автоматным грохотом — только теперь проявившийся во всей своей

угрожающей красе свирепый мутант нависал над Денисом, не двигаясь с места. Его омерзительные щупальца нервно шевелились, едва не касаясь лица парня.

Москит и Скай пришли в себя практически одновременно и в упор расстреляли застывшего мутанта. Два АКМК рявкнули дуэтом, и уродливая морщинистая голова твари разлетелась на куски. Обезглавленное тело пошатнулось, сделало шаг назад и опрокинулось навзничь в холодную жижу, подняв тучу брызг.

Так и не выстреливший по чудовищу Кузнец судорожно щелкал флагжком режима огня, пока Ксанта не положила ладонь ему на локоть.

— Все, — тихо сказала она. — Хватит, Дэн. Все закончилось.

От звука ее голоса он словно очнулся.

— Что за... мерзкая тварь? — неуверенно спросил он.

— Это кровосос. Только не обычный, а подземный. И теперь, кстати, мертвый, — удовлетворенно сказал Скай, меняя опустевший магазин. — Не всегда удается так просто положить хозяина подземелей. Москит, а ты вот говорил, что никакого Альбиноса нет, байки кабацкие.

Москит даже не стал огрызаться. Он стоял вполоборота, не опуская автомата, и с нескрываемым удивлением смотрел на Ксанту.

Глава 19

Заброшенная ливневая канализация в мертвом городе — не лучшее место для бесед. Москит и Скай молчали, за что Ксанта была им благодарна. Ей совершенно не хотелось что-либо обсуждать. Да и по большому счету, что тут можно было обсуждать? Как она остановила смертельно опасного мутанта одним лишь криком? Девушка до сих пор не была уверена, что монстр замер именно из-за нее. И все же совпадение было поразительным.

Постепенно труба пошла на подъем, уровень воды под ногами заметно понизился, кое-где даже обнажилось скользкое дно, блестящее, покрытое жирной черной пленкой, похожей на мазут. Проход медленно расширялся, своды уже не давили на плечи, и почти не приходилось нагибаться, чтобы пролезть под очередным грязевым сталактитом. Из сливных горловин текли тонкие струйки — наверху все еще шел дождь. Легкий шум падающих капель и журчание воды оставались единственными сторонними звуками. Подземные катакомбы выглядели безжизненными, но здесь явно кто-то жил и охотился: в полосе засохшего ила у стен попадались цепочки явно нечеловеческих следов, а в грудах мусора белели обглоданные кости. Девушка покосилась на них, но, к счастью, они были слишком велики и причудливы, чтобы принадлежать людям.

Наконец впереди забрезжил свет, и Ксанта вздохнула с облегчением. Которое, правда, почти сразу сменилось разочарованием, потому что метров через сорок путь преградила толстенная железобетонная плита, забранная поверху частой решеткой. Свет пробивался из-под нее, а сквозь небольшие отверстия у самого дна сочились чахлые ручейки. Прижавевшие аварийные заглушки теперь уже не могли перекрыть путь воде, но в узкие дыры не пролез бы и самый худой в мире человек.

Денис вопросительно посмотрел на ведущего, но от замечаний воздержался. Кто их знает, чингачгуков, может, так и надо. Или это вообще та самая обещанная старшим проводником ловушка для Скай.

— Там, впереди — аварийный отстойник, — объяснил Москит. — На случай, если прорвут резервные водоемы на станции и вода с теплообменника пойдет в городскую канализацию.

— Она разве радиоактивная? — спросила Ксанта.

— При штатной работе — нет, но мало ли что. Вдруг сильные ливни или паводок на Припяти. На всякий пожарный предпочли разделить. Умные были ребята строители, почти все предусмотрели — кроме того, что случилось в восемьдесят шестом. Но по аварийному сигналу заглушки встали намертво, — он кивнул на массивную плиту. — Привод давно

сгнил, а вручную ее и вдесятером не поднимешь.

— И как же мы пройдем?

— А нам туда и не надо. Отстойник сорок лет стоял закрытым, пусть и дальше стоит. Лицо у меня нет никакого желания выяснять, что там за это время выросло. — Ведущий с натугой потянул в сторону толстый лист металла, прикрывающий незаметный пролом в стене. — Всегда есть другой путь.

На пол упала полоска слабого света, а потом в расширяющейся щели показался узкий технический туннель с обрывками мощных кабелей, черными пятнами горелой изоляции и едва теплящимися под потолком аварийными лампами.

— Осторожно, — сказал Москит. — Провода не трогайте и не касайтесь стен. Здесь попадаются грибы-невидимки.

Он посмотрел на Скай, прикинул что-то в уме и первым полез в пролом.

Затхлый воздух дохнул в лицо, Ксанта поморщилась: пахло жженой резиной, сырьим цементом и гнилью. А еще из туннеля едва ощутимо тянуло опасностью и чужим присутствием.

— Там кто-то... — начала она, но старший проводник потопал:

— Пошли, пошли! Кровососы стаями не ходят, некому из-за угла выпрыгивать. В крайнем случае рыкнешь на него погромче, он и окаменеет со страха.

Оборванные жилы кабелей свисали со стен и потолка, едва не задевая головы идущих баxромой подгоревшей изоляции. Приходилось нагибаться и двигаться гусиным шагом, чтобы их не задеть. Кое-где поблескивали сквозь оплетку медные провода, стреляли одинокие искры. Атомная станция исправно качала в Зону электрический ток.

Тоннель выглядел заброшенным, от прежних его работников не осталось и воспоминаний, а новые гости, сталкеры, рискнувшие забраться в самое сердце Зоны, старались здесь не следить. И все же вдоль стен попадались небольшие кучи мусора, в основном лежалого и давным-давно сгнившего, но иногда вполне свежего.

Перед одной из них Москит неожиданно остановился.

— Они уже и сюда добрались! Вот твари!

— Кто? — спросила Ксанта. На ее взгляд, две мятые консервные банки и грязная ветошь мало чем отличались от всего остального хлама, что попадался им по пути.

— Да бюреры. Маленькие ублюдки! Плюются в подземельях Темной долины и расползаются по всей Зоне. Чуть нашли какой бесхозный подвал — лезут туда всей оравой, гниды.

Скай тронул банку носком ботинка.

— Со старых складов воруют, из хранилища, — произнес он. — Там уже все сгнило давно, да и фонит заметно, а эти жрут и не морщатся.

— Уж всяко лучше, чем друг другом закусывать, — проворчал Москит. — Они и так могут. Или трупами...

— Мне всегда было интересно, — задумчиво сказала Ксанта, старательно игнорируя последнюю фразу проводника, — откуда рядом с ЧАЭС взялся целый подземный комплекс? Мне рассказывали, что там чуть ли не целый город размером с Припять.

Ведущий зло прищурился:

— А братик тебе не рассказывал? Или ваши военные друзья с биостанции? Они и накопали. Сразу после Первого взрыва, под шумок, пока Саркофаг строили. Армия всегда там, где секретность, а тут тебе и зона отчуждения, куда без пропуска ни одна живая душа не пролезет, и любые работы есть на что списать. Раем, мол, аварийный отвод. Или еще что-нибудь вроде этого. Тоннель под Четвертый энергоблок, например, чтобы со всех сторон обложить бетоном. Поди проверь...

— После Второго взрыва кое-что эвакуировали, конечно, — добавил Скай, — но самые большие секреты армейцев так и остались в Зоне. Как-то вот удивительно совпало, что они оказались в самых опасных местах. Поэтому поневоле задумаешься, случайно так вышло или те секретные проекты и есть причина наиболее страшных феноменов Зоны...

— Ну да, здесь, за Периметром, можно спрятать любое паскудство. Одни контролеры чего стоят. Да и бюреры из той же песочницы: говорят, военные проводили эксперименты чуть ли не над своими же бойцами. Пытались пробудить пси-способности. Кое-что у них, конечно, получи...

Ведущий не договорил. Датчик движения в ПДА неожиданно ожил: на экране замерцали две пока еще слабые, но вполне различимые засветки.

— Ядрена мать! Разведчики! — буркнул Москит. — Они всегда по двое ходят.

Не сговариваясь, сталкеры отцепили с ремней и разгрузок матовые сферы осколочных гранат и поспешили рассовали их по карманам. Скай даже разрядил подствольник.

— Кидать в бюрера гранату — самоубийство, — ответил Москит на незаданный вопрос. — С маленьким объектом такой массы карлик справится запросто. Усилием мысли откинет обратно, тебе же под ноги, а то и вовсе заставит кружиться вокруг твоей головы, пока не кончится замедлитель. Потом — баах! — и мозги по стенам. Гранаты вообще на виду лучше не держать, ни к чему соблазнять гадов. А вот угостить их из нескольких стволов никогда не вредно. Перехватить все пули все равно не успеют, постараются увести в сторону прицел или заклинить затвор. Так что чем больше огневых средств — тем лучше, вставай рядом и бей в лоб, всех не остановят. Эй, Кузнец! Сейчас тот самый случай, когда стрелять надо раньше, чем успеешь подумать. Сильный кинетик, уловив твою агрессию, может и моторику мышц замедлить. Бывает, давишь на спуск, давишь, а палец не шевелится...

Денис сжал правую ладонь в кулак, разжал и посмотрел на нее с некоторым недоумением.

— Рано еще, — хмыкнул Москит. — Далековато пока. В общем, так: мы со Скаем идем первыми. Надо снять тварей, пока они нас не заметили, потом сложнее будет. Подумают, что сталкеры пришли на них охотиться, отступят, а через полчаса вернутся с подмогой в дюжину рыб. Такой бандой они нас в барабан рог скрутят.

— А нам что делать? — спросила Ксанта.

— Идите следом и стреляйте во все, что движется. Кроме нас, конечно. — Ведущий неодобрительно покачал головой. — Там будет длинная галерея, они сейчас копошатся в дальнем конце. Бейте туда. Если вдруг почувствуете, что руки против вашей воли начинают поворачивать оружие в другую сторону, — не пытайтесь сопротивляться. Попробуйте разжать пальцы, а то еще заклинит палец на спуске. Лучше уж ствол на полу, чем пуля в затылок впередистоящему. Пошли!

Короткая тишина, во время которой Денис успел поудобнее перехватить АКМК, сменилась яростным громом автоматных очередей. В короткие паузы было слышно, как страшно матерится Москит — видимо, выстрелы не достигали цели. Потом один из «Калашниковых» захлебнулся, и ругань ведущего превратилась в многоэтажную.

— Пора! — крикнул Кузнец и прыгнул вперед. От грохота у Ксанты звенело в ушах, потому она не сразу поняла его, замешкалась и бросилась следом, когда Денис уже выбрался из туннеля и начал стрелять.

Вспышки выстрелов ослепили глаза, привыкшие к подземной полутьме, — сначала она ничего не увидела. Потом вдруг судорожно стиснутый в руке «узи» кто-то дернул. От неожиданности Ксанта едва не выпустила оружие и широко раскрыла глаза.

К ее удивлению, рядом никого не было. Никто не стоял на расстоянии вытянутой руки и не пытался отнять у нее ствол. Сталкеры и Денис рассыпались по галерее и короткими очередями били в полутьму. Автомат Москита то и дело замолкал, он, яростно и неслышно шевеля губами, передергивал затвор и начинал стрелять снова.

Ксанта увидела, как ствол АКМК Скай внезапно подбросило вверх, словно от удара, пули чиркнули по потолку галереи, осыпав стрелков бетонными осколками. В следующее мгновение невидимый противник снова попытался отнять у нее оружие. Только теперь она поняла, что никто не хватает «узи» за ствол, это телекинетическая сила бюреров выдирает у нее из рук огнестрельную железку. Это было настолько неожиданное и странное ощущение, что поначалу все пояснения Москита выскоцили из головы. Ее дистанционно атакуют

бютеры! Приглядевшись, она смогла рассмотреть впереди карликов — две уродливые, одетые в лохмотья, отдаленно напоминающие человека фигуры метались в отдалении, то скрываясь в глубине галереи, то снова появляясь.

— Стреляй! — крикнул Скай. — Пока они в нас вцепились!..

Принявший команду на свой счет Кузнец прицелился, но выстрелить не смог — как и предсказывал Москит, правая рука внезапно перестала его слушаться. Указательный палец изо всех сил давил на спуск, но не мог сдвинуть его даже на миллиметр, словно тот составлял единое целое с затворной рамой.

Нащупав телепатически самого слабого противника, бютеры вдвоем взялись за Ксанту, потому что удерживать сразу четырех им было тяжеловато. «Узи» дернулся в руках как живой и начал разворачиваться в сторону Дениса: карлики явно решили для начала сократить число противников. Ксантано поспешило разжала пальцы, однако рукоять автомата словно приклеилась к ладони. Указательный палец помимо ее воли согнулся раз и другой, однако не нащупал спуска, поскольку сообразительная девушка успела за мгновение до этого вынуть его из спусковой скобы. Поняв, что в третий раз бютер телепатически дернет сам спусковой крючок, Ксантано изо всех сил надавила на рукоять, уводя ствол в сторону. После секундной паузы «узи» вырвался из ее рук, больно ударив по ладони.

Зависнув воздухе, миниатюрный автомат принял рыхать стволом из стороны в сторону, выбирая себе жертву — низкорослым бютерам было плохо видно издали, и они не могли сразу развернуть «узи» как надо.

Ксантано пронзительно взвизгнула. Денис быстро обернулся через плечо, и глаза его расширились от удивления, когда он натолкнулся взглядом на черное жерло «узи», висящего в воздухе. Кузнец дернулся, намереваясь сбить израильский автомат прикладом, но его руку словно закатали в гипс; ладонь прилипла к рукояти, а пальцы — к спусковой скобе.

— Что за хрень! — только и сумел выдавить он.

Однако, увлекшись пси-контролем Дениса и Ксантано, бютеры вынуждены были ослабить телекинетические оковы проводников. В два ствола вновь получившие свободу сталкеры мигом достали одного из карликов. Пули еще рвали тщедушное тельце, когда второй мутант отчаянно заверещал и метнулся в сторону, петляя на бегу, словно заяц. Он добрался до каменной лестницы, поднимавшейся к потолку галереи, и даже начал проворно карабкаться по ней, с трудом преодолевая слишком высокие для него ступени.

Оживший «узи» безвольно упал на пол, снова став просто бездушной огнестрельной железкой, а Кузнец почувствовал свою руку, шевельнул пальцами и, молниеносно развернувшись, выпустил длинную очередь в спину отступающему врагу. Бютер споткнулся на бегу и попытался остановить смертоносный поток свинца. Несколько пуль рассыпались прямо в воздухе и металлическими брызгами застучали по бетонным ступеням, но справиться со всеми сразу карлику оказалось не под силу. Меткий выстрел ударили его в плечо, полуторированная рука повисла плетью. Тварь снова закричала, распластавшись на лестнице, теперь уже от боли, и Скай быстро поймал мутанта в перекрестье прицела. Уродливо непропорциональная голова с влажным хлопком разлетелась кровавыми ошметками, и безвольное тело покатилось по грязным ступеням лестницы к ногам сталкеров.

— Готов, — буднично резюмировал Скай, задирая дымящийся ствол к потолку.

Ксантано ошалело уставилась на помощника проводника. Интересно, у него есть хоть какие-то эмоции, кроме любви к деньгам?

Пока сталкеры проверяли трупы, Ксантано осторожно толкнула ногой «узи». Тот скользнул к стене, никак не отреагировав на прикосновение. Тогда она нагнулась и потрогала оружие кончиками пальцев. Ствол по-прежнему вел себя как и положено мертвому, неодушевленному предмету: не шевелился, не пытался самостоятельно стрелять. Она взяла его за рукоять, готовая в любой момент выпустить из рук.

— Подожди, — сказал Денис, тяжело дыша. — Дай-ка я проверю. — Он забрал у нее «узи», вынул и вставил обратно магазин, передернул затвор. — Все о'кей. Ничего не сломано, механизм в порядке. — Вернулся.

— Повезло, — сказал подошедший Москит. — Бывало, особо сильные твари пулью прямо в затворной раме крошили. Или ствол забивали мусором. Ты попробуй разобрать на всякий случай, могли крепления расшатать, уроды. Тогда механизм развалится при следующем же выстреле.

— Они... всё? — спросила Ксанта.

— Угу. Вы молодцы, серьезно. Отвлекли их внимание, когда нас совсем прижало. А вообще хорошо, что они нам попались. Бютеры — твари осторожные, лишних неприятностей не любят. Там, где могут быть люди или другие мутанты, ходить осторегаются. А значит, дорога наверх свободна, через галерею выберемся.

— Если только там вся их кодла не болтается, — заметил Скай.

— Может и так быть, — согласился Москит. — Поэтому я пойду проверю — гляну, как там что, а вы пока здесь посидите. И не высовывайтесь.

На последней фразе ведущий обернулся к Ксанте с Денисом и вроде бы едва заметно подмигнул. Похоже, старший проводник все-таки готовит для Скай обещанную проверку. Времени все меньше, до ЧАЭС рукой подать, и, наверное, пора уже избавляться от подозрительного компаньона.

Может, и правильно. Ксанта едва заметно кивнула: поняла, мол. Москит ухмыльнулся, двинулся к лестнице. Столкнулся с нижних ступеней труп бютера и полез наверх.

Скай какое-то время возился со своим автоматом — проверял, наверное, после ментального воздействия мутантов. Потом поднялся и принялся разгуливать вокруг, заглядывая во все щели. Присел перед мертвым телом первого убитого бютера, потыкал его стволом, оглянулся по сторонам, словно бы невзначай зацепив краем глаза Ксанту с Денисом.

— По-моему, он усыпляет наше внимание, — шепнул Кузнец. — Москита нет, а ему нужно передать своим сообщение о нашем дальнейшем маршруте. Пока мы были вместе, он это сделать не мог. Думаешь, зря он тогда исчезал, когда ведущий пошел за снаряжением в Мертвый город?

— Не знаю, — так же тихо ответила Ксанта. — Куда тут исчезнешь? Только назад, в туннель и на лестницу.

— Может, тут какой тайный проход есть.

— Для этого надо его знать. А Скай говорил, что в подземелья Припяти мало ходил, не его это места.

— Мало ли что он говорил... Да твою же мать!.. — Денис осекся на полуслове и принял яростно озираться. — Опять он исчез!

— Куда? Он только что...

Ксанта и сама едва не выругалась от удивления. Перед трупом бютера, где только что сидел на корточках Скай, не было никого. Опять, как тогда, в лесу, младший проводник пропал — беззвучно и молниеносно, воспользовавшись тем, что они отвлеклись буквально на пару секунд.

— Ну, все! — грозно сказал Денис. — Хватит дураков из нас делать! — Он рывком поднялся, сдернул с шеи автомат и пошел вперед, неотвратимо, как бульдозер.

— Подожди! — Ксанта повисла у него на руке. — Москит сказал...

— Да плевать мне, что он сказал! Сам разберусь! А ты, Осень, за мной не ходи, разберемся с этим парнем по-мужски. Исчезает он всегда внезапно и появляется слишком вовремя!

Он оттолкнул ее и зыркнул так, что она сразу поняла: мужчине лучше не перечить. В похожем состоянии Ксанта видела Дениса раз или два за всю жизнь, и ей не слишком хотелось вспоминать эти моменты.

В конце концов, не поубивают же они друг друга.

Кузнец приблизился к убитому телекинетику, отпихнул тело и перемахнул через импровизированный бруствер, который бютеры наскоро накидали из каких-то

полусгнивших ящиков, камней и железяк. Долго искать не пришлось: за глухим с виду карманом в стене пряталась незаметная дверь. Очередной технический туннель, в котором явно и скрылся Скай, больше ему деться некуда. Кузнец осторожно сунулся внутрь со стволом наперевес и замер, услышав за углом негромкое электронное попискивание. Он скользнул вперед по стенке, стараясь двигаться как можно тише.

Денис не мог разглядеть, что происходит за поворотом. Только слышал едва угадываемое ритмичное постукивание — как будто кто-то печатал на сенсорном экране.

«Сука! Да он же нас закладывает! Прямо сейчас и закладывает!»

Добравшись до угла, Кузнец осторожно выглянул.

Наплевав на все предупреждения Москита насчет грибов-невидимок, младший проводник стоял, прислонившись спиной к обвислым кабелям на стене, и быстро набивал сообщение на ПДА.

Денис медленно подтянул к себе АКМК, перехватил поудобнее. Палец привычно лег на спусковой крючок.

— Выходи, — буднично сказал Скай, не отрываясь от своего занятия. — Хватит прятаться. Или ты к следопыту подкрасться вздумал?

Кузнец выпрыгнул из-за угла с автоматом на изготовку. От ярости он шумно, с присвистом дышал. Надоели ему эти тайны мадридского двора хуже рекламы по 3D. Какие-то шпионские игры, интриги, детсадовские приключения... Он всегда предпочитал разбираться по-простому. Простой способ — самый верный. Все гениальное просто.

— Ты кому нас продаешь, сука? — с яростью прорычал Денис.

— Сдается мне, пришло время открыть карты, Кузнец, — сказал Скай, не отводя взгляда от экранчика. — Пока ты дров не наломал. Лучше бы, конечно, совсем без этого обойтись, но что уж теперь...

— Давай выкладывай, с кем ты там трепался!

— Да не вопрос, выложу. Но для начала маленькое вступление, иначе дальше нам будет трудно вести беседу. Как ты думаешь, зачем ты здесь?

— В смысле — «зачем»? — угрюмо буркнул Кузнец. Если сталкер пытается заговорить ему зубы, то хрен у него это выйдет. — Запамятовал? У Ксанты пропал брат, и мы...

Скай вздохнул, покачал головой:

— Он никуда не пропадал, Кузнец. Этот слух распустили специально, чтобы заманить твою подружку в Зону.

— Ксанту?! Заманить в Зону?.. — Денис все-таки растерялся. Такого он никак не ожидал.

— Именно ее, и никого другого.

Наверное, сейчас Скай, воспользовавшись замешательством Кузнеца, мог бы его разоружить, но он даже не попытался.

— Зачем? Чтобы давить на Костю... на Мута?

Сталкер закрыл экранчик ПДА, но убирать под рукав не стал, продолжал копаться в настройках. Кузнецу показалось, что Скай избегает смотреть ему в глаза. Наконец проводник спросил:

— Помнишь наш разговор во время выброса? О Клейме и экстрах?

— Помню, конечно, такое не сразу забудешь. Только при чем тут это? Хочешь сказать, Костик... ну, этот ваш Мут — тоже экстра?

Сталкер наконец поднял глаза. Денис так и не понял, чего было больше в его взгляде — сожаления или нежелания говорить.

— Дурак ты, Кузнец, если до сих пор ничего не понял. Это Ксанта твоя — экстра. У нее самое мощное Клеймо из тех, что я видел в последнее время.

Пару секунд Денис обескураженно молчал, переваривая новость. Как-то не вязалась она с привычной картиной мира, совсем не это он готовился услышать. И тем не менее он поверил Скаю сразу и безоговорочно — разумеется, враг не стал бы выкладывать перед ним такие козыри, лишая себя преимущества. Если Ксанту просто пасут, надеясь, что она

приведет к Муту, — это одно. Но если местные тайные силы интересуются конкретно Ксантой... Значит, опасность для нее вполне реальна, опасность повсюду, опасность ежеминутно. Зачем бы Скаю делиться такой важной информацией, если он замышляет недобroе, — чтобы насторожить Кузнеца?

А Скай продолжал:

— Просто вспомни. Я все равно не смогу ничего доказать, но попробуй хотя бы задуматься. Тебя не удивило, как быстро она смогла поставить на место солдатню и накрутить хвост самому коменданту? А ведь Мортенсен — сверхосторожный сукин сын, на него где сядешь, там и слезешь. Вспомни, как часто ей удавалось буквально парой слов гасить ваши вечные конфликты с Москитом. Вот только что были готовы набить друг другу морду — и уже спокойно болтаете о ерунде. Странно, правда? Она умеет транслировать эмоции, Кузнец. Это ее След — не читать, а проецировать свои.

Денис обескураженно молчал.

— И дар явно прогрессирует. Помнишь, когда на нас насыло стадо контролера — и вдруг разбежалось, а контролер не смог ничего поделать? Не было там никакой химеры, я бы ее издали почувствовал. Или вспомни Альбиноса, который послушно замер после ее крика. Это и есть Клеймо, Кузнец. Самое настоящее и очень удачное. Мало кому из нас так повезло. Кое-кто заполучил только постоянную головную боль и кошмары по ночам...

— Это могут быть и совпадения, — упрямо проговорил Денис. Он уже поверил Скаю, но не привык сдаваться без боя. — Мало ли почему ушло стадо контролера — может, он их сам позвал. А Альбинос просто испугался слишком громкого крика...

Скай улыбнулся краешком губ:

— Кровососы не боятся никого и ничего. Нет у них инстинкта самосохранения — это очередной суперсолдат, неудачный эксперимент военных. Атакующего кровососа может остановить только очередь из «калаша», лучше из двух. Но если тебе мало, подумай еще вот о чем. Эти ее гадания — тебе не показалось, что они слишком часто сбываются?

— Руны-то? Баловство это все. Я сто раз пробовал, вечно какая-то ерунда получалась. Книга предсказаний врет постоянно...

— А ты не заметил, что в последние разы Ксанта в книгу даже не смотрела? Это тоже Клеймо. Она может предсказывать будущее. Пусть пока неопределенно, смутно, в виде гадательной игры, но может. И это в Зоне еще более ценное качество. Многие очень серьезные люди отдадут все, чтобы заполучить в личную собственность такую прорицательницу.

— Да откуда у нее это ваше долбаное Клеймо?! Она что, сталкер? Ходит за Периметр каждый день, как на работу? Она провела здесь два месяца, за территорию лагеря не выходила, за их здоровьем тщательно следили! Откуда?..

Скай нахмурился:

— Биоцентр, в котором работает твоя подружка, — помнишь, как он называется?

— Центр биологических инноваций.

— Вот именно. То есть сначала изобретаем, а потом внедряем. Вот они и изобретали, прямо тут, в Зоне, не отходя от кассы. Никаких мутантов они тут не изучали. Точнее, резали, конечно, но результаты клали на полку или спускали в унитаз. Потому что основным объектом исследований были сами работники. Руководство Центра и его военные спонсоры очень хотели получить достоверный, подтвержденный образец Клейма. Поэтому воздушные фильтры в лагере напоминали дырявое решето, а во время выбросов станция стояла открытая всем ветрам. И в пищу кое-что подмешивали. И стены пропускали весь спектр излучений. Понял теперь? Прикрыли лавочку совсем не потому, что зверье прорвалось через кордоны и сожрало пару техников. Кого бы это напрягло — наняли бы новых. Нет, не в том дело. Просто все подопытные кролики из научной братии, вернувшись домой, не прожили и года. Кто в окно сиганул, кто от неизвестных болячек в одночасье сгорел, а кто и вовсе во сне помер без каких-либо причин. И на сегодняшний день твоя Ксанта — единственная, кто выжил.

— Откуда у тебя такая информация, Скай?

— Сорока на хвосте принесла, — проворчал тот. — Кое-что братец ее раскопал и поделился, кое-что я по своим каналам раздобыл, кое-что сам достроил из открытых источников... За девушкой наверняка было установлено скрытое наблюдение, и я не совсем представляю, как именно ей удалось уйти из-под колпака и нырнуть с тобой в Зону. И военные в Чернобыле-4 — они ведь не зря встрепенулись. Похоже, информация о ее прибытии, которую передал Мортенсен, быстро попала к кому надо. И им велели задержать вас любой ценой. Но кое-кому, наоборот, надо было, чтобы вы беспрепятственно проникли за Периметр.

Денис давно уже опустил автомат. Поежился, огляделся по сторонам и вдруг беспомощно, совершенно по-детски спросил:

— Что же нам теперь делать?

— Все очень не просто, Кузнец. Если бы речь шла только о тебе и о Ксанте, я бы сказал: бери свою девчонку в охапку и сваливай, пока оба целы. Но каша заварилась такая, что теперь вам не выйти даже из Припяти. За вами не только «Монолит» и военные охотятся. Те наемники, что нас дважды догоняли, явные лохи из-за Периметра. Может быть, какая-нибудь частная структура, имеющая отношение к Центру биологических инноваций и стремящаяся вернуть Ксанту. Монолитовцы так не работают, да оно им и не надо было — Москит ведет вас прямо к ним в лапы, к Четвертому энергоблоку... — Он покачал головой. — В общем, держи пока рот на замке. Никому ни слова, особенно ведущему.

— Москит работает на «Монолит»?

— Не уверен... Не могу точно сказать. Когда он ходил за снаряжением, я прокралялся за ним, чтобы проследить, не передаст ли он тайком какое-нибудь сообщение, едва скрывшись из виду. Вроде ничего не передал...

Денис вдруг обеими руками взял Скай за грудки. Встрихнул.

— А ты? Ты на кого работаешь?! Тебе кто платит?

Сталкер осторожно отцепил руки Кузнеца.

— Я сам по себе. Ни на кого не работаю. Но перед Мутом у меня должок неоплаченный. Жизнью я ему обязан...

— А сам ты кому сообщение только что посыпал? А?

— Нашим ребятам из «Последнего рубежа». Одному мне не управиться, если «Монолит» попытается забрать Ксанту... — Он постучал пальцем по экрану ПДА. — Об остальном потом. Москит возвращается. Надо идти.

Глава 20

Старший проводник действительно уже спускался по лестнице. Заметив Кузнеца со Скаем, которые как раз перебирались через баррикаду, спросил:

— Что вы там лазаете, радиоактивное мясо?

— Кузнецу захотелось на бюрера посмотреть, — флегматично ответил Скай.

— Да уж вижу — вон глаза какие квадратные. Дрянь зрешице, правда? Глянешь на такое, и начинаешь мене критично относиться к собственному отражению в зеркале... Я проверил — дорога свободна, вылезем наверх через люк ремонтников. И лучше поторопиться, пока карлики не явились выяснить, куда запропастились их разведчики. Главари у них соображают хорошо, не чета остальным, могут и понять, что к чему.

Ксанта поднялась навстречу мужчинам, наткнулась на странный взгляд Кузнеца и замерла в нерешительности.

— Пошли-пошли, — сказал Москит. — Если не будем зевать, через час выйдем к Радару. Надеюсь, ты не забыла код для подтверждения перевода денег?

Лестница вывела их в широкий проход с пустыми карманами, провонявшими сырым цементом и плесенью. На полу почти не было воды, но где-то рядом шумел сильный поток, а по влажным стенам медленно ползли вниз тяжелые капли.

— Нас тут не затопит? — спросила Ксанта.

Москит отмахнулся:

— Нет, конечно. Это ливневые карманы на случай сильных дождей или паводков. Чтобы вода пошла сюда, наверху должно лить неделю, не меньше.

На самом деле она просто хотела разговорить хоть кого-нибудь. По дороге Ксанта все пыталась выяснить, о чем же Кузнец столковался со Скаем — а они явно договорились, раз вернулись чуть ли не в обнимку, — но Денис лишь качал головой и молча показывал глазами в сторону идущих впереди сталкеров: не сейчас, мол. Молчали и проводники, и ей все больше становилось не по себе. Конечно, у нее и мысли не возникло, что Дениска способен ее продать, но неизвестность угнетала.

Проход разделился на несколько коридоров, каждый из которых заканчивался тупиком. Сверху просачивался смутный, безжизненно-серый свет и немного тянуло холодом. В одном из тупиков по глухой стене поднимались нестройным рядом ржавые скобы лестницы.

— Я первый, — сказал Москит, — Кузнец — за мной, потом Ксанта. Скай замыкающим. И клювом не щелкать наверху! Вылезем у самой границы города, там аномалий что комаров на болоте. Даже не дышите без моей команды.

Ведущий полез по шатким ступеням, ненадежные железные скобы жалобно заскрипели под крепкими подошвами его берцев. Денис чуть замешкался, оглянулся на Скай, словно ожидая от него дополнительной команды стартовать. Тот бесстрастно смотрел мимо. Кузнец тряхнул головой и начал карабкаться следом за Москитом.

Младший проводник подсадил Ксанту. Неожиданно для самой себя она вдруг вцепилась в его руки, да так сильно, что не сразу смогла разжать пальцы.

— Спокойно, — едва слышно сказал он ей на ухо. — Выберешься — не отходи от Дениса. Ни на шаг. Поняла?

Она попыталась оглянуться, чтобы увидеть его лицо, но оборачиваться, когда висишь в неустойчивой позиции на стене, страшно неудобно.

Наверху все переменилось настолько разительно, что Кузнец и выбравшаяся за ним Ксанта не сразу поверили своим глазам. То ли в результате очередного выброса, то ли просто по какой-то необъяснимой местной причине погодные механизмы окончательно съехали с катушек. После тоскливого утреннего дождя небо еще ниже спустилось к земле, почти царапая остовы припятских многоэтажек брюхом, затянутым слепой унылой мглой. Неожиданно повалил снег. Ряды покосившихся панельных новостроек, невысокие руины магазинчиков и конторских зданий, вспученный асфальт улиц и уходящую в сторону ЧАЭС бетонку накрыла грязно-серая, медленно тающая пелена. Ветер бросал в лицо холодную крупу, отчего кожа моментально задубела и покрылась мурашками. Вслед за Москитом все накинули капюшоны, а Ксанта вдобавок натянула на подбородок колючий шарф.

— Хреново дело, — заметил Скай. — В снегу мы как мухи в сметане, любой стрелок приметит за пару километров.

— О снайперах у станции будем думать, — отозвался Москит. — А здесь эта метеорология нам даже на руку. Глянь, прямо выставка достижений местного хозяйства.

Действительно, накрывшая северную часть Припяти снежная перина, грязная, мятая и явно нуждающаяся в стирке, оказалась идеальным визуальным детектором аномалий. При такой концентрации ловушек зачастую пасуют и техника, и знаменитое сталкерское чутье, но сейчас даже желторотый салага справился бы с прокладкой маршрута. Жарки превратились в проталины с бурлящей, исходящей паром мутной жижей внутри; птичьи карусели за полсотни шагов выдавал сумасшедший танец снежинок, летящих по спирали вверх, а спрессованный на ладонь ниже наста ровный круг снега не хуже маркеров указывал на гравиконцентратные плеши.

— Здесь этого дерьяма будто в коровнике: досыта и полной ложкой, — пояснил в пространство Москит. Едва ли для Скай: тому и так все было ясно с первого взгляда. — Обычно идешь как по минному полю. Так что, считай, повезло.

Сталкеры долго возились с настройками детекторов, спорили и совещались. Кузнец стоял рядом и даже иногда вмешивался в разговор, не удержавшись, чтобы не дать ветеранам пару ценных советов. Москит, что любопытно, уже не рычал в ответ, а даже помог ему правильно настроить ПДА. Похоже, Дениска понемногу научился находить общий язык с обоими проводниками.

Ксанте показалось, что про нее забыли. Даже верный друг и тот почти не смотрит в ее сторону — явно наслушался от Ская каких-то великих пацанских тайн и считает ее либо недостойной, либо слишком впечатлительной девчонкой, чтобы знать правду.

— Ну вот что, — сказал наконец старший проводник, озабоченно глядя на ПДА, — примерный маршрут мы вроде определили, но если нас вдруг по дороге обстреляют, не круто выйдет. Скай, посмотри вдоль улицы.

Помощник кивнул и двинулся в снежную полумглу.

— Кузнец, возьми на себя противоположную сторону. Дойди до угла того дома, встань под стену и не отсвечивай. По дороге посмотри, нет ли кого любопытного с оптикой. Открытые и разбитые окна секи сразу. Посматривай на крыши.

Денис, довольный, что впервые за весь маршрут работает рядом с опытным сталкером разведчиком, а не беспомощной отмычкой, тут же сорвался с места.

Ксантэ напряженно уставилась ему в спину. Что-то она упустила, что-то сделала не так, как следовало. Но что именно? Обстановка сейчас была не опаснее, чем тогда, когда Денису приходилось тралить невидимые аномалии. Тогда почему в груди вдруг образовалась такая сосущая, болезненная пустота? Почему так мучительно хочется крикнуть: «Стой! Ни шагу дальше!»?

Кузнец как раз дошел до середины улицы. Обернувшись и увидев, что Ксантэ смотрит на него, помахал ей рукой. Москит что-то спокойно рассматривал на экранчике детектора аномалий — он явно не чувствовал никакой угрозы.

Не сразу Ксантэ вспомнила предупреждение Ская: «Выберешься — не отходи от Дениса». А ведь кем бы ни был Скай, это его предупреждение никак не могло быть частью какого-то коварного плана. Ксантэ просто не могла вообразить, какой такой коварный план подразумевает, чтобы они с Кузнецом непременно оставались вместе. Любые злоумышленники в первую очередь должны были бы позаботиться о том, чтобы избавиться от Дениса, с бывшим десантником возможны очень серьезные проблемы...

А сверху все сыпал и сыпал полузыбкий за долгое жаркое лето снег.

Ей не сразу удалось заметить движение под слоем тающего наста: сначала показалось, что это просто ветер сдувает только что упавшие снежинки. Потом — что в двух шагах от Дениса шевелится кто-то маленький и неопасный. Какая-нибудь мелкая помойная тварь вроде крысы.

А когда на асфальте с двух сторон от Кузнеца появились бурье трещины, когда дорожное покрытие всучилось и стало выворачиваться пластами, словно его распарывали изнутри, было уже поздно.

Ошеломленная Ксантэ, замерев, смотрела, как из-под черной прогалины, разворотившейся и снег, и асфальт под ним, стремительно прорастают коричневые и блестящие каменные стрелы, похожие на изогнутые когти неведомого подземного монстра.

— Стой! Кузнец, назад! — надсаживаясь, закричал Скай с противоположного конца улицы, уже понимая, что безнадежно опоздал.

Ксанте показалось, что потом он грязно выругался, однако короткое слово перед «твою мать» донеслось слишком отчетливо, чтобы перепутать. Слово это было «хлоп».

Денис недоуменно обернулся, и в этот момент стрелы-когти вытянулись в два ряда вдоль невидимой линии, подались в стороны и с ощущимой даже на расстоянии силой — в грудь Ксантэ толкнуло волной воздуха — схлопнулись, словно две гигантские ладони.

Точно на том месте, где только что стоял вполоборота удивленный поднявшейся суматохой Кузнец.

Земля качнулась под гравитационным воздействием неведомой аномалии, со стен

ближайшего дома посыпались бетонная труха и даже целые куски облицовки. Звук могучего удара походил на шлепок гигантской мухобойки — противный и влажный, словно раздавили надоедливое насекомое.

На грязный снег, серые стены и вздыбленные пласти асфальта брызнул кроваво-красный дождь.

Сомкнутые каменные ладони повисели еще секунду в воздухе, а потом нырнули обратно под асфальт, словно их никогда и не было. Гигантская игрушечная обезьяна-музыкант ударила в литавры и спряталась, даже не заметив, что кому-то не повезло угодить точно между двумя медными тарелками. Только расплесканный, как манная каша, асфальт напоминал о силе гравитационного удара. А посреди улицы добавилась новая воронка, щедро политая кровью.

— Всегда они здесь прячутся, — равнодушно сказал Москит. — Не пошлешь отмычку — не пройдешь. Видела, сколько уже кратеров?

Ксанта не двигалась, ноги и руки у нее будто одеревенели. Она никак не могла сообразить, куда исчез Кузнец и как ему удалось так быстро спрятаться. Может, провалился в какой-нибудь незамеченный открытый люк?..

Разумом она, конечно, понимала, что случилось. Ей приходилось читать в отчетах об аномалии «ладони», которую Скай коротко называл хлопом. Понимала, но отказывалась верить самой себе. Дениска, близкий и почти родной человек, не мог погибнуть так нелепо, так бессмысленно, лишь для того, чтобы расчистить дорогу беспринципному сталкеру. Тысячу раз она пугалась, что кто-то из проводников использует его как отмычку, спорила с ними, ругалась... И вот это случилось. Просто и быстро, как вдох.

Один вдох, один поворот головы, а человека уже нет. И этот ублюдок имеет наглость так буднично признаваться в том, что послал Кузнеца на верную смерть?..

— Спасибо, девочка, что предупредила насчет Скай, — продолжал между тем ведущий. — А я-то, дурак, уже делиться с ним собрался... Но ты заставила меня задуматься. Ладно, нет худа без добра. Раз он работает на конкурирующую фирму, значит, мне достанется больше...

АКМК Москита смотрел ей в живот. Вот оно в чем дело. Ксанта понимала, что он вряд ли будет в нее стрелять, что она нужна ему живой, но все равно в желудке скручивался неприятный холодный ком.

— Скай! — крикнул Москит. — Ты там живой еще, бродяга?

Ответом ему было лишь унылое завывание серой метели.

— Эй, это неправильно, — озабоченно пробормотал сталкер. — Куда он делся? Второй хлоп не сработал вроде. Или сработал?..

Москит отвлекся лишь на мгновение, пристально разглядывая через мельтешающую снежную пелену противоположный конец улицы, где сейчас должен был находиться Скай. Этого хватило. Внезапно вынырнув из-за полуразрушенной стены продуктового магазина, кто-то ухватил Ксанту железными пальцами за предплечье и рванул в сторону и вниз. С опозданием грохнул одиночный выстрел, и по бетонному профилю, за которым теперь скрывалась девушка, чиркнула пуля.

Не останавливаясь, Скай тащил ее за собой, в лабиринт мусорных нагромождений бывшего магазина, пригибаясь за прилавками, стремясь, чтобы между ними и Москитом образовалось как можно больше препятствий. Сначала Оксана яростно забилась, пытаясь вырваться, но потом поняла, что помощник ведущего просто уводит ее с линии огня.

За очередным поворотом Скай внезапно остановился, присел на корточки в проходе, направив ствол на угол, из-за которого они только что вывернули.

— Эй, голубки! Не скучно вам? — приветливо донеслось до них с улицы.

— Ты... ублюдок! — выкрикнула Ксанта. — Тварь!..

Новый выстрел осыпал их сухой цементной крошкой.

— Тихо! — прошипел Скай. — Он стреляет на голос!

— Не переживай так, Ксанта! — беззлобно крикнул Москит. — Если тебе будет легче,

я скажу: он совсем не мучился. Думаю, даже ничего не понял. Ладони действуют мгновенно. Хлоп — и душа в рай. Я против него ничего не имел, не думай. Отличный был парень, хоть и баклан. Малость подучить — хороший вышел бы второй номер вместо Пифы. Но бизнес есть бизнес, смекаешь?

— Я же велел не отходить от Кузнеца! — вполголоса бросил Скай ей в лицо. — Тобой Москит не стал бы рисковать. Что ж ты...

Она яростно всхлипнула:

— Я дура... Я тебе не доверяла. Прости... — судорожные вздохи сделали речь Ксанты совсем невнятной. — Я думала...

— Ты еще и думать умеешь? И что ты думала?! Что я возник очень вовремя и потому подозрителен? Лучше б ты о другом думала. Почему, например, на твое первое сообщение отозвались так быстро? Циклоп очень осторожный деятель, никогда больше месяца канал связи не держит, организует новый. А тут — через три часа после твоего выхода на связь появляется посредник, который столь же оперативно находит вам проводника. Тебя это не насторожило, голова садовая? Все указывало на то, что Циклопа на канале давно нет, что там сидят совсем другие люди, сидят и ждут именно вас. А ты купилась, как девчонка!

— Я думала... — Ксанта более или менее справилась с рыданиями и даже хотела выпрямиться, но очередной выстрел Москита заставил ее снова вжать голову в плечи. — Я не думала, что все так серьезно. Что Костик... влип... в такое...

Они замолчали. Москит время от времени постреливал в их сторону, но разговорить больше не пытался. Ксанта не понимала, чего они ждут здесь, почему не пытаются выбраться — противник не смог бы контролировать все пути отхода, тем более в такой снежной круговерти. Территория магазина была большой, тут наверняка есть запасные выходы, слишком много закоулков, где можно спрятаться, куда можно отступить. Однако Скай не двигался с места и на стрельбу не отвечал — он колдовал над детектором, что-то менял в настройках. Наконец натянул на ПДА обшлаг рукава и выругался.

— Не пройти, — проговорил он. — Нигде ни просвета, аномалии сплошным фронтом. А на единственном пути отхода сидит наш старшой с автоматом.

— Сидит? А почему не выковыривает нас отсюда?

— Потому что пат. Да и зачем ему? Он явно ждет своих, которых вызвал, когда вылезал сюда из подземелья якобы на разведку. С какого перепугу ему лезть на рожон? Можно и пулю словить. Вот из этого, — Скай похлопал по цевью своего автомата. — Да и тебя может ранить или убить в перестрелке. Он грамотно все сделал: расчистил себе проход, запер нас в тупике и не дает рыпаться. И прекрасно знает, гад, что никуда мы отсюда не денемся.

— И что же нам делать?

— Не знаю. Думать.

Она сидела, прислонившись спиной к стене с вывалившейся кафельной плиткой, и смотрела в тусклое серое небо. Мысли кружились в голове, словно серая метель. Слишком много всего произошло за последние минуты. Да и о чем вообще можно было думать, если только что погиб ее самый близкий друг и единственный защитник?! К чертовой матери всю эту экспедицию, дурацкие суперменские фантазии! Нафантазировала себе, эгоистка, как она в ореоле славы спасает Костика — и что вышло?..

Впрочем, как внезапно выяснилось, у нее есть еще один защитник.

— А ты за кого, Скай? — тихо спросила она. — Конкурирующая фирма, значит?..

Сталкер поморщился.

— Должок у меня перед Мутом, — нехотя проговорил он. — Неоплатный долгок. То, что я сейчас делаю, — это копейки по сравнению с тем, чем я ему обязан.

— Скай, а ты давно видел Мута? — спросила она.

— Видел, — коротко отозвался сталкер. — Недавно. Жив твой братец, не волнуйся. И скорее всего здоров.

— Где? Ты знаешь, где...

Новый выстрел и визг рикошета оборвал ее на полуслове.

— Подожди с расспросами, — отрезал Скай. — Не сбивай меня с мысли. Сначала надо отсюда выбраться. — Пригнувшись, он принялся стаскивать рюкзак.

— Ты что-то надумал?

— Есть одна идея... — Он достал из рюкзака горсть трофейных патронов от итальянского дробовика, подкинул на ладони и ухмыльнулся. — Вот уж не думал, что так скоро пригодятся...

Оксана молча смотрела на него. Следопыт проверил рожок автомата, сокрушенno покачал головой: боеприпасов осталось маловато. Сказал почти весело:

— Прикрой глаза, сейчас будет фейерверк. Но уши не затыкай — по моему сигналу сигай в окошко и беги через улицу. И быстро!

— Москит же простреливает всю улицу насеквоздь!

— Сдается мне, он будет немного занят.

— Но он увидит нас на детекторе!

— Чуть позже. Датчик движения — штука капризная. Сейчас, например, он нас вообще не видит: мы сидим на месте и почти не шевелимся. Зажмурься!

С этими словами Скай поднял автомат и сделал несколько одиночных выстрелов в воздух. И тут же, размахнувшись, швырнул пару патронов от дробовика в выбитое окно магазина. Москит яростно заорал и даже успел выстрелить в ответ, но в этот момент первый крошечный бочонок с дробью, блеснув медным донышком, вкатился в снежный танец птичьей карусели.

Центробежные силы моментально потянули его в разные стороны, красная пластиковая гильза лопнула, и полсотни железных шариков брызнули веером. Часть из них завертелась в аномалии, но большинство вынесло за пределы ее действия, разметав по окрестностям. Дробины одновременно распечатали две или три контактные пары, заставили новорожденную жарку полыхнуть длинным языком пламени и разрядили пару мясорубок, исторгнувших ослепительные фиолетовые молнии.

Неистовая какофония звуков ударила по ушам, вакханалия разрядов, огненных всполохов и взрывов едва не ослепила Ксанту даже сквозь прикрытые веки. Она крепче зажмурилась, надеясь, что Москиту сейчас не до них двоих.

— Вперед! — проорал над самым ухом Скай, рванув ее за плечо.

Она вскочила, перемахнула следом за ним через полуразрушенный подоконник и бросилась вперед. На месте гибели Кузнеца споткнулась о край вдавленного асфальтового круга и едва не упала, но сумела удержаться на ногах. Как и многие аномалии Зоны, хлоп срабатывал только один раз либо ему требовалось время на перезарядку.

В считанные секунды они промчались через улицу и скрылись за углом. С противоположной стороны не донеслось ни единого выстрела, там все еще рвались одинокие аномалии, но бывший проводник, надо думать, уже разобрался, что к чему.

— Красиво, Скай! — крикнул он. — Молодца! А теперь куда, умник хренов?

— Это тебе знать не обязательно, — буркнул следопыт себе под нос.

Скай высунул из-за угла ствол АКМК и нажал на спуск. Эхо длинной очереди еще продолжало метаться между стен домов, когда Москит выстрелил в ответ. Пуля чиркнула об асфальт и, взвизгнув, ушла в равнодушное низкое небо.

— Сиди и не высовывайся! — сказал Скай, сбросив под ноги Ксанте рюкзак и разгрузку. — Одна все равно далеко не уйдешь.

Она не успела даже моргнуть — он выкатился из-за угла и залег за грудой битого кирпича. Москит выстрелил, заметив движение, и новая пуля не пропала зря: где-то недалеко взорвалась нестерпимым зноем очередная жарка. Волна горячего воздуха заставила девушку прикрыть рот ладонью, чтобы не обжечь легкие очередным вдохом.

Скай не глядя метнул в поле аномалий еще один патрон. Не слишком мощный трамплин отбросил боеприпас в сторону Москита, а очередная мясорубка с оглушительным треском развалила гильзу прямо в воздухе. Град железных шариков в шипении, грохоте и

ослепительном блеске разрядов замкнул контактную пару. Под прикрытием этого фейерверка Скай перекатился еще дальше и скрылся из виду.

Ни один из сталкеров, ставших из коллег смертельными врагами, больше не произнес ни слова. Судя по доносящимся звукам, они медленно кружили в руинах, экономно и прицельно стреляя одиночными.

Москит сначала попытался прижать Скай к южной кромке фронта аномалий, короткими очередями отсекая ему дорогу назад. Но следопыт не поддался на уловку и оживил несколько жарок рядом с противником, сбив ему прицел.

Они долго рыскали вокруг, а потом звуки боя сместились в сторону, и теперь Ксанта угадывала, где происходит схватка, по вспышкам разбуженных аномалий. Выстрелы раздавались все реже, пару раз взметнулись взрывы осколочных гранат — противники перешли на режим строжайшей экономии, у обоих заканчивались патроны.

Ксанта вдруг сообразила, что крепко сжимает рукоять «кузи». У нее мелькнула мысль помочь Скаю с боеприпасами, но, вспомнив приказ не высовываться, девушка решила не дергаться. Похоже, он сам знает, что делает.

И тут она вздрогнула, увидев, как в конце улицы во весь рост поднялся Скай. Раздались несколько выстрелов, и сталкер бросился на асфальт. Москит выстрелил еще раз и умолк. И тогда Скай поднялся снова, только теперь в руке у него поблескивал нож. У помощника ведущего закончились патроны, однако он внимательно считал патроны противника и едва ли рисковал зря.

На противоположном конце улицы поднялся Москит. Да, похоже, его магазин теперь тоже был пуст, но и у него имелся при себе нож.

Все так же молча, без единого знака, Москит и Скай двинулись навстречу друг другу. Со стороны это выглядело жутко — стремительно и безмолвно сближающиеся опытные бойцы, готовые убивать не задумываясь.

Если Скай рассчитал неправильно и у противника осталась хоть одна граната, защитнику Ксанты конец.

Скай рассчитал правильно. Но вместо привычной для дешевого 3D-боевика эффектной схватки на ножах Ксанта увидела нечто странное. Сблизившись, сталкеры грозили друг другу обманными фнтами, угрожающие взмахивали клинками, но не приближались на расстояние прямого удара, танцуя смертельное танго среди обступивших их смертоносных аномалий, стремясь заставить противника попасть в невидимую ловушку. Вычислять коварные плеши и электры при помощи детекторов у них не было возможности — приходилось внимательно следить за соперником, чтобы не пропустить внезапный бросок. Теперь они могли полагаться только на собственную наблюдательность и чутье.

Пара поединников медленно смещалась вдоль улицы, прямиком в самую гущу аномального поля.

Один раз Москит чуть не вляпался в птичью карусель, но вовремя вывернулся из ловушки, оставив в ней только сорванный капюшон, который начал стремительно вращаться в полутора метрах над асфальтом. Затем Скай с трудом, не глядя перепрыгнул через мгновенно раскалившуюся жарку, от огненного дыхания которой затлела его одежда и едва не вспыхнули ботинки.

Ксанта зажмурилась. Ей показалось, что вот сейчас он влетит в какую-нибудь невидимую аномалию, и страшный гравитационный удар впечатает его в землю или вывернет наизнанку. Воронка, такая же, какая осталась от Кузнеца, всосет его в себя, сокрушив хрупкие человеческие кости.

Картина, вставшая перед глазами, была невероятно отчетливой. Сердце захлестнула ледяная безысходность, как за мгновение до гибели Дениски. Не имея времени разбираться, было ли это одно из озарений, ставших уже привычными за последние сутки, или просто проекция ее потаенных страхов, Ксанта выдернула из рюкзака Ская армейский бинокль. Она никак не могла поймать поединников в фокус, руки у нее тряслись, отчего картинка бешено металась и уходила в сторону. Наконец она справилась с нервами, сумела навести на

резкость и увидела Скай.

Он стоял в угрожающей позе, поводя перед собой лезвием ножа, а в полуเมตรе за его спиной медленно раскручивалась птичья карусель. Пока еще слабо, тихо, сейчас она не способна была разорвать даже ворону. Но через несколько минут она наберет силу, и тогда... Ксанта не знала, как быстро заряжаются аномалии. Но она успела разглядеть, как вспыхнули торжеством глаза Москита.

Тогда она пронзительно закричала, срывая голос:

— Сзади!

От неожиданности обернулись оба. Скай сразу отступил в сторону, спираль новорожденной карусели становилась все заметней, у самой земли уже мелькали в круговерти грязные снежные комья, опавшая листва, сломанные ветки, куски дерна с пучками еще зеленой травы. Москит же сделал ненужный шаг в другую сторону, замешкался на мгновение, глянув под ноги, и тут Скай подловил его. Нож следопыта распорол ведущему плечо, тот схватился свободной рукой за глубокий кровавый разрез и вдруг упал навзничь. Ксанта успела решить, что он потерял сознание от болевого шока, но опытный враг лишь нырнул, стремясь уйти от следующего удара. Он перекатился через здоровое плечо и выкинул вперед руку с ножом — так быстро, что стало ясно: убрать ногу Скай уже не успеет. Левая рука против левой ноги — похоже, Москит совершил неплохой размен. С поврежденной нижней конечностью Скай потеряет маневренность, и при равенстве сил, которое уже продемонстрировали поединщики, игра будет быстро окончена. Кроме того, если Москиту удастся зацепить одну из крупных бедренных артерий, Скай истечет кровью раньше, чем прибудут подельники предателя...

Однако бывший ведущий не успел завершить удар. Он успел только закричать. Надсадно, страшно, как кричит человек, внезапно заглянувший прямо в глаза собственной смерти.

Ловушка захлопнулась.

Сталкеры зовут их газировками — кислотные вспышки едкой дряни, родственной гнилому туману Агропрома. Над истошно вопящим Москитом стремительно вздвингся прозрачный мутно-зеленый купол, который мгновение спустя рухнул на человека водопадом дымящихся капель. Кислота, вырабатываемая аномалией, имела невероятную концентрацию — прямо на глазах она стала проедать глубокие черные оспины и каверны в пластинах бронежилета, ноже, одежде и теле бывшего ведущего. Сталкер неистово забился на асфальте словно в припадке падучей болезни, захлебываясь собственным криком. Отступив, чтобы не угодить под летящие во все стороны едкие капли, Скай опустил нож и с угрюмой брезгливостью наблюдал за агонией противника.

Все тело Москита дымилось, словно огромный кусок сухого льда, вытащенный на солнцепек. Кожа лопалась с неприятным влажным треском, обнажая ярко-красное обожженное мясо. Ядовитый кислотный дым плавно скатывался с тела и утекал в ближайшую решетку дождевого слива.

Очертания фигуры умирающего сталкера начали оплывать, как истекающая воском свеча, лицо превратилось в кровавую маску, мученический крик превратился в хриплое бульканье. Ксанту замутило, и она не стала смотреть, что будет дальше. Опустила бинокль и отвернулась.

Наверное, правильно было бы досмотреть до конца казнь того, кто обрек на ужасную смерть Дениску. Но это было выше ее сил.

Глава 21

Подавленная и убитая, она не услышала, как вернулся Скай. Лишь осторожное прикосновение ладони к волосам заставило ее прийти в себя.

— Надо идти, — сказал сталкер. — Скоро тут станет тесно от посторонних.

Пока он натягивал жилет и разгрузку, ожил датчик движения. В далекой дымке среди

бесконечного белого поля вдруг что-то мелькнуло.

— Скай! Там кто-то есть!

Он коротко глянул на экран ПДА, кивнул и выхватил у нее бинокль.

— Что называется, не поминай черта к ночи... Уходим! Быстро!

Отобрав «узи», он рванул с места так резко, что Ксанта с трудом поспевала за ним.

Улицы Припяти кончились, асфальтовые джунгли сменились бесконечной заснеженной равниной, через которую шла широкая, некогда ухоженная дорога к электростанции.

К удивлению Ксанты, они резко свернули и бросились почти перпендикулярно шоссе, в мешанину кирпичных развалин и гнилых деревянных срубов.

— Напрямик нельзя, — тяжело дыша, пояснил Скай на бегу. — Ловушек прорвался. А здесь затеряемся...

Датчик движения равномерно пульсировал. Ксанта обернулась, едва не полетев вверх тормашками, и бросила взгляд назад — теперь черные точки преследователей можно было разглядеть и без бинокля.

В пригороде почти не было жилых домов, в основном здесь располагались технические постройки, мелкие мастерские и гаражи. Сейчас от них мало что осталось, зато, как справедливо заметил Скай, в этом лабиринте мусорных куч, железного лома и каменных фундаментов отыскать беглецов будет не так-то просто.

Но теперь они не могли уходить с той же скоростью, что и раньше. Между строений попадались одиночные аномалии, на ржавых останках гаражей победно реяли длинные хвосты жгучего пуха, так что двигаться приходилось очень осторожно, полагаясь на интуицию Скай и детекторы — на проверку трассы маркерами времени категорически не было.

Первый выстрел раздался, когда они пересекали развороченный хоздвор какой-то ремонтной мастерской. Тяжелая пуля с грохотом воткнулась в ржавую створку ворот, обрушив на землю целый пласт рыжей трухи.

— Гаусс, — сказал Скай, когда они укрылись за углом. — Богато воюют.

Метки на детекторе движения мерцали с трех сторон. Враг окружал.

Они залегли, когда у полурассыпавшейся стены склада их снова обстреляли. Гаусс-пули вонзились в кладку, но вместо того, чтобы выбить кирпичную пыль, чавкнули и исчезли. Ксанта отстраненно наблюдала, как кусок кладки пошел волнами, вс пулся и вдруг потемнел, медленно теряя рисунок. Словно кто-то выключил проектор, и тот, медленно остывая, притушил изображение на экране.

Пострадавший гриб-невидимка отцепился от стены и скатился вниз бесформенной кляксой, напоминающей комок грязных тряпок. В другой ситуации Ксанта была бы счастлива увидеть, как реагирует на физическое воздействие один из самых экзотических представителей местной мутагенной фауны, однако сейчас было не до научных изысканий.

Где-то справа бухнула басом невидимая собака бойцовой породы. Ксанта вздрогнула — опыт последних дней приучил ее к тому, что в Зоне обычные собаки не водятся. Пес гулко взлянул снова, и тут же отозвался еще один, с противоположной стороны. Над головой зло прожужжала очередная пуля.

В какой-то момент Ксанта даже подумала о цепных псах, каких показывают в 3D про тоталитарный СССР: дождь, блестящие черные плащи энкаведешников и рвущиеся с привязи натасканные звери-людоеды.

— Откуда тут собаки? — спросила она. — Это ищёйки?

Словно в ответ вдалеке снова загавкали псы — два или три разом.

— Это гаусс. Он почти бесшумный, но из-за сопротивления воздуха на расстоянии кажется, будто лает собака. Значит, они уже близко... — Скай снова говорил так, словно думал сейчас совершенно о другом. — Черт, да где же наши?! — Он торопливо отстучал что-то на ПДА, нажал «отправить», потом еще и еще раз, дублируя сообщение. — Смотри, — он показал Ксанте экранчик детектора — многочисленные засветки почти взяли их в кольцо. — Видишь тот проход? Между заборами? Он чистый, аномалий нет. Быстро

беги туда. Справа там будет небольшая канава, перепрыгнешь ее — именно перепрыгнешь, вниз не суйся — и постарайся спрятаться на пятаке. Дальше не ходи, навернешься. А я их пока зайду делом.

— Но они же вокруг...

— Давай беги. Не спорь. У нас мало времени. — Он посмотрел на часы, поморщился. — У меня есть отличный план, но надо, чтобы ты не путалась под ногами. Я справлюсь.

— Но как же...

— Беги! — В голосе Ская звякнул металл. Он довольно грубо толкнул Ксанту в бок. — Быстро!

Она поднялась на ноги, проскочила узкую тропинку между заборами, перемахнула канаву, споткнулась на противоположном берегу и упала на колени, больно оцарапав ладони. Совсем рядом оказалась какая-то ржавая железная бочка, черная от копоти, и Ксантанта, чуть помешав, спряталась за ней. Укрытие было так себе, даже она это понимала, но другого все равно не имелось.

В просвет было видно, как залегший Скай поудобнее пристраивает автомат на бетонном порожке и как вырастают из снежной полумглы огромные черные фигуры. Она никак не могла понять, что он затевает. Отсюда его затея отстреливаться от многократно превосходящих сил противника выглядела чистым безумием.

Наверное, это и в самом деле были монолитовцы — Ксантанта слышала, что только их клан может позволить себе одеть всех бойцов в редкие и безумно дорогие экзоскелеты. Сидевший на месторождениях наиболее важных и ценных артефактов «Монолит» денег не считал, а входящие в его состав зомбированные фанатики, по слухам, не имели вредных привычек, так что все заработанные ими деньги уходили исключительно на оружие и экипировку.

Издалека человек в экзоскелете, с непропорционально маленькой головой и слоновыми ногами-тумбами, в которых прятались гидравлические приводы искусственных мышц, напоминал персонажа футуристической компьютерной игры. Жерла длинных черных труб на поясных креплениях то и дело озарялись призрачными синими вспышками — собачий лай бухал так часто, словно у забора сходила с ума целая свора озверевших мастифов.

Обхватив рукоять «узи» обеими руками, Скай отвечал короткими экономными очередями: Ксантанта видела, как от отдачи вздрагивают его плечи. Черные с серебром фигуры неумолимо приближались, и ни одна даже не пошатнулась, хотя Оксана была уверена, что несколько раз Скай попал. Вокруг укрытия, где лежал следопыт, то и дело взметались фонтанчики из снега и земли, но пока, насколько Ксантанта могла судить, он еще не был ранен.

— Ну что же ты, — прошептала она. — Отходи! Назад! Пока не поздно...

Впрочем, она сама понимала, что отходить ему уже некуда.

Монолитовцы приближались с каждой секундой, но он оставался на месте. «Узи» огрывался на многоголосый собачий лай все реже и реже: Скай экономил патроны.

— Уходи!

И тут вдруг Ксантанта осенила мысль, от которой похолодели руки, а разогнавшееся сердце дало сбой. С внезапной стопроцентной уверенностью она поняла, что Скай и не надеялся победить — обычная автоматная пуля не пробивает броню экзоскелета. Перестрелка с «Монолитом» изначально была обречена: это только в греческих легендах простой человек может выступить против неуязвимых полубогов и одержать победу.

Скай просто отвлекал внимание врагов на себя, выводя ее из-под удара.

Она хотела приподняться, заорать во все горло, замахать руками, чтобы те, черные и неумолимые, заметили ее, но в этот момент «узи» умолк. Почти сразу стих и надсадный собачий лай гауссов.

Над местом, где лежал Скай, стояли сразу несколько монолитовцев.

Ксантанта хотела закричать, но горло, сжавшееся горечью новой утраты, не послушалось.

Тогда она привстала, уперлась руками в бочку, чтобы оттолкнуть ее в сторону, и даже зарычала от ненависти ко всему темному.

Она уже ждала, что вот сейчас снова забрешут безумные псы, шевельнутся и рванут в ее сторону толстоногие тени, но вместо этого сверху раздался протяжный скрежет — словно где-то за облаками разрывали на кусочки огромную многокилометровую простыню.

Темные зашевелились, Ксанта подняла голову, но больше никто ничего не успел сделать.

Потому что чудовищной силы гром пнул землю в самое подбрюшье. Она дрогнула, безуспешно стараясь прикрыться от удара нескольких сотен реактивных снарядов. Но внутри раскаленных железок уже сработали взрыватели, и припятский пригород утонул в огненной буре.

Ударная волна опрокинула бочку прямо на Ксанту, придавила девушку к земле, раскатала, словно блин. Сверху полетели комья глины, а через мгновенье по ржавому боку бочки зазвенели осколки. Горячий металлический дождь пролился на снег, и теперь тот шипел и плавился в нескольких шагах от Ксанты. Пришедшая было в себя земля снова застонала от боли под ударами сотен злых и смертоносных ос.

Ксанта закричала, но в почти физически осязаемом водовороте грохота, визга и скрежета не рассыпалась собственного голоса. Потом в какой-то момент внезапно заложило уши, и впереди с отдаленным зловещим гулом поднялись огромные кусты разрывов.

Потерявшая сознание Ксанта уже не видела, как взрывы беспощадно разметали черные фигуры в экзоскелетах и как с севера в зловещем молчании двинулись в атаку бойцы «Последнего рубежа».

— ...ен্য!

Ксанте показалось, будто только что ее позвал знакомый голос. Она шевельнулась, попробовала раскрыть веки. Получилось неожиданно легко — она ожидала, что для этого придется приложить неимоверные усилия. Она встряхнулась, пытаясь разогнать дурноту и слабость, но тут же сморщилась: все тело пронзила боль, а контуженная голова снова загудела.

— Осень!

Только два человека на свете называли ее так, но один совсем недавно погиб у нее на глазах, а второй...

Костик склонился над ней — осунувшийся, небритый, встревоженный, но живой. В армейском штурмовом бронекостюме он выглядел крайне воинственно и по-мужски уверенно. На груди у него болтался расстегнутый респиратор.

Больше всего на свете он боялся ее потерять. Боялся с тех пор, как узнал, что она проникла в Зону. И, увидев безжизненное тело, страшно испугался. Неужели все было напрасно?..

Она вскинула руки, обхватила его за шею. Тошнит от контузии?! Да плевать! Вот он, Костик — живой, целый, невредимый... Она все-таки нашла его.

— Живой! Живой...

Он неловко стянул перчатки, взлохматил ей волосы. Заметил мимолетную гримасу на ее лице и попридержал руку, опасаясь причинить ей боль.

— Да что со мной сделается? Конечно, живой.

— Почему ты пропал? Тебя взяли в плен? В заложники?..

Костя не ответил. В отдалении бухнул выстрел, но он даже не обернулся — похоже, там уже все было кончено, и бойцы «Последнего рубежа» добивали раненых врагов.

— Выходит, я шла спасать тебя, а тебе пришлось спасать меня? — проговорила Ксанта.

— Выходит.

К счастью, она не обратила внимания, что его голос дрогнул, а улыбка вышла кривоватой.

— Господи, какая же я дура... Поперлась без подготовки, угробила кучу людей. Дениска погиб, Скай погиб... А ты, оказывается... — Она подняла голову, внимательно посмотрела на него. — Погоди-ка... Но если ты никуда не исчезал...

Судя по ее сосредоточенному взгляду, разрозненные части головоломки понемногу начали складываться в общую картину. И картина эта, надо полагать, оказалась довольно странной. Сейчас надо было срочно бросить пару убедительных оправдательных фраз, снова смешать головоломку в ее сознании. Она ждала, чтобы он разрушил ее подозрения, она готова была поверить чему угодно. Но у него уже не осталось душевных сил даже на это. Не сейчас.

— Позже, Осень, — сказал он чужим голосом. — Я тебе все подробно объясню, но сейчас нам надо уходить. Мы договорились с артиллеристами полковника Сугорина о том, чтобы они отработали по указанным Скаем квадратам. Системы залпового огня «Шторм», обычно ими гасят прорывы. Штурмовой отряд «Монолита» уничтожен, но Дети Саркофага могут подтянуть свежие силы, и тогда здесь будет жарко.

Он не знал, как вести этот разговор. Он много раз репетировал его, но теперь понимал, что только зря потратил время. Он не сможет ей ничего правдоподобно объяснить. Потому что придется врать и выкручиваться. За последние дни он многократно проклял себя за то, что ему в голову вообще пришел такой чудовищный план. В теории все выглядело эффектно и разумно — но только в теории. Он уже столько раз рисковал своей головой ради высшей идеи, что это воспринималось им как само собой разумеющееся. Вот только он не учел, что рисковать собой куда проще, чем близким человеком. А сейчас почувствовал это как никогда остро — и понял, что в связи с этим весь его дальнейший план находится на грани срыва.

— «Монолит» хотел использовать тебя как приманку, чтобы добраться до меня, — с трудом выдавил он. — Мы вмешались, как только смогли...

Это была полуправда. Сталкеры из «Последнего рубежа» и лично Мут отслеживали прохождение группы Москита, но в происходящее не вмешивались. Если бы они забрали Ксанту на маршруте или хотя бы проявили себя, «Монолит» не дал бы им уйти далеко. Единственный шанс успешно перехватить суперэкстру и вместе с ней раствориться на просторах Зоны состоял в том, чтобы в последний момент силами дружественных военных нанести внезапный артиллерийский удар по штурмовому отряду противника, который явится за ценным призом.

«Последнему рубежу» были жизненно нужны экстры. В последнее время устоявшаяся система выбросов начала давать серьезные сбои. Часть энергии, вырабатываемой продолжающими функционировать несмотря ни на что блоками ЧАЭС, не попадала в пространство, как раньше, а куда-то уходила, накапливаясь черт знает где, возможно, что и в каком-нибудь параллельном пространстве. Скорее всего, к этому были причастны Хозяева Зоны, загадочное «О-Сознание», которые, по оперативным данным, имели отношение к недавнему Большому Прорыву, когда Зона внезапно расширилась на тридцать километров. К счастью, тогда таинственным демиургам не хватило энергии, и зараженная территория быстро вернулась в свои прежние границы. Но в следующий раз им могло повезти больше. Чтобы сорвать их планы, а в идеале и уничтожить саму Зону, «Последнему рубежу» необходимо было пробиться к Четвертому энергоблоку, где у «О-Сознания», судя по всему, было основное логово. Однако сделать это в лоб, нахрапом, не представлялось возможным даже при содействии Сугорина. Чтобы противостоять аномальным полям, зомбирующим излучениям Радара и практически неуязвимой армии «Монолита», клан бывших военсталов нуждался в обладающих сверхъестественными способностями экстрами.

И основной фигурой в грядущей схватке, безусловно, была суперэкстра, способная точно предсказывать исход тех или иных действий «Последнего рубежа».

Главной проблемой в разворачивающейся игре было выманить Ксанту в Зону прежде, чем ею вплотную займутся военные. Информация двойного агента о том, что сестра Костика — суперэкстра, застала клан врасплох. Необходимо было действовать быстро и решительно, не теряя ни минуты. Среди прочих хитроумных планов мнимое исчезновение Мута

оказалось самым многообещающим. И он сработал на все сто процентов — узнав о том, что Костик пропал, Фрау Осень немедленно сорвалась с места. Эмиссары клана в Киеве тайно обеспечили беспрепятственное бегство Ксанты, нейтрализовав агентов Биоцентра, которые вели за ней скрытое наблюдение. Когда Биоцентр спохватился, она была в Чернобыле-4. Уже в военном городке ребятам пришлось снова подстраховывать ее, ввязавшись в бой с военными патрулями, которые едва не захватили ее в «О, крошке!», а потом обстрелять из снайперки и минометов натовцев, чуть не задержавших ее у самого Периметра, пока основные силы «Последнего рубежа» оттягивали на себя монолитовцев в окрестностях Мертвого города. Вечная вам память, ребята...

Увы, не представлялось возможным подсунуть ей своего проводника — тогда «Монолит» предпринимал бы отчаянные попытки захватить ее в Зоне, и это могло закончиться плохо. А так монолитовцы пребывали в полной уверенности, что девушка будет доставлена по назначению. Возможно, у них уже тоже была информация, что Оксана Риттер-Леженда представляет немалую ценность и сама по себе, вне зависимости от родственных связей с Мутом. Неоцененную помощь Муту оказал связавшийся с ним уже в Зоне Скай, который внедрился в группу Москита и корректировал ее продвижение в соответствии с планами «Последнего рубежа». Спасибо, вольный бродяга. Пусть тебе хорошо лежится...

Муту уже не раз приходилось терять боевых друзей, и Скай вполне понимал, что подписывается на смертельно опасное дело. Но вот не стало его — и тьма в душе, и нет сил размышлять логически, и нет никакой возможности выстраивать для Ксанты давно отрепетированную спасительную ложь.

Вместо того чтобы сказать что-нибудь правильное, способное утешить Оксану и вернуть ей доверие, которое улетучивалось на глазах, Костик выдавил:

— Если тебе будет легче... Мы пытались спасти Дениса. Но не успели...

Зря он это сказал. Стало только хуже — он понял это по ее глазам.

Ксюша молчала, глядя на него. Совсем недавно она уже слышала эти слова: «Если тебе будет легче...»

Неужели они похожи, два человека, которые произнесли их? Циничный, жестокий, подлый Москит — и ее Костик? Брат, который когда-то дрался из-за нее в школе, брал на себя все ее проказы и мужественно сносил предназначенные ей наказания?

Он никогда не врал ей, вообще никогда, он всегда приучал ее говорить правду — себе, родителям, учителям, друзьям. Нынешний Мут мало походил на того Костика, мудрого и доброго старшего брата, но она все еще хотела ему верить. Она отчаянно цеплялась за эту веру. Это все, что у нее осталось.

А он не мог объяснить ей, что без нее рухнет последняя надежда на то, чтобы победить «О-Сознание» и уничтожить Зону, омерзительную язву на теле родной земли. Он не мог открыть правду, что использовал ее, что заманил ее в Зону обманом. Не смел он рассчитывать на то, что убедит сестру присоединиться к ним добровольно. Он не мог сказать ничего из того, что был должен. По крайней мере, не сейчас.

Вместо того чтобы объяснить ей все это — и навсегда стать ей чужим человеком, даже если она после этого и согласится сотрудничать с «Последним рубежом», — он тихо произнес:

— Нам надо идти, Осень. У нас нет времени.

Она подняла голову, посмотрела сначала наверх, в унылое серое небо, потом вперед, через плечо Костики.

Подтаявшую корку снега сверху присыпало землей от взрывов, и он из белого стал неопрятно-бурым, какими бывают сугробы по весне. Кровавые капли добавили в палитру немного красного, а рядом валялись в изломанных позах серебристо-черные фигурки. Как будто невидимый кукловод передумал выступать, разом оборвал нити всех своих марионеток, и они, беспомощные и неуправляемые, рассыпались по сцене перед испуганными зрителями.

И над всем этим с севера нависала мрачная громада станции. Серые кубы энергоблоков

проступали из дымки, как массивные крепостные стены. Облупленная труба в гигантских связках ржавых волос больше всего походила на смертельно больное дерево с осыпающейся кроной.

— Пошли, — суровый сталкер, известный по кличке Мут, помог сестре подняться. В глубине его глаз застыла тоска. — Нам еще предстоит о многом серьезно поговорить.